ГЛЕН КУК

К·Н·И·Г·И ЮГА

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Звезды новой фэнтези

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

Хроники Черного Отряда. Книги юга: Игра Теней. Стальные сны. Серебряный клин

«Азбука-Аттикус»

1989, 1990

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кук Г. Ч.

Хроники Черного Отряда. Книги юга: Игра Теней. Стальные сны. Серебряный клин / Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 1989, 1990 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-16098-9

Когда надежда на победу потеряна, остается необходимость выжить.Черный Отряд после кровопролитной битвы при Чарах отправляется на далекий таинственный юг, и за каждым его шагом следят сверхъестественные враги.Лучшие в мире наемники – против Хозяев Теней, могущественных колдунов, которые знаются с Тьмой и творят зло. Шайка авантюристов – в погоне за кладом, смертельно опасным не только для тех, кто до него доберется. И владычица громадной империи – в борьбе со своим чудовищным прошлым.Игра начинается.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-16098-9

© Кук Г. Ч., 1989, 1990
© Азбука-Аттикус, 1989, 1990

Содержание

Игра Теней 6
1. Распутье 7
2. Дорога на юг 9
3. Таверна в Таглиосе 14
4. Темная Башня 17
5. Цепи империи 20
6. Опал 26
7. Копченый и Баба 30
8. Опал. Воронье 33
9. Через бурное море 35
10. Хозяева Теней 39
11. Поход в былое 41
12. Мохнатые холмы 46
13. Немного о последней ночи Лебедя 51
14. Через Д’лок-Алок 52
15. Саванна 54
16. Плетеный Лебедь воюет 59
17. Гиэ-Ксле 61
18. Барка 67
19. Река 71
20. Плетеный Лебедь в плавании 79
21. Обмолот 83
22. Таглиос 86
23. Лебедь, летучие мыши и прочие 97
24. Таглиос. Княжеская настойчивость 100
25. Таглиос. Разведка на юге 104
26. Вершина 111
27. Ночная гонка 113
28. Снова разведка 119
29. Убежище Копченого 126
30. Таглиос пробуждается 129
31. Таглиос. Учебный лагерь 136
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Глен Кук
Хроники Черного Отряда. Книги юга: Игра Теней. Стальные сны. Серебряный клин

Glen Cook
BOOKS OF THE SOUTH: TALES OF BLACK COMPANY
SHADOW GAMES
DREAMS OF STEEL
THE SILVER SPIKE

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2018
© Д. А. Прияткин, перевод, 2018
© Д. А. Старков, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Игра Теней

Посвящается Гарриет Макдугал, чьи ласковые руки вывели Костоправа и Черный Отряд из Тьмы

И с глубочайшей признательностью – Ли Чайлдсу из Северного Голливуда за исторические исследования и ценные предложения

1. Распутье

На перекрестке нас осталось семеро. Мы оцепенело наблюдали за пылью, клубившейся по восточной дороге.

Необратимость случившегося даже неугомонных Одноглазого с Гоблином парализовала почти на час. Под Маслом заржала лошадь. Успокаивая, он прикрыл ей ноздри ладонью и другой рукой потрепал по холке. Настало время раздумий. Эпоха закончилась – мы достигли ее последней эмоциональной вехи.

Но вот и пыль исчезла из виду. Они ушли. Запели птицы, напомнив о том, что мы все же остались. Я вынул из седельной сумы истрепанную тетрадь, уселся на дороге. Дрожащей рукой написал:

Это конец. Мы разделились. Молчун, Душечка и братья Вертуны держат путь к Лордам. Черного Отряда больше нет.

Однако я продолжу вести Анналы – хотя бы по той причине, что привык это делать за двадцать пять лет и ломать такие привычки трудно. И потом, как знать? Те, кого я обязан вести за собой, могут найти мой отчет интересным. Хоть сердце и остановилось, тело еще ковыляет вперед. Фактически Черный Отряд мертв, но его имя живо.

А уж мы-то, видят жестокосердные боги, на собственной шкуре испытали могущество имен.

Я убрал тетрадь в седельную суму.

– Ладно, что случилось, то случилось. – Стряхнув пыль со штанов, я бросил взгляд на нашу собственную дорогу в завтрашний день. Гряда низких холмов с хохолками зарослей тут и там казалась сплошной зеленой изгородью. – Начинается поиск. До темноты успеем покрыть первую дюжину миль.

И останется их еще семь или восемь тысяч.

Я оглядел моих товарищей.

Одноглазый – колдун, сморщенный и черный, будто пыльная сушеная слива, – старше всех на добрых сто лет. Он носит повязку на глазу и широкополую шляпу из черного фетра. Шляпа, судя по виду, претерпела в жизни бесчисленные невзгоды, однако стойко вынесла все мыслимые и немыслимые унижения.

Так же, как и Масло, самый обыкновенный человек. Он сто раз был ранен, однако не умер и уже почти уверился в особом благоволении богов к его персоне.

Обочь Масла – Крутой, еще одна ничем не примечательная личность. И еще один потрясающий пример живучести. Надо же, слезы навернулись на глаза…

Теперь Гоблин. Что можно сказать о нем? Гоблин – он и есть Гоблин, прозвище объясняет все и в то же время ничего. Это наш второй колдун, маленький и вздорный; запрети ему вечную грызню с Одноглазым, и он тут же свернется калачиком да испустит дух. Видели когда-нибудь лягушачью улыбку? Это Гоблин ее изобрел.

Мы, пятеро, вместе уже двадцать с лишком лет, вместе состарились и, пожалуй, знаем друг друга даже чересчур хорошо. Мы конечности умирающего организма. Последние из могучих, великолепных, легендарных… Боюсь, сейчас, с нашим разбойничьим обликом, совершенно недопустимым для лучших в мире солдат, мы позорим память Черного Отряда.

И еще двое. Двадцативосьмилетний Мурген, которого Одноглазый иногда зовет Щенком. Самый младший из нас. Присоединился к Отряду во время нашего бегства из империи. Многопечальный тихоня, неразговорчив, нет у него в жизни ничего и никого, кроме Отряда, но даже в Отряде он одинок – чужой среди своих.

Как и все мы. Как и каждый из нас.

И наконец, Госпожа. Настоящая Госпожа, заблудшая Госпожа, прекрасная Госпожа, плод моего воображения, мучение мое. Еще молчаливее Мургена, но тут случай другой – отчаяние. Когда-то она владела всем. И проиграла. И теперь у нее нет ничего.

Ничего действительно стóящего.

Холодный ветер развеял пыль на дороге к Лордам. Несколько дорогих товарищей ушли из моей жизни навсегда.

Торчать здесь нет никакого резона.

– Проверить сбрую! – С этими словами я, подавая пример, подтянул ремни на вьючных животных. – На конь! Одноглазый, поедешь впереди.

Наконец-то хоть намек на оживление – Гоблин тут же окрысился:

– Чтобы мне глотать вашу пыль?!

Если Одноглазый едет первым, значит Гоблин – замыкающий. Наши колдуны – наездники аховые, но они весьма полезны. Когда один прикрывает фронт, а другой – тыл, мне куда спокойнее.

– Да вроде его очередь или нет?

– Такие дела, как это, не нуждаются в соблюдении очередности. – Гоблин хотел выдавить смешок, но хватило его только на усмешку – эдакое жалкое подобие всегдашней жабьей.

Столь же вялой оказалась и реакция Одноглазого. Он тронулся вперед без всяких комментариев.

Следом, ярдах в пятидесяти, ехал Мурген. Его копье, в двадцать футов длиной, торчало прямо вверх. Некогда на этом копье развевалось наше знамя. Теперь с древка свисают четыре фута рваной черной тряпки. Сплошная символика на разных смысловых уровнях.

Впрочем, нам и так известно, кто мы. И лучше бы другим этого не знать. Слишком много врагов у Отряда.

За Мургеном тронулись Крутой с Маслом, ведя на поводу вьючных. Далее – Госпожа и я, тоже с вьючными. Ярдах в семидесяти за нами – Гоблин. Только таким образом мы и путешествовали, воюя со всем белым светом. Разве что местами менялись.

Не помешали бы, конечно, головной дозор и фланговое охранение, однако возможности у семи человек весьма и весьма скромные. Ничего, зато колдунов у нас аж двое.

Я внушал себе, что мы, ощетиненные оружием, выглядим так же безобидно, как ежик – для лисы.

Восточная дорога скрылась из виду. Никто не оглядывался. Никто, кроме меня, – хотелось верить, что в сердце Молчуна не совсем погас былой огонек. Напрасная надежда. Выражаясь эмоционально, наши пути разошлись много месяцев назад, на залитом кровью, пропитанном ненавистью поле битвы в Курганье. Там мы с Молчуном и Душечкой спасли мир, но все остальное было потеряно. По поводу заплаченной цены можно гадать до конца жизни. У разных судеб разные пути…

– Костоправ! – окликнула Госпожа. – Похоже, дождь.

Ее замечание изумило меня. Нет, оно в точности соответствовало истине – дождик накрапывал. Просто это было первое высказанное ею наблюдение с того ужасного дня в северных краях. Может, наконец-то оживает?

2. Дорога на юг

– Чем дальше идем, тем больше на весну похоже, – заметил Одноглазый.

Он пребывал в добром расположении духа.

Чуть позже и в глазах Гоблина появился озорной блеск. Скоро эта парочка отыщет повод возобновить старинную вражду. Тут-то и полетят колдовские искры! Оно и ладно – остальные тоже развлекутся.

Даже у Госпожи улучшилось настроение. Правда, от этого она не стала разговорчивей.

– Конец привалу, – сказал я. – Масло, гаси костер. Гоблин, ты – авангард.

Я взглянул на дорогу. Недели через две доберемся до Чар. Я еще не разъяснил товарищам, чем мы там будем заниматься.

Вдали над дорогой кружили канюки. Мертвечина, значит, там, впереди…

Знамений и примет я терпеть не могу. Заставляют беспокоиться. Эти птицы меня тревожили.

Я указал взглядом вперед. Гоблин кивнул:

– Разберусь.

– Действуй.

Мурген поехал следом за Гоблином, ярдах в пятидесяти. Дав ему удалиться, тронулись и Масло с Крутым. А вот Одноглазый едва не дышал в затылок нам с Госпожой, привстав в стременах, чтобы не выпускать Гоблина из виду.

– Нехорошие у меня предчувствия, Костоправ, – сказал он. – Ох нехорошие…

Хоть Гоблин и не забил тревогу, Одноглазый оказался прав. Стервятники означали беду.

На обочине, перевернутая вверх колесами, лежала роскошная карета. Две из четырех лошадей валялись в колеях. Умерли, похоже, от ран. Двух других видно не было.

Карету окружали тела шести охранников в мундирах, кучера и верховой лошади. В карете находились мужчина, женщина и двое совсем маленьких детей. Все убиты. Дверца была украшена затейливой работы гербом.

– Крутой, – сказал я, – займись следами. Выясни, что здесь произошло. Госпожа! Ты их не узнаёшь? Герб не знаком?

– Сокол на парапете – герб проконсула империи. Но проконсула нет среди трупов. Он старый и жирный. Должно быть, это его семья.

– Направлялись на север, – сказал Крутой. – На них напали разбойники. – Он продемонстрировал клок грязной одежды. – Но добыча досталась им нелегко.

Я не ответил, и тогда он попросил приглядеться к тряпке.

– Серые, значит, – задумчиво протянул я. Серую форму носили северные имперские войска. – Далековато их занесло.

– Дезертиры, – сказала Госпожа. – Начался распад.

– Похоже на то.

Плохо дело. Я-то надеялся, что империя продержится и даст нам время начать новую жизнь.

– Три месяца назад невинная девушка спокойно могла проехать через всю империю в одиночку.

Госпожа преувеличила, но лишь самую малость. До битвы в Курганье великие силы, в этой самой битве и полегшие, держали провинции под неусыпным наблюдением, и всякие недозволенные проступки пресекались Взятыми быстро и беспощадно. Однако в любой стране, в любой эпохе найдутся люди, достаточно смелые либо глупые, чтобы пробовать законы на прочность, подавая дурной пример другим. И едва империя перестала цементировать народы ужасом, процесс пошел лавинообразно.

Оставалось надеяться, что убитых еще не хватились. Мои планы строились на том, что порядки в этих краях не успели сильно измениться.

– Копаем могилу? – спросил Масло.

– Минутку. Крутой, давно это случилось?

– Пару часов назад.

– И больше никто не проезжал по дороге?

– Почему же, проезжали. Мимо, не задерживаясь.

– Хороша банда, – буркнул Одноглазый, – если не боится разбрасывать трупы на виду у всех.

– Или, наоборот, оставили нарочно, – возразил я. – Может, разбойники желают обосноваться здесь, завоевать себе баронство.

– Возможно, – согласилась Госпожа. – Будь осторожен в пути, Костоправ.

Я недоуменно приподнял бровь.

– Не хочу тебя потерять.

Одноглазый гоготнул. Я покраснел. Однако хорошо уже то, что в ней пробуждается интерес к жизни.

Тела мы захоронили, но карету не тронули. Дань цивилизации отдана, и пора ехать дальше.

Часа через два Гоблин вдруг поскакал обратно. Мурген остановил коня на повороте, у нас на виду. Ехали мы лесом, но дорога была в хорошем состоянии, деревья по обочинам вырублены. Она явно предназначалась для перемещения войск.

– Впереди постоялый двор, – сообщил Гоблин, – и веет от него чем-то… нехорошим.

Близилась ночь. Вечер мы потратили на погребение трупов.

– Есть там кто живой?

По дороге мы не видели никого. Фермы возле леса были брошены.

– Полно! Двадцать человек в гостинице, пятеро на конюшне. Тридцать коней. Еще двадцать человек в лесу неподалеку. И сорок лошадей на выпасе. И прочей скотины – кишмя.

Итак, выбор небогат: уйти от греха подальше или очертя голову броситься навстречу опасности.

Обсуждали положение недолго. Масло с Крутым хотели ехать вперед. Если, мол, что не так, у нас есть Одноглазый с Гоблином.

Последним эта идея не слишком понравилась.

Тогда я поставил вопрос на голосование. Мурген и Госпожа воздержались. Масло с Крутым были за ночлег на постоялом дворе. Одноглазый же с Гоблином все косились друг на друга – когда один выскажется, второй тотчас возьмет противную сторону. Я принял решение:

– Ладно, едем и ночуем. Эти шуты проголосуют по-разному, но все равно большинство за…

Наши колдуны немедленно проголосовали «за» – только для того, чтобы выставить меня лжецом.

Через три минуты впереди появился обветшавший постоялый двор. В дверях, изучающе глядя на Гоблина, торчал какой-то мрачный тип. Другой такой же восседал в расшатанном кресле, прислоненном спинкой к стене, и пожевывал не то соломинку, не то щепку. Стоявший в дверях отодвинулся, пропуская нас.

Крутой назвал тех, чью работу мы видели на дороге, серыми. Но серый мундир носят как раз там, откуда мы прибыли. И я спросил того, что в кресле, на форсбергском, самом употребительном в северных войсках:

– Постояльцев принимаете?

– Ага.

Глаза сидящего сузились. Он явно что-то прикидывал.

– Одноглазый, Масло, Крутой, позаботьтесь о лошадях! – И мягенько: – Гоблин, ты что-нибудь почуял?

– Кто-то вышел с заднего хода. Внутри все встали. Но начнется, пожалуй, не сейчас.

Сидящему в кресле не понравились наши перешептывания.

– Вы надолго? – спросил он.

Тут я углядел татуировку на запястье – еще один верный признак северянина.

– До завтра.

– У нас переполнено, но уж как-нибудь вас устроим.

Однако нахальства ему не занимать…

Дезертиры похожи на тарантулов. Постоялый двор – их гнездо, здесь они решают, на кого напасть. Но всю грязную работу проделывают на дорогах.

Внутри царила тишина. Войдя, мы увидели мужчин и нескольких женщин уж очень затасканного вида. И выглядели эти люди здесь чужими. Обычно придорожные гостиницы – семейные предприятия, в них полно детишек, стариков и прочего народу всех промежуточных возрастов. Здесь – ничего подобного. Только крепко сбитые мужики и дамы определенного сорта.

Неподалеку от двери в кухню стоял большущий свободный стол. Я сел, привалившись спиной к стене. Рядом плюхнулась Госпожа. Эге, да она в ярости! Не привыкла, чтобы на нее вот так бесцеремонно пялились.

Госпожа сохранила свою красоту даже в походном тряпье под слоем дорожной пыли…

Я положил руку поверх ее кисти – жест скорее умиротворения, нежели владения.

Затравленно глядя коровьими глазами, пухленькая девчушка лет шестнадцати подошла спросить, сколько нас, какая еда нам нужна и какое жилье, греть ли воду для мытья, надолго ли останемся и какого цвета наши монеты. Вопросы она задавала правильные, но не было в ее голосе интереса, только боязнь совершить случайную ошибку.

Интуиция моя определила ее как члена семейства, по праву владевшего постоялым двором. Я бросил ей золотой. Этого добра у нас после разграбления имперской казны и бегства из Курганья хватало. Блеск кувыркающейся монеты отразился в глазах мужчин, изо всех сил старавшихся наблюдать за нами незаметно.

Тут подоспел Одноглазый с остальными, тащившими стулья для себя.

– Там, в лесу, суматоха! – шепнул Гоблин. – У них кое-какие планы насчет нас.

Левый угол его рта растянулся в лягушачьей ухмылке. Очевидно, у Гоблина имелись собственные планы. Он любил устраивать так, чтобы враги попадали в ими же подготовленную засаду.

– Разные бывают планы, – сказал я. – Если это бандиты, пускай перевешают друг друга.

Гоблин попросил растолковать – порой мои замыслы еще отвратительнее его собственных. Это оттого, что я давно утратил чувство юмора и следую правилу: чем грязнее, тем смешнее.

Поднялись мы еще до рассвета. Одноглазый с Гоблином наложили на гостиницу свое любимое заклятие, повергающее всех в непробудный сон, и по-тихому смылись, чтобы в лесу прорепетировать представление. Остальные занялись лошадьми и амуницией. Между мной и Госпожой имела место небольшая стычка: она желала, чтобы я сделал что-нибудь для женщин, захваченных разбойниками.

– Если я буду исправлять все неправильное, что встречу на пути, мы не доберемся до Хатовара, – отвечал я.

Она не стала продолжать спор, и через несколько минут мы тронулись в путь.

Одноглазый сказал, что лес вот-вот кончится.

– Ладно, это место ничем не хуже прочих, – согласился я.

Мы с Мургеном и Госпожой укрылись в зарослях к западу от дороги, Крутой, Масло и Гоблин – к востоку. Одноглазый просто развернулся. Ничего явного он не проделывал, просто ждал.

– А если не приедут? – спросил Мурген.

– Значит, мы ошиблись – они не бандиты. С ближайшим попутным ветром пошлю им мои извинения.

Некоторое время все хранили молчание. Выехав на дорогу, чтобы узнать ситуацию, я увидел, что Одноглазый уже не один. За его спиной выстроились с полдюжины всадников. У меня защемило сердце. Эти фантомы были мне хорошо знакомы. Они изображали старых товарищей, давно погибших.

Я ретировался в лес. Мое потрясение было, против ожиданий, слишком сильным. Настроение отнюдь не улучшилось. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь полог леса, играли зайчиками на доспехах моих мертвых друзей. Они ждали врага со щитами и с копьями наготове, безмолвно, как и подобает призракам.

Но они были призраками лишь для тех, кто знал об умении Одноглазого создавать иллюзии. А Гоблин по другую сторону дороги строил собственный легион теней.

Эта парочка – настоящие художники, когда у них есть время для спокойной работы. Хоть и неровня они Госпоже, но все равно знатные чародеи.

– Скачут, – без всякой надобности сообщил я, услышав топот копыт.

В желудке засосало. Стоит ли рисковать, подпуская врагов так близко? Потом будет поздно стрелять. Если они решатся на драку… и если Одноглазый с Гоблином оплошают…

– Поздно дискутировать, Костоправ.

Я взглянул на Госпожу – и мигом вспомнил, кем эта женщина была раньше. Она улыбалась, зная, что творится в моих мыслях. Сколько же раз ей вот так приходилось рисковать, причем на игральных досках не чета нынешней?

Разбойники мчались по дороге. И осадили лошадей в замешательстве, завидев поджидающего их Одноглазого.

Я поехал вперед, а призрачные кони двинулись сквозь лес следом за мной. Зазвенела сбруя, затрещали ветви. Здорово сработано, Одноглазый. Жизненно, как ты говоришь.

Бандитов было двадцать пять. И так физиономии бледные от страха – краше в гроб кладут, а тут они сделались еще бледнее: дезертиры углядели Госпожу и узнали призрачное знамя на копье Мургена.

Черный Отряд весьма знаменит.

Изогнулись две сотни несуществующих луков. Пятьдесят рук вскинулось, словно в попытке уцепиться за брюхо неба.

– Вам, полагаю, следует спешиться и разоружиться, – сказал я предводителю.

Тот некоторое время шумно глотал воздух, прикидывая шансы, затем подчинился.

– А теперь вы, подонки. Живо с седел!

Разбойники повиновались. Госпожа властно махнула рукой, лошади развернулись и зарысили к Гоблину – на самом деле ими управлял он. Гоблин пропустил лошадей – пусть вернутся на постоялый двор в ознаменование того, что гнету конец.

Гладко сошло, ох и гладко! Без единой задоринки! Вот так мы управлялись с делами в былые деньки. Хитрость и маневр! Зачем рисковать и надрываться, когда можно мухлевать и надувать?

Построив пленных вереницей и связав веревкой для упрощения конвоирования, мы направились на юг. Одноглазый с Гоблином расслабились, и разбойники пришли в крайнее возбуждение. Посчитали, что мы поступили нечестно.

Через два дня мы добрались до Жилета. Здесь Гоблин с Одноглазым снова повторили свою масштабную иллюзию, и Госпожа отдала дезертиров на суд гарнизона. По дороге пришлось убить только двоих.

Все это ненадолго задержало нас, но теперь путь свободен, и до Чар около часа езды. Надо смириться с тем, что беда – ближе некуда.

Мои товарищи уверены, что большинство Анналов – у меня. А правда в том, что они остались в руках империи. Их захватили у моста Королевы – и то поражение все еще отзывается в душе болью. Перед заварухой в Курганье мне обещали их вернуть.

Эта самая заваруха и помешала. Ничего другого не остается, как возвращать Анналы самому.

3. Таверна в Таглиосе

Плетеный Лебедь поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Девчонки хихикали, подбивая друг дружку пощупать его светло-желтую шевелюру. Одна, с самыми многообещающими глазами, наконец решилась провести пальцами по кудрям. Плетеный Лебедь подмигнул Корди Мэзеру, сидевшему у противоположной стены гостиной.

Вот жизнь-то пошла с тех пор, как поумнели отцы и братья этих малюток! Не жизнь, а сказка, мечта любого мужчины. Сдобренная, правда, смертельным риском – добираться сюда ох как непросто. Если так пойдет и дальше, если Лебедя не застукают, он вскоре будет весить фунтов четыреста – самый счастливый бездельник в Таглиосе.

И кому бы пришло в голову?.. Заурядная таверна в простодушном городке. Дыра в стене, каких на родине полно на каждой улице, здесь – нечто небывалое. Тут и не захочешь, а озолотишься. Если только местные жрецы не раскачаются и не начнут совать палки в колеса…

Само собой, Лебедь и его подельники – чужестранцы, то есть экзотика, на которую не устает дивиться весь город, в том числе и жрецы со своими выводками. А особенно любопытны смуглые жрецовы дочки. Это здорово помогает в делах.

Путешествие было долгим и трудным, и раньше оно казалось безумной авантюрой. Но теперь каждый пройденный шаг окупается с лихвой.

Лебедь сложил руки на груди, предоставив девушкам делать что захотят. Ничего, он потерпит.

Корди тем часом откупорил очередной бочонок зеленого пива, горького, третьесортного, – сам же и сварил. И за эту дрянь таглиосские олухи платят втридорога! Что же за место такое, если до прибытия Мэзера здесь пива не пробовали? Глухомань! Просто находка для парней без особых талантов, но с шилом в заднице.

– Слышь, Лебедь, – сказал подошедший с полной кружкой Корди, – ежели и дальше так пойдет, надо будет нанять для меня помощника. Запасов только на пару дней хватит.

– Зря беспокоишься. Долго ли продержится твоя пивоварня? Что-то жрецы зашевелились. Найдут повод и прихлопнут наш бизнес. Пора подумать о другом дельце, тоже прибыльном. Ну что?

– Что – «ну что»?

– Почему ты вдруг помрачнел?

– В наши двери только что впорхнула черная птица рока.

Лебедь поспешил оглянуться. Так и есть, возвратился Нож – высокий, поджарый, чернющий. Бритая голова блестит, мускулы так и играют… Ни дать ни взять ожившая отполированная статуя.

Нож окинул зал неодобрительным взором, подошел и уселся за стол Лебедя. Девчонки принялись строить глазки ему – он был не менее экзотичен, чем Плетеный Лебедь.

– Пришел забрать свою долю и сказать, какие мы мерзавцы, что развращаем невинных детей? – поинтересовался Лебедь.

Нож отрицательно покачал головой:

– У старикашки Копченого снова были видения. Ты нужен Бабе.

– Вашу мамашу! – Лебедь спустил ноги на пол. Вот же ложка дегтя! Баба никогда не оставит их в покое. – Опять! Он что, гашиша пыхнул?

– Он же колдун. То есть по натуре сволочь. Ему не надо ничего курить, чтобы стать невыносимым.

– Вашу мамашу! – повторил Лебедь. – Как думаешь, может, просто слинять? Сбыть поскорее крысиную мочу, что Корди наварил, и двинуть назад, вверх по реке?

Нож медленно расплылся в ухмылке:

– Поздно, парень. Ты на крючке, теперь не сорвешься. Копченый шутом бы выглядел, открой он лавочку в твоих родных краях, но здесь он большой человек и главный торговец дурью. Пустишься в бега – поймают и ноги узлом завяжут.

– Это официальное предупреждение?

– Мне ничего такого не говорили. Но явно имели в виду.

– Что ему приснилось? Мы-то при чем?

– Хозяева Теней. Снова. Он сказал, у Тенелова было большое толковище. Они решили: хватит болтать, пора действовать. Копченый сказал, что Лунотень услышал призыв. Копченый обещал, что мы увидим их на таглиосской земле, и очень скоро.

– Эка новость! Он нам эти песни чуть не с первого дня поет.

С лица Ножа сошло все веселье.

– Теперь дела уже не те. Пугать можно по-разному, понимаешь? На этот раз и Копченый, и Баба говорили серьезно. Теперь их волнуют не только Хозяева Теней. Просили тебе передать, что сюда направляется Черный Отряд. Сказали, ты в курсе, что это означает.

Лебедь крякнул, словно от крепкого удара в живот. Поднявшись на ноги, он залпом осушил принесенную Корди кружку и оглядел помещение с таким видом, будто не мог поверить глазам.

– Нож, я ничего глупее в жизни не слыхал! Черный Отряд? Идет сюда?

– Сказали, весть дошла и до Хозяев Теней. И совершенно им не понравилась. Здесь, в низовьях, единственная свободная страна к северу от них. И ты знаешь, кто противостоит Тенелову.

– Не верю! Это же в какую даль переться Черному Отряду?

– Вы с Корди прошли почти столько же.

Нож присоединился к Лебедю и Корди Мэзеру после того, как те преодолели около двух тысяч миль в южном направлении.

– Ну да. Ты, Нож, мне вот что скажи. Кому, кроме нас с тобой да Корди, взбредет в дурную башку тащиться на край света без всякой на то причины?

– Причина у Отряда имеется. Если верить Копченому.

– И какая же?

– Не знаю. Сходи к Бабе, раз она зовет. Может, объяснит.

– Схожу. Все вместе сходим. Так, для виду. А при первой же возможности рвем когти. Ежели Хозяева Теней взбаламутились да Черный Отряд сюда идет, я поблизости от Таглиоса находиться не желаю.

Нож откинулся назад, чтобы одна из девушек смогла прижаться к нему поплотнее. В глазах у него было недоумение.

– Я еще дома видел, – сказал Лебедь, – на что эти вояки способны. Помню, как они дрались за Розы, – ох и досталось же городу… Поверь, Нож: у них очень дурная слава. Если они и вправду сюда явятся, ты пожалеешь, что мы тогда не дали крокодилам тобою закусить.

Нож так до сих пор и не понял, за что его бросили крокодилам. А Плетеный Лебедь, пожалуй, никогда не поймет, почему уговорил Корди вытащить Ножа и взять с собой. Хотя Нож оказался парнем правильным, из тех, кто платит свои долги.

– Лебедь, я считаю, ты обязан помочь местным, – сказал Нож. – Мне нравится этот город. Мне нравятся здешние люди. У них только один недостаток: ума маловато. Иначе давно сожгли бы все храмы.

– Нож, черт тебя возьми, ну какая от меня помощь?

– Здесь только вы с Корди хоть что-то смыслите в военном деле.

– Я провел в армии два месяца. Даже в ногу шагать не выучился. А Корди сыт службой по горло. Мечтает забыть ее, как страшный сон.

Подошел Корди, услышавший бóльшую часть беседы:

– Нет, Лебедь, все не так уж плохо. Правому делу я послужить не прочь. Просто в тот раз оказался не на той стороне. Я считаю, Нож дело говорит. Мне тоже нравится Таглиос. И народ тутошний. И я сделаю, что смогу, чтобы их не подчинили себе Хозяева Теней.

– Слышал, что он сказал? Про Черный Отряд?

– Ага. И еще слышал, что с тобой хотят поговорить об этом. И полагаю, мы должны пойти и выяснить, что происходит, а уже потом разевать рот и объяснять, чего не собираемся делать.

– Ладно, уговорил. Нож, ты остаешься: стереги дом. Ты здесь держи оборону. Рыжую не лапай, она моя. – Он направился к выходу.

– А ты, Нож, умеешь из Лебедя веревки вить, – ухмыльнулся Корди Мэзер.

– Если все пойдет так, как я думаю, уговаривать его не придется. Когда местные выйдут против Хозяев Теней, он будет в первых рядах. Таглиос и ему лег на душу, да только он в этом не признается, хоть режь его, хоть ешь.

– Твоя правда, – хмыкнул Корди Мэзер. – Он наконец нашел себе дом. И никто не сумеет выгнать его отсюда. Ни Хозяева Теней, ни Черный Отряд.

– Этот Отряд в самом деле настолько плох, как говорит Лебедь?

– Хуже. Много хуже. Вспомни все легенды, что слышал дома, прибавь все, что слышал здесь, да навоображай еще столько же, а что получилось, удвой – тогда, возможно, будет похоже на правду. Братья Черного Отряда во всех отношениях круты: решительные, бесстрашные, стойкие. И что хуже всего – хитрые. Такой хитрости тебе даже не представить. Отряд существует четыре или пять веков – никакое другое войско так долго не продержится. Если только оно не состоит из отъявленных мерзавцев, с которыми сами боги не хотят связываться.

– Мамаши, прячьте деток, – протянул Нож. – Копченый тоже хорош – нашел, что во сне видеть…

Корди помрачнел:

– Ага… Я слышал, самая несусветная дичь может стать правдой, если сначала привидится колдуну. Может, стоит Копченому глотку перерезать?

– Пожалуй, – сказал вернувшийся Лебедь, – надо сперва понять, что происходит, а уж потом действовать.

Корди хмыкнул. Нож усмехнулся. Затем они принялись выгонять из таверны местных олухов, но предварительно каждый договорился с одной – а то и не с одной – девицей о новой встрече.

4. Темная Башня

Пять дней я занимался сущей ерундой, а утром шестого, после завтрака, решился завести разговор о делах. Тему обрисовал в самых радужных красках:

– В следующий раз будем отдыхать в Башне.

– Чего-чего?!

– Костоправ, ты рехнулся?

– Надо за ним присмотреть, когда солнце сядет.

И понимающие взгляды в сторону Госпожи. Та сидела с отсутствующим видом.

– Я-то думал, это она едет с нами. Никак не наоборот.

Только Мурген не присоединился ко всеобщему бурчанию. Славный он парень, этот Мурген.

Госпожа, конечно, уже знала, что нам необходимо побывать в Башне.

– Я серьезно, ребята, – сказал я.

А если я веду разговор серьезно, Одноглазый следует моему примеру.

– Зачем? – спросил он.

От этого вопроса я съежился.

– Чтобы забрать Анналы. Я оставил их у моста Королевы.

Мы тогда здорово влипли. И лишь благодаря тому, что были опытнее, отчаяннее и подлее, чем противник, смогли вырваться из имперского кольца. Ценой половины Отряда. Не до книг было…

– Я считал, они уже у тебя.

– Я просил их вернуть, мне сказали: приходи и забирай. Но в то время мы все были слишком заняты. Помнишь Властелина? Хромого? Пса Жабодава? И все прочее? Не было ни малейшей возможности добыть Анналы.

Госпожа подтвердила мои слова кивком. Пожалуй, и впрямь к ней возвращается прежний дух.

Гоблин изобразил самую свирепую гримасу, на какую был способен. Сделался похож на саблезубую жабу.

– Получается, ты об этом знал еще до ухода из Курганья?

Я не стал отпираться.

– Ну ты и козлина! Голову даю, все это время ты стряпал дурацкий план насчет Анналов. При выполнении которого все мы сложим голову.

Я признал, что и это недалеко от истины.

– Мы въедем туда нагло, так, словно Башня наша. Твоя задача – убедить гарнизон, что Госпожа все еще главная.

Одноглазый фыркнул и затопал к лошадям. Гоблин поднялся на ноги и сверху вниз воззрился на меня. Посмотрел-посмотрел… и ухмыльнулся.

– Значит, въедем и захватим? Как говаривал Старик, удача любит наглых.

Но того, о чем думал, не высказал. Однако Госпожа ответила ему:

– Я дала обещание.

И Гоблин заткнулся. Больше никто с вопросами не лез, поэтому Госпожа закрыла тему.

Конечно, ей ничего не стоит нас перехитрить. Вот сдержит слово, а после съест на завтрак всю нашу компанию. Если захочет.

Мой план был построен исключительно на доверии к ней. Товарищи моей веры в Госпожу не разделяли.

Однако они – хоть это, быть может, и глупо – верили в меня.

Башня в Чарах – величайшее одиночное строение в мире. Гладкий черный куб со стороной пятьсот футов. Первый проект, начатый Госпожой и Взятыми после их возвращения из могилы, случившегося множество поколений назад. Из этой Башни Взятые отправились в поход, чтобы собрать громадные армии и завоевать мир. Ее тень и ныне покрывает половину стран, и лишь немногие знают, что сердце и кровь империи были принесены в жертву ради победы над силой куда более древней и темной.

С земли попасть в Башню можно было через единственные ворота. К ним вела дорога – идеально прямая, мечта геометра. Пролегала она через ухоженные парки, и поверить в то, что именно здесь произошла кровавейшая в истории битва, мог только тот, кто участвовал в ней сам.

Я был здесь в тот день. Я все помню.

Не забыли и Гоблин с Одноглазым, и Крутой, и Масло. Особенно Одноглазый. На этом поле он уничтожил чудовище, убившее его брата.

Я вспомнил грохот, и топот, и вопли ужаса, и все страсти, сотворенные военными колдунами, и не в первый раз подумал:

– Мертвы ли эти твари на самом деле? Слишком легко умирали…

– О ком ты? – поинтересовался Одноглазый, которому для того, чтобы очаровывать Госпожу, вовсе не нужно было напрягаться.

– О Взятых. Порой вспоминаю, каких трудов стоило отделаться от Хромого, вот и задаюсь вопросом: как случилось, что целая толпа Взятых полегла за пару дней? И погибали они почти всегда не на моих глазах. Может, обманули? И сейчас два-три покойничка бродят где-то поблизости?

– Костоправ, – пискнул Гоблин, – да ведь они действовали по шести разным планам одновременно! Сами же друг друга и…

– Однако я лично наблюдал гибель только двоих. И никто из вас, ребята, не видел, как испустили дух остальные. Только слышали. А если под шестью планами скрывался седьмой? А если…

Тут Госпожа как-то странно взглянула на меня. Похоже, она не задумывалась об этом раньше и теперь мои мысли вслух ей не понравились.

– По мне, так они вполне мертвы, – сказал Одноглазый. – Я видел уйму трупов. Да ты сам взгляни на могилы Взятых, они отмечены.

– Это еще не значит, что в могилах кто-то есть. Ворон дважды умирал на наших глазах, а отвернешься – он живехонек. Живее некуда.

– Если желаешь убедиться, Костоправ, – сказала Госпожа, – разрешаю тебе выкопать их и осмотреть.

Судя по выражению глаз, это она меня мягко пожурила. А может, даже поддразнила.

– Ладно. Как-нибудь на досуге, от нечего делать, полюбуюсь на эту тухлятину…

– Тьфу ты! – ругнулся Мурген. – Ребята, вы о чем-нибудь другом не могли бы?

Зря он это сказал. Масло заржал. Крутой запел что-то себе под нос. Масло в тон ему грянул:

Заползают червячки,
Выползают червячки,
И по рылу твоему
Шастают букашки…

Гоблин с Одноглазым подхватили. Тогда Мурген пригрозил всех переловить и облевать.

Мы старались отвлечься от мыслей о сгущающейся впереди тьме.

Одноглазый оборвал песню:

– Нет, Костоправ, никто из Взятых не смог бы тихо пролежать столько лет. Если бы хоть один выжил, тут бы такие фейерверки полыхали… Уж мы-то с Гоблином всяко что-нибудь услышали бы.

– Пожалуй, ты прав.

Однако он меня не убедил. Возможно, в глубине души я просто не желал, чтобы Взятые перевелись совсем.

Мы достигли пандуса, ведущего к воротам Башни. Тут она впервые подала признаки жизни. В верхних бойницах показались люди, разряженные точно павлины. Несколько человек вышли из ворот, суетливо устраивая церемонию встречи хозяйки. Завидев их одеяния, Одноглазый презрительно заулюлюкал.

В прошлый раз он себе ничего такого не позволял.

Я наклонился к его уху:

– Потише. Мундиры для своих войск она сама придумала.

Оставалось лишь надеяться, что эти люди вышли встречать Госпожу и не замышляют ничего дурного. Все зависит от того, какие новости прибыли сюда с севера. Порой злые слухи летят быстрее ветра.

– Удача любит наглых, – сказал я. – Ничего не бойтесь, держитесь высокомерно. Не давайте им опомниться. – Глянув в темноту за воротами, я высказал догадку: – Они меня узнали!

– Это-то и пугает! – пропищал Гоблин и разразился кудахчущим смехом.

Башня заслонила собой весь мир. Мурген, увидевший ее впервые, глазел, разинув рот в благоговейном страхе. Масло с Крутым изо всех сил притворялись, что эта груда камней их ничуть не впечатляет. Гоблин с Одноглазым были слишком заняты, чтобы уделять ей внимание. Ну а Госпожа эту Башню сама же и построила, когда была личностью одновременно гораздо крупнее и гораздо мельче, чем сейчас. А я полностью сосредоточился на своей роли.

Полковник, возглавлявший делегацию, был мне знаком. Мы сталкивались, когда судьба приводила меня в Башню ранее. Взаимные наши чувства можно назвать в лучшем случае двойственными.

Он также узнал меня, чем был весьма озадачен. Ведь мы с Госпожой покинули Башню вместе, с того дня уже больше года прошло.

– Как поживаете, полковник? – спросил я, изображая дружелюбную улыбку. – Вот мы и вернулись. С победой.

Он взглянул на Госпожу. Я тоже покосился на нее. Теперь ее ход.

Она приняла наинадменнейший вид. Я мог поклясться, что она и есть дьявол, обитающий в этой Башне. Да ведь так и было. Раньше. Такие, как она, утратив могущество, не умирают. Кстати, а была ли утрата?

Похоже, она решила мне подыграть. Я глубоко вздохнул и на миг прикрыл глаза, а стража Башни тем временем приветствовала свою хозяйку.

Я доверял Госпоже, но… чужая душа – потемки. Особенно душа, потерявшая любую надежду.

Все-таки не исключено, что она вернет себе империю. Укроется в потайной части Башни и заставит подданных поверить, что она совсем не изменилась. Что ей мешает хотя бы попытаться?

Она может так поступить даже после того, как выполнит свое обещание и отдаст мне Анналы.

Мои товарищи уверены, что именно так и будет. Их страшит мысль о том, каким будет ее первый приказ в роли владычицы империи-призрака.

5. Цепи империи

Госпожа сдержала слово. Я получил Анналы в первые же часы нашего пребывания в Башне, пока ее обитатели, потрясенные возвращением хозяйки, не успели прийти в себя. Однако…

– Костоправ, я хочу ехать дальше с тобой.

Так она сказала на второй вечер, когда мы любовались закатом с парапета Башни.

Я отозвался со всем красноречием лошадиного барышника:

– Э-э… Кгхм… Мнэ-э…

Да, я такой, за словом в карман не лезу. Поразительно бойкий и красноречивый ответ. Какого ляда Госпоже ехать с нами? Чего ей не хватает здесь, в Башне? Один-единственный тщательно проделанный трюк – и всю оставшуюся бренную жизнь она будет могущественнейшим созданием в мире. Что проку ехать незнамо куда, незнамо зачем с шайкой усталых стариков, которые, похоже, просто бегут от самих себя?

– Здесь меня ничто не держит, – продолжала она. Как будто это что-нибудь объясняло. – Я хочу… просто хочу понять, каково это – быть обычным человеком.

– Тебе не понравится. Совсем не то, что быть Госпожой.

– Но власть мне была не в радость – обретя ее, я узнала, что́ она собой представляет на самом деле. Ты ведь не откажешь мне?

Дурачится она, что ли? Я бы на ее месте не стал. Все равно это понимание жизни обычного человека будет поверхностным. Я-то думал, вновь поселившись в Башне, Госпожа быстро забудет наши совместные приключения.

Ей удалось здорово сбить меня с толку.

– Так ты согласен?

– Ну, если ты на самом деле этого хочешь…

– Только есть некоторые сложности.

А разве с женщинами бывает по-другому?

– Я не могу отправиться прямо сейчас. Без меня здесь все запуталось, и нужно несколько дней, чтобы навести порядок. А потом смогу уехать с чистой совестью.

Неприятностей, которых я ожидал, мы здесь не встретили. Никто из людей Госпожи не смел подойти поближе, чтобы хорошенько ее разглядеть. Труды Одноглазого и Гоблина пропали даром. Разнесся слух, что Госпожа вновь взяла бразды правления, а Черный Отряд вернулся в Башню, чтобы служить под ее началом. Этого было достаточно.

Прелестно! Но до Опала всего две-три недели пути. А оттуда – через Пыточное море – совсем недалеко до портов, не принадлежащих империи. По-хорошему, надо бы воспользоваться моментом и сделать ноги.

– Ты ведь меня понимаешь, Костоправ? Всего несколько деньков. Честное слово. Только приведу дела в порядок. Империя – вполне отлаженная машина, она работает гладко, пока чиновники верят, что ими кто-то управляет.

– Ладно, несколько дней подождать можно. Но держи своих подальше от нас. И сама держись подальше от них, не позволяй рассмотреть себя.

– Я и не собиралась… И знаешь, Костоправ…

– Что?

– Поучи свою бабушку яичницу жарить.

От изумления я хохотнул. Да, она все больше очеловечивается. И даже научилась смеяться над собой.

Словом, намерения у нее были самые благие. Но тот, кто правит империей, неизбежно становится рабом разных административных мелочей. Прошло несколько дней. И еще несколько. И еще…

Я имел возможность развлекаться в библиотеках Башни, роясь в редчайших и древнейших, эпохи Владычества или даже старше, текстах, распутывая клубок загадок истории севера. Но остальным пришлось туго. Им не оставалось ничего, кроме тревог да единственной заботы: прятаться от всех вокруг. Ну, еще изводить Гоблина с Одноглазым, хотя эти двое сами кого хочешь изведут. Для тех, кто не наделен колдовским даром, Башня была просто мрачной грудой камня. Лишь Гоблин с Одноглазым ощущали ее как гигантскую машину магии, работающую на полную мощность и населенную бесчисленными мастерами темных искусств. Жизнь наших чародеев превратилась в непрестанный ужас.

Одноглазый справлялся с этим лучше, чем Гоблин. Время от времени он находил в себе силы и подавлял страх, чтобы выйти наружу, на поле давней битвы, и предаться воспоминаниям. Иногда я присоединялся к нему. Я был уже почти готов воспользоваться разрешением Госпожи и вскрыть пару старых могил.

Однажды вечером Одноглазый спросил:

– Что, все еще беспокоишься?

Я в это время стоял, опершись на лук без тетивы, торчащий вместо памятника над могилой Взятого, которого, согласно надписи, звали Безликим. Тон Одноглазого был серьезен как никогда.

– Есть такое дело, – признался я. – Не совсем понимаю почему, ведь все это в прошлом, однако мысли о случившемся покоя не прибавляют. В ту пору я воспринимал картину иначе, все казалось естественным и неизбежным. Великая битва избавила мир от мятежников и большинства Взятых, развязала руки Госпоже и сделала ее новым Властелином. Но в контексте последних событий…

Одноглазый вдруг разволновался и поволок меня за собой. Мы дошли до места, ничем не отмеченного, кроме его памяти. Здесь была умерщвлена тварь под названием «форвалака». Та, которая, возможно, убила его брата, когда мы в первый раз встретились с Душелов, посланницей Госпожи в Берилле. Форвалака – тварь наподобие вампира, леопард-оборотень, и ареал ее обитания – родные джунгли Одноглазого, где-то далеко на юге. Колдуну пришлось целый год охотиться на нее, чтобы отомстить.

– Ты вспоминаешь, как трудно было отделаться от Хромого, – задумчиво сказал он.

Он явно размышлял о том, что, как мне казалось, давно выбросил из головы.

Мы так и не узнали, та ли форвалака, что убила Тамтама, понесла наказание. В те дни Душелов близко сошлась с другим Взятым, по прозвищу Меняющий Облик, и есть основания полагать, что в ночь гибели Тамтама Меняющий Облик был в Берилле. Он принял вид форвалаки, дабы с гарантией уничтожить правящую фамилию и обеспечить империи легкую победу.

В общем, если Одноглазый отомстил за Тамтама не той твари, плакать поздно. Меняющий Облик лег костьми в битве при Чарах.

– Да, я вспоминаю Хромого, – согласился я. – Одноглазый, я ведь убил его в том трактире! Наверняка убил. И, не появись он снова, никогда бы не усомнился в его смерти.

– И насчет этих не сомневаешься?

– Разве что самую малость.

– Хочешь прийти, как стемнеет, и раскопать могилу?

– А что толку? В ней кто-нибудь да окажется. А как узнать, тот или не тот?

– Они были убиты другими Взятыми и членами Круга. А это совсем не то же самое, что погибнуть от руки такой бездари, как ты.

Он имел в виду отсутствие колдовских способностей.

– Знаю… Те, кто считается их победителями, и впрямь обладали необходимой для такого дела силой. Только это обстоятельство и спасает меня от навязчивой идеи.

Одноглазый уперся взглядом в землю. Когда-то здесь стоял крест с распятой на нем форвалакой. Через некоторое время он зябко поежился, и его мысли обратились к настоящему.

– Теперь уже не важно. Было это пусть и недалеко, но давно… А скоро будет и далеко, если нам удастся выбраться отсюда.

Он сдвинул черную вислополую шляпу на глаза, чтобы не мешало солнце, и взглянул на Башню. За нами наблюдали.

– Почему она решила ехать с нами? Вот что не дает мне покоя. – Он как-то странно поглядел на меня, потом, заломив шляпу на затылок и уперев кулаки в бока, продолжил: – Знаешь, Костоправ, иногда смотрю на тебя и глазам своим не верю. Какого черта ты здесь ее дожидаешься, когда мы могли покрыть уже много миль?

Хороший вопрос. Сколько думал над ним, а все как-то стесняюсь ответить.

– Ну, она мне вроде как нравится. Я считаю, эта женщина заслуживает толики обыкновенной жизни. Да она, в общем-то, ничего. Правда.

Одноглазый, выдав мимолетную усмешку, повернулся к ничем не отмеченной могиле.

– Да, без старины Костоправа жизнь была бы вдвое скучней. Наблюдать, как тебя колбасит, само по себе поучительно. Все-таки ответь, скоро мы отправимся? Не нравится мне здесь.

– Еще несколько дней. Госпоже надо кое-что уладить.

– Сам-то хоть в это…

Боюсь, я позволил себе резкий тон:

– Когда настанет срок уезжать, я тебя извещу!

Однако это самое «когда» все не наступало. Дни шли, а Госпожа никак не могла вырваться из паутины административных забот.

В ответ на указы Башни повалили вести из провинций. И каждая требовала первоочередного разбора.

Словом, мы провели в этом ужасном месте целых две недели.

– Костоправ, да вытащи же нас отсюда! – потребовал Одноглазый. – Нервы больше не выдерживают!

– Пойми ты, у нее дела…

– У нас тоже дела, ты сам говорил. Кто сказал, что наше дело – ждать, пока она со своими разделается?

Тут на меня наехал Гоблин.

– Костоправ, мы уже двадцать лет терпим твои закидоны! – орал он. – Потому что с тобой интересно! Когда скучно, есть над кем поиздеваться! Но смерти себе я не желаю, это я распроабсолютнейше точно тебе говорю! Не хочу здесь оставаться, даже если она нас всех в маршалы произведет!

Я подавил вспышку гнева. Конечно, неприятно такое выслушивать, но ведь Гоблин совершенно прав. Ради чего мы тут торчим, подвергаясь величайшему риску? Чем дольше ждем, тем больше шансов нарваться на неприятности. Мало нам хлопот со стражей Башни, крайне недовольной нашей близостью к их хозяйке, – как-никак мы столько лет воевали против нее.

– Завтра утром, ребята, – сказал я. – Я не просто лекарь, гуляющий сам по себе, а человек, которого вы выбрали начальником. Простите, что забыл об этом.

Ай да Костоправ, ай да ловкач! Одноглазый с Гоблином были пристыжены. А я усмехнулся:

– Так что пакуйтесь и увязывайтесь! Выезжаем с рассветом.

Госпожа разбудила меня среди ночи. Я было даже подумал…

Затем я увидел ее лицо. Она все слышала.

Она упрашивала остаться, всего лишь на денек. Ну от силы на два. Ей ведь не больше нашего нравится здесь жить, в окружении всего того, что потеряла, что теперь терзает ее самолюбие. Она хочет уехать отсюда, с нами, со мной, с единственным другом на свете…

Мое сердце разрывалось на куски.

На бумаге все это выглядит глупее некуда, но давши слово – держись. Я даже гордился собой. Я не отступил ни на дюйм.

– Всему этому не будет конца, – сказал я. – Каждый раз найдется еще одно дело, которое надо закончить. Пока я жду, Хатовар не становится ближе. Приближается только смерть. Да, ты дорога мне. Я не хочу уезжать… Но смерть здесь прячется за каждым углом, в каждой тени. Она в глазах у всякого, кто обижен и возмущен моей близостью к тебе.

Такие уж нравы в этой империи, и в последние дни многие старые имперцы получили повод для глубочайшей ненависти ко мне.

– Ты обещал мне ужин в садах Опала.

Да я тебе все, что хочешь, пообещаю, сказало мое сердце. А вслух я ответил:

– И не отказываюсь. Обещание в силе. Однако я должен увести отсюда парней.

Я впал в задумчивость, а Госпожа вдруг разволновалась, что ей, вообще-то, несвойственно. В глазах заплясали искорки – она явно что-то замышляла. Мной тоже можно управлять, и мы оба это знали. Но она никогда не использовала личное ради достижения политических целей. По крайней мере, со мной.

Я думаю, каждый однажды находит человека, с которым можно быть совершенно честным, – человека, чье доброе мнение заменяет мнение всего мира. И это доброе мнение важнее всех подлых, скользких замыслов, важнее алчности, похоти, самовозвеличения – важнее всего, что мы творим втихаря, при этом убеждая мир в том, что мы – всего лишь простые, душевные люди. Так вот, я был объектом ее честности, а она – объектом моей.

Одно лишь мы скрывали друг от друга, и только из-за боязни: а вдруг оно, будучи раскрытым, изменит все остальное, а то и разобьет вдребезги нашу откровенность?

Да и бывают ли любящие до конца честны?

– По моим прикидкам, мы доберемся до Опала недели за три. Еще неделя, чтобы подыскать надежного судовладельца и уговорить Одноглазого пересечь Пыточное море. Значит, через двадцать пять дней, считая от сегодняшнего, я буду в садах. И закажу ужин в гроте Камелий.

Я погладил шишку совсем рядом с сердцем. Шишка представляла собой прекрасной работы кожаный бумажник, в коем хранились грамоты, удостоверяющие, что я, генерал вооруженных сил империи, являюсь полномочным имперским посланником, подчиняющимся лично Госпоже.

Именно так, а не иначе. Замечательный повод для ненависти со стороны тех, кто служит империи всю жизнь.

Я и сам не слишком хорошо понял, как до этого дошло. Мы шутливо трепались в один из тех редчайших часов, когда она не издавала декреты и не подписывала воззвания. И вдруг я обнаружил, что осажден тучей портных. Оказался при полном имперском гардеробе. Наверное, мне никогда не разобраться, что означают все эти бесчисленные канты, кокарды, пуговицы, медали и прочая мишура. Словом, в этой одежде я чувствовал себя крайне глупо.

Однако совсем скоро я увидел некоторые преимущества своего новообретенного статуса – и перестал считать себя жертвой изощренного розыгрыша.

У нее есть чувство юмора, и весьма своеобразное; она не всегда относится серьезно к такому ужасающе скучному делу, как управление империей.

И преимущества эти, я уверен, Госпожа увидела задолго до меня.

Так вот, мы беседовали о гроте Камелий в садах Опала. Это у высшего общества излюбленное место, где можно на людей посмотреть и себя показать.

– Я каждый вечер буду там ужинать. Ты можешь присоединиться в любой момент.

В ее глазах я разглядел тщательно скрываемое напряжение.

– Ладно, – кивнула она. – Если буду в тех краях.

Вот в такие минуты мне становится очень неуютно. Что бы ни сказал, будет понято не так. И тут меня выручил коронный прием Костоправа.

Я просто повернулся и пошел.

Вот так я разбираюсь со своими женщинами. Если они расстраиваются, немедленно прячусь в норку.

Я почти достиг двери.

Госпожа, когда нужно, могла двигаться очень быстро. Преодолев разделяющее нас расстояние, она обняла меня и прижалась щекой к моей груди.

Вот так они управляют мной, сентиментальным дурнем. Романтиком занюханным. Мне даже не нужно разбираться в женской натуре – все равно бы не помогло. Я могу упрямиться, но лишь до того момента, когда женщина принимается лить слезы. Этот прием на меня действует безотказно.

Я держал Госпожу в объятиях, пока она не изъявила желание высвободиться. Мы больше не взглянули друг на друга; я повернулся и ушел. Тяжелая артиллерия ей не понадобилась.

Как правило, она играла честно, этого у нее не отнять. Даже когда была Госпожой. Скользкая, хитрая, но более-менее честная.

Всякий приличный имперский посланник наделен кучей прав, вроде права субинфеодации и расхищения казенных денег. Я созвал тех самых портных и натравил их на своих ребят. Раздал звания. Взмахом волшебной палочки превратил Одноглазого и Гоблина в полковников. Крутой и Масло обернулись капитанами. Я даже не пожалел кое-каких чар на Мургена, и тот стал выглядеть совсем как настоящий лейтенант. Я выплатил нам жалованье за три месяца вперед. Все просто обалдели от такой наглости. Думаю, у Одноглазого появилась еще одна причина поскорее оказаться подальше от Башни, и лучше бы там, где можно от души злоупотребить новообретенными привилегиями. А в ожидании этого счастья он был занят в основном препирательством с Гоблином насчет того, кто теперь выше по званию. Эти двое никогда не воротили нос от подарков судьбы.

Самое смешное, что на церемонии вступления в должность посланника, когда Госпожа настояла на внесение в документы моего настоящего имени, я это самое имя вспомнил с превеликим трудом.

Выезжали мы, словно бежали от погони. Только уже не были той шайкой оборванцев, что въехала в Башню.

Я расположился в карете вороненой стали, запряженной шестеркой бешеных черных жеребцов. Мурген – за кучера, а Масло с Крутым – на запятках. Далее – вереница оседланных лошадей. Одноглазый с Гоблином, презрев карету, заняли места направляющего и замыкающего, они ехали верхом на зверях под стать тем, что везли меня. И двадцать шесть конных стражников – в качестве эскорта.

Госпожа пожаловала нам лошадей породы дикой и прекрасной, такими доселе награждали лишь величайших героев ее империи. Давным-давно я ездил на похожем – в битве при Чарах, когда мы с Госпожой охотились за Душелов. Эти волшебные жеребцы могут бежать вовсе без отдыха. Подарок – за гранью вероятного.

Просто не верится, что все это происходит со мной.

Год назад я ютился на равнине Страха, в земляной норе, с полусотней других людей. Мы жили в постоянном страхе быть обнаруженными имперцами. Новой или хотя бы чистой одежды я не имел лет десять, а уж баня с бритьем ценились на вес бриллиантов.

Напротив меня в карете лежал черный лук, подаренный мне Госпожой еще до того, как от нее ушел Отряд. И служил он мне верой и правдой…

Колесо судьбы совершило оборот.

6. Опал

Крутой во все глаза глядел, как я заканчиваю свой туалет:

– Боги!.. Костоправ, ты и впрямь похож на имперского посланника.

– Удивительно, как меняют человека бритва и баня, – добавил Масло. – Я считаю, к твоему облику вполне подходит слово «импозантный».

– Чудеса, да и только! – хмыкнул Крутой.

– Что за сарказм, ребята?

– Да я серьезно, – ответил Масло. – Ты правда здорово выглядишь. Еще бы парик – прикрыть то место, где линия роста волос достает до задницы.

Сказано это было без тени юмора.

– Ладно вам, – буркнул я и сменил тему: – Напоминаю: эту парочку надо держать в узде.

Мы всего лишь четыре дня в городе, а мне уже дважды пришлось своим ручательством избавлять Гоблина с Одноглазым от неприятностей. Даже имперский посланник не все может покрыть, замять и спустить на тормозах.

– Но нас только трое, Костоправ, – возразил Крутой. – Ну что поделаешь, если они не хотят вести себя прилично?

– Ребята, я вас знаю. Вы что-нибудь придумаете. А пока думаете, проследите, чтобы все это барахло упаковали и отправили на корабль.

– Слушаюсь, ваше имперское высокопревосходительство!

Я уже готов был выдать одну из своих искрометнейших, остроумнейших, испепеляющих отповедей, но тут в комнату заглянул Мурген:

– Капитан, карета подана.

А Крутой подумал вслух:

– И как удержать их в узде, когда мы даже не знаем, где они? Их с самого обеда никто не видел.

Я пошел к карете, от души надеясь, что не успею нажить язву до того, как выберусь за пределы империи.

С грохотом промчались мы по улицам Опала: двадцать шесть конных стражей, вороные, звонкая карета и я собственной персоной. Из-под копыт и колес сыпались искры. Очень живописно, но путешествовать в этом чудище – все равно что сидеть в стальном ящике, по которому с энтузиазмом лупят обуянные жаждой разрушения великаны.

Мы подлетели к изящным воротам садов, распугав ротозеев. Я вышел из кареты, держась куда прямее, чем обычно, и отпустил эскорт небрежным жестом, перенятым у какого-то князя, с которым меня свела извилистая судьба. Затем прошел в поспешно распахнутые передо мной ворота и направился к гроту Камелий, надеясь, что память о давнем визите не подведет.

Прислуга садов едва не стелилась под ноги. Я не обращал на нее внимания.

Путь мой лежал мимо гладкого и серебристого, словно зеркало, пруда. Тут я замер с отвисшей челюстью.

Да, я и вправду импозантен, если отмыть и приодеть. Но разве мои глаза – вправду шаровые молнии, а разинутый рот – пылающее горнило?

– Этих двоих спящими удушу! – пробормотал я под нос.

Мало мне огня в глазах, за спиной еще маячит едва различимая тень. Призрак, намекающий, что имперский посланник – всего-навсего иллюзия, созданная куда более темной силой.

Будь проклята эта парочка со своими специфическими шутками!

Двинувшись дальше, я заметил, что в садах полно народу, однако повисла абсолютная тишина. Все наблюдали за мной.

Я уже слышал, что сады ныне не так популярны, как в былые времена.

Значит, публика собралась специально ради моей особы. Ну да, как же, новый генерал. Безвестный выскочка из темной Башни. Волки желают взглянуть на тигра.

Этого следовало ожидать. У моего эскорта было целых четыре дня, чтобы распустить небылицы по всему городу.

Я принял самый высокомерный вид, на какой только был способен. А внутри вовсю шелестел шепоток страха, как у юного лицедея, впервые выходящего на подмостки.

Я устроился в гроте Камелий, подальше от взглядов толпы. Вокруг меня играли тени. Служители подошли осведомиться, чего я пожелаю. Раболепны они были до отвращения.

И какой-то гнусной частице Костоправа это весьма польстило. Частица была достаточно велика, чтобы я понял, отчего некоторые так жаждут власти. Что до меня самого – нет уж, премного благодарен. Я слишком ленив для этого. Несчастная жертва чувства ответственности – вот я кто. Поставь меня на высокую должность, так ведь и впрямь начну добиваться целей, для которых она предназначена. Наверное, во мне недостаточно мизантропии, необходимой, чтобы стать важной шишкой.

А как вести себя за ужином из нескольких перемен блюд, если привык лопать что дают, чтобы не подохнуть с голоду? Это ведь целая наука. По счастью, можно воспользоваться услугами роящихся кругом лакеев – они боятся, что я сожру их заживо, если останусь недоволен их работой. Где не помогают прямые вопросы, поможет старая добрая интуиция – у лекарей большой опыт понимания намеков и туманных подсказок.

Разобравшись с этим делом, я отослал слуг на кухню с наказом не слишком торопиться – попозже ко мне может присоединиться компаньон.

Нет, я не ждал Госпожу. Просто соблюдал проформу. Пусть это будет свиданием без партнерши.

Прочие гости норовили под любым предлогом пройти мимо и взглянуть на незнакомца. Я даже пожалел, что не взял с собой эскорт.

Послышался рокот, наподобие далекого грома. Он приближался; по садам пронесся шепоток, сменившийся гробовой тишиной, тут же нарушенной ритмичным цокотом стальных каблучков. Поначалу я не поверил. Не верил, даже встав, чтобы приветствовать ее.

Показалась колонна стражей Башни, встала, разделилась. Между рядами в манере тамбурмажора промаршировал Гоблин. Выглядел он точь-в-точь как настоящий гоблин, только что выдернутый из самой середки адского пекла. Он мерцал, будто раскаленное железо. За ним тянулся шлейф огня и дыма в несколько ярдов длиной. Колдун вошел в грот, окинул толпу оловянным взглядом, а мне подмигнул. Затем промаршировал через грот к противоположным ступеням и занял там пост, лицом наружу.

Какого беса они затевают? И когда им надоест этот затянувшийся розыгрыш?

А в следующий момент появилась Госпожа – ослепительная, как фантазия, и прекрасная, точно сон. Я щелкнул каблуками и поклонился. Она спустилась в грот, чтобы присоединиться ко мне. Не женщина – волшебное виденье!

Она протянула мне руку. К счастью, за многие годы тягот и лишений я не растерял хорошие манеры.

Пожалуй, все это даст Опалу тему для пересудов!

Одноглазый, окутанный темной дымкой, где кишмя кишели глазастые тени, спустился вслед за Госпожой и тоже осмотрел грот.

Затем он повернулся к выходу, но я сказал:

– Пожалуй, я сожгу дотла эту шляпу.

Колдун был разодет, как лорд, однако на голове красовалась все та же шляпа, мечта тряпичника. Он ухмыльнулся, занимая свой пост.

– Ты уже сделал заказ? – спросила Госпожа.

– Да. Но только на одного.

Тут в грот мимо Одноглазого вбежала орава перепуганных слуг, с хозяином садов во главе. Если передо мной они гнусно раболепствовали, то теперь принялись омерзительно пресмыкаться. Сам-то я никогда не благоговел перед титулами и должностями…

Ужин был долог и неспешен и большей частью прошел в молчании. Время от времени я посылал через стол недоуменные взгляды. Незабываемая выдалась трапеза, хотя Госпожа намекала, что ей доводилось харчиться и куртуазней.

Дело в том, что мы были совсем уж как на сцене: играли не только для публики, но и друг для друга. Как тут прикажете наслаждаться жизнью?

По ходу ужина я признался, что не ожидал появления Госпожи. Она сказала, что, после того как мы вихрем вылетели из Башни, поняла: если сию же минуту не бросит все дела, то никогда не стряхнет с себя оков ответственности за империю – разве что кто-нибудь убьет ее и тем самым освободит.

– Значит, просто ушла, и все? Да ведь без тебя Башня рухнет!

– Нет. Я оставила ее под надежным присмотром. Выбрала достойных людей, чьим суждениям верю, но устроила так, чтобы империя перешла под их власть постепенно, до того как они поймут, что я дезертировала.

– Надеюсь, получится.

Я, знаете ли, записной адепт философской школы, которая утверждает: ежели что-то может протухнуть, оно обязательно так и сделает.

– Получится или нет, для нас будет уже не важно. Мы окажемся недосягаемы.

– Но если половину континента охватит гражданская война? Как-то неуютно. В моральном смысле.

– Я считаю, что искупила этот грех загодя.

На меня дохнуло холодом. Ну когда я научусь держать проклятый язык за зубами?!

– Извини. Ты права. Я не подумал об этом.

– Принимаю. Кстати, мне тоже есть в чем повиниться. Я несколько свободно обошлась с твоими планами.

– Э-э? – Вот он, один из тех моментов, когда я выгляжу крайне глупо.

– Я отменила твое плавание на торговом корабле.

– Как? Зачем?

– Имперскому посланнику не подобает путешествовать на старой грязной барже с зерном, Капитан. Надо держать марку. В порту стоит квинквирема «Черные крылья», построенная Душелов. Я приказала подготовить ее к плаванию в Берилл.

Боги! Та самая роковая квинквирема, что доставила нас на север!

– В Берилле нас не слишком любят.

– Ныне Берилл – одна из провинций империи. Теперь граница отстоит от берега моря на три сотни миль. Или забыл, что сам дрался за это?

Хотелось бы забыть!

– Нет. Но за последние несколько десятилетий я где только не побывал…

Если граница отодвинулась так далеко, значит имперские сапожищи топчут асфальт на улицах моего родного города. Никогда не думал, что южные наместники смогут расширить владения империи дальше прибрежных вольных городов – ведь стратегически необходимы для них были лишь Драгоценные города.

– Ну а теперь что не дает тебе покоя?

– Мне? Нет, все в порядке. Давай наслаждаться цивилизованной жизнью. Нам ее очень мало отпущено.

В ее глазах мелькнули вызывающие искорки. Я отвел взгляд.

– Как тебе удалось привлечь к своей шараде этот клоунский дуэт?

– Исключительно щедростью.

Я рассмеялся. Ну конечно! За деньги – любой каприз.

– Когда «Черные крылья» будут готовы к отплытию?

– Через два дня. Самое большее – через три. И клянусь, никакими делами империи я здесь заниматься не стану!

– Это хорошо. Знаешь, я уже нафарширован по самые жабры, хоть на вертел насаживай. Надо бы совершить моцион. Есть тут безопасное место, куда мы могли бы пойти?

– Пожалуй, я знаю Опал хуже, чем ты, Костоправ. Раньше здесь не бывала.

Должно быть, на моем лице отразилось удивление.

– Не могла же я побывать везде! Некоторое время была занята на севере и востоке. Потом воевала с мужем. Потом ловила тебя. Никогда не хватало времени на пышные развлекательные туры.

– Благодарение звездам.

– За что?

– За то, что ты не успела испортить фигуру. Вроде как комплимент.

Она испытующе взглянула на меня:

– Но ты и так отлично знаешь обо всех моих делах. Описывал их в Анналах.

Я усмехнулся. Между моими зубами просочились наружу струйки дыма.

Ну, канальи, держитесь!

7. Копченый и Баба

Плетеный Лебедь был уверен, что найдет Копченого в любой толпе. То был сморщенный, маленький, тощий типчик. Казалось, его проморили вытяжкой из перегородок грецкого ореха, лишь несколько пятнышек осталось – розовыми были ладони, одно предплечье да пол-лица. Словно после покраски в него плеснули кислотой.

Копченый пока еще не сделал Лебедю ничего дурного. Однако Лебедь его недолюбливал. А Нож был просто равнодушен к нему. Ножу вообще было на всех плевать. Корди Мэзер сказал, что он свое мнение придержит при себе. Да и Лебедь никак не проявлял неприязнь: Копченый все-таки был Копченым да еще якшался с Бабой.

Баба тоже ждала их. Она была еще темнее Копченого и, насколько Лебедь мог судить, темнее кого угодно в Таглиосе. Ее лицо обычно несло выражение крайней неприветливости, отчего тяжело было смотреть ей в глаза. Габариты для таглиоски были почти средними, то есть Лебедю она представлялась невеличкой. Ничто в ней, помимо того, что она вела себя уж очень по-хозяйски, не производило впечатления. Одевалась Баба не лучше уличных старух, которых Корди прозвал воронами. Эти старухи вечно кутались в черное, словно крестьянки, виденные друзьями по дороге через земли Драгоценных городов.

Выяснить, что собой представляет Баба, они так и не смогли, однако понимали, что это отнюдь не простая рыбачка. Она имела связи во дворце, на самом верху. Копченый работал на нее. А простые рыбачки не держат на жалованье колдунов. И вообще, оба были очень похожи на представителей власти, тщетно старающихся не выглядеть официально. И слабовато представляющих себе, как должны одеваться и вести себя простолюдины.

Местом встреч оказался дом, явно принадлежащий важной персоне, но Лебедю не удалось разнюхать, кому именно. Классовые и иерархические различия не много значили в Таглиосе – об этом позаботился религиозный гнет.

Войдя в комнату, Лебедь облюбовал кресло и уселся поудобнее. Пусть видят, что он не мальчик, который прибежит по мановению пальца. Нож и Корди проявили больше осмотрительности.

– Нож говорил, – начал Корди, подмигнув Лебедю, – что вы, ребята, желаете порассуждать о кошмарах Копченого. Копченому они не по накурке привиделись?

– Ты прекрасно понимаешь, господин Лебедь, чем интересен для нас. Несколько веков в Таглиосе и на прилежащих землях царил мир. Искусство войны забыто – просто за ненадобностью. Поскольку наши соседи в равной мере пострадали от прохождения…

Лебедь обратился к Копченому:

– Это она по-таглиоссски?

– Как пожелаешь, господин Плетеный Лебедь. – (Тот уловил в глазах Бабы злобную искорку.) – Вольные Отряды по пути через наши земли творили такие гнусности, что жители и через триста лет боятся взглянуть на оружие.

– Угу, – промычал Лебедь. – Так-то лучше. Уже можно говорить. Давай дальше.

– Нам нужна помощь, господин Лебедь.

– Ну-ну, – пробормотал Лебедь. – Я слышал, этак семьдесят пять, а может, сто лет назад местные снова решили поиграть в подобные игры. Стрельба из лука, то да се… Только человек никогда не стрелял в человека. А потом явились Хозяева Теней. Они взяли Траджевец и Кьяулун и переименовали в Тенесвет и Тенелов.

– Кьяулун означает «Врата Тени», – сказал Копченый.

Его голос, как и кожа, обладал странными изъянами. Он то и дело срывался на визг, от которого Лебедю хотелось скрипеть зубами.

– Так что разница невелика, – продолжал Копченый. – Да, они пришли. И, подобно легендарной Кине, выпустили на волю опасное знание. А именно – военное искусство.

– Сделав это, – сказал Лебедь, – они тотчас принялись сколачивать империю, и, если бы не та заваруха у Тенелова, если бы не их междоусобные склоки, они бы здесь объявились еще пятнадцать лет назад. Я это точно знаю – порасспрашивал в округе, после того как вы, ребята, в первый раз завели с нами разговор о войне.

– И?.. – буркнула Баба.

– И получается, уже пятнадцать лет вам известно, что в один прекрасный день они нападут. И за эти пятнадцать лет вы палец о палец не ударили. А теперь вдруг узнаёте точно, когда наступит этот день, хватаете трех парней с улицы и говорите, что они должны сотворить чудо. Уж извини, сестренка, но Плетеного Лебедя на такое дельце не подобьешь. Для этого у тебя чародей имеется. Пусть старичок сгонит голубей со своей шляпы.

– Чудес нам от тебя не требуется, господин Лебедь. Чудо уже произошло. Копченый видел его во сне. Но нужно время, чтобы чудо подействовало.

Лебедь хмыкнул.

– Мы смотрим на ситуацию реалистически, господин Лебедь. С тех пор как появились Хозяева Теней, иначе нельзя. Положение отчаянное, и страусиная политика нас не спасет. Мы принимаем меры, которые выглядят наиболее целесообразными, учитывая культурный контекст. Мы внушаем массам мысль, что отражение кровавого нашествия – дело великое и славное.

– Массы клюнули, – заметил Нож. – Они готовы отправиться навстречу смерти.

– И это все, на что они годятся, – заметил Лебедь.

– Почему? – спросила Баба.

– Вы неорганизованны, – задумчиво пояснил Корди Мэзер. – И тут ничего не поделать. Ни один человек из главных сект не подчинится приказу члена другой секты.

– Совершенно верно. Религиозные конфликты не позволяют создать единую армию. Может, набрать три армии? Но тогда высшие жрецы могут использовать их для сведения счетов между собой…

– Вот бы сжечь все храмы да жрецов передушить, – проворчал Нож.

– Такие же чувства часто выражает мой брат, – сообщила Баба. – Мы с Копченым полагаем, что массы пойдут за чужаками, умеющими воевать, но не принадлежащими ни к какой фракции.

– То есть хочешь сделать меня генералом?

– Лебедь, – захохотал Корди, – кабы боги мнили о тебе хоть половину того, что ты о себе мнишь, ты давно правил бы миром! Думаешь, ты и есть то чудо, которое Копченый видел во сне? Не собираются тебя производить в генералы, успокойся. Может, разве для виду, пока не надоешь.

– Чего?!

– А кто говорил, что провел в армии два месяца и даже в ногу шагать не выучился?

– А-а… – Лебедь чуть поразмыслил. – Кажется, понимаю.

– Вы действительно будете генералами, – сказала Баба. – И в основном нам придется полагаться на практический опыт господина Мэзера. Но последнее слово будет за Копченым.

– Нам необходимо выиграть время, – подхватил колдун. – Много времени. Скоро Лунотень двинет объединенные силы, числом пять тысяч, на Таглиос. Нельзя потерпеть поражение. Если имеется хоть малейший шанс, мы должны выиграть.

– Мечтать не вредно…

– И вы готовы за это заплатить? – спросил Корди, словно полагал, что задача выполнима.

– Готовы, – ответила Баба. – Любую цену.

Лебедь все смотрел на нее и наконец не смог более удерживать за зубами тот самый вопрос:

– А ты, госпожа хорошая, кто такая будешь? Обещания ваши и планы…

– Я Радиша Дра, господин Лебедь.

– Мать честная, – пробормотал Лебедь. – Старшая сестра князя…

Та самая, которую многие называют истинной владычицей здешних мест.

– Я что-то такое подозревал, но… – Лебедь был потрясен, взволнован и напуган. Однако он был бы не он, если бы не развалился в кресле, не скрестил руки на животе и не спросил с широкой улыбкой: – Так что же мы с этого будем иметь?

8. Опал. Воронье

На первый взгляд империя сохранила свою целостность, однако развал старого порядка зашел далеко. Гуляя по улицам Опала, чувствуешь всеобщую расслабленность. Ходят наглые слушки по поводу новой смены власти. Одноглазый говорил об оживлении черного рынка – в этом вопросе он уже добрую сотню лет спец. А сам я невзначай услыхал о каких-то преступниках, заключенных в тюрьму без всяких официальных санкций…

Госпожу, похоже, это ничуть не трогало.

– Империя возвращается в русло обычной жизни. Войнам конец. В строгостях прошлого времени более нет нужды.

– То есть пора расслабиться?

– Отчего нет? Ты же громче всех жаловался, что за мир заплачено слишком дорого.

– Ну да. Но относительный порядок, защита прав граждан… Против этого я никогда ничего не имел.

– Как ты мил, Костоправ! Значит, мы были не так уж плохи?

Она и раньше чертовски хорошо знала, что я об этом думаю!

– Я, понимаешь ли, не верю в зло без примеси добра.

– Тем не менее оно существует. Зреет на севере, в серебряном клине, забитом твоими друзьями в ствол отпрыска древесного бога.

– Даже во Властелине может быть крупица хорошего. Предположим, он любил свою мамочку…

– Скорее всего, вырвал из ее груди сердце и съел. Сырым.

Я хотел сказать нечто вроде: «Но ты же была его женой», да только не следовало давать ей поводов для возвращения в Башню. Их и без того хватало с избытком.

Но я отвлекся. Я заметил перемены в мире Госпожи. Последней каплей стала дюжина людей, явившихся с намерением вступить в Черный Отряд. Все как один бывалые солдаты. А это означало, что мужчины, годные по возрасту для воинской службы, ныне не у дел. На войне были заняты все. Кто не носил серой формы, тот был в армии Белой Розы.

Шестерым я отказал сразу, а одного, с золотыми коронками на передних зубах, принял. Гоблин с Одноглазым, будучи самозваными распределителями имен, окрестили его Вашим Сиятельством.

Из остальных пяти трое мне понравились, а двое – нет, однако веских доводов за или против кого-либо из них не нашлось. Я был вынужден соврать, что все они приняты и пусть явятся на борт «Черных крыльев» к отплытию. Затем посоветовался с Гоблином. Тот обещал позаботиться, чтобы двое непонравившихся опоздали.

Вот тогда я впервые сознательно обратил внимание на воронье. Особого значения не придал, просто подивился: куда ни пойди, всюду вороны.

Одноглазый захотел поговорить со мной с глазу на глаз.

– Ты не пробовал сунуть нос туда, где остановилась твоя подружка?

Я уже устал оспаривать подобное определение Госпожи.

– А надо бы.

– Как-нибудь потом. И тебя с собой возьму. А что стряслось?

– А то, Костоправ, что это тебе не в жабу гвоздь забить. Трудновато будет туда пробраться, ведь Госпожа получила здесь целую армию. Куда бы мы теперь ни направились, с нами потащится и ее войско.

– Ну уж нет. Может, она и правит этими землями, но не Черным Отрядом. Ни один человек, не подчиненный мне, и только мне, не будет командовать этим формированием.

Одноглазый захлопал в ладоши:

– Замечательно сказал, Костоправ! Ну совершенно как Капитан! Даже вздыбился точно так же – громадный старый медведь перед атакой.

Я, конечно, оригинальностью не отличаюсь, но не думал, что могу быть уличен в плагиате.

– Так в чем дело, Одноглазый? Чем именно она тебя напугала?

– Не напугала, Костоправ. Просто осторожность не помешает. Видел ее багаж? Целый фургон барахла.

– Ну, с женщинами всегда так.

– Только вещи там не женские. Если, конечно, она не носит где-нибудь магических кружавчиков; тут уж тебе лучше знать…

– Магических?

– Что бы ни лежало в ее фургоне, оно содержит в себе заряд колдовства. И надо сказать, мощнейший.

– И что мне, по-твоему, делать?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Просто решил, что ты должен быть в курсе.

– Колдовство – это твоя компетенция. Глянь хоть одним глазком… – тут я хихикнул, – и сообщи, если найдешь что-нибудь полезное.

– Костоправ, твое чувство юмора катится к черту…

– Да я в курсе. С кем поведешься… Еще мама предостерегала меня насчет таких, как ты. А сейчас пошел вон. Помоги Гоблину отвадить тех двоих или еще чем-нибудь займись. И держись подальше от неприятностей. Не то поплывешь за кораблем на буксире, в верткой и хлипкой шлюпке.

Вообще-то, чернокожему трудно позеленеть. Одноглазому это удалось.

Угроза подействовала. Он даже удержал Гоблина от излишнего озорства.

Здесь я, хоть и нарушая хронологию событий, упомяну четверых новых членов нашего Отряда. Это Ваше Сиятельство, Бадья (не знаю, почему его так нарекли, он пришел с этой кличкой), Рыжий Руди и Свечка. Последний тоже получил прозвище не от нас. История этой клички долгая и не особенно интересная, нет смысла приводить ее здесь. Новички вели себя тихо, под ногами не путались, выполняли всю грязную работу и приглядывались к нам. Лейтенант Мурген был счастлив – у него наконец появились подчиненные.

9. Через бурное море

Наши черные стальные кареты прогрохотали по улицам Опала, наполняя раннее утро громом и ужасом. Гоблин превзошел самого себя. Вороные жеребцы на сей раз извергали из пастей и ноздрей огонь, а там, где копыта касались дороги, к небу вздымались языки пламени, угасавшего лишь после того, как мы уносились прочь. Горожане забились по норам.

Одноглазый, опутанный пристежными ремнями, трясся рядом со мной. Напротив нас, сложив руки на коленях, сидела Госпожа. Казалось, ее ничуть не волновала тряска.

Затем наши кареты разделились. Ее свернула к северным воротам, направляясь к Башне. Весь город сочтет, что она находится в этой карете, – таков был наш план. Потом карета должна исчезнуть где-то в малонаселенной местности. Кучер, получивший изрядную мзду, направится на запад, чтобы начать новую жизнь в одном из отдаленных городов на побережье. Мы надеялись, что след затеряется, прежде чем кто-нибудь спохватится.

Госпожа была одета броско и безвкусно – это чтобы ее принимали за путешествующую куртизанку, мимолетное увлечение посланника. Карета была набита ее вещами, а ведь Одноглазый доложил, что целый фургон багажа уже доставлен на борт «Черных крыльев».

Одноглазый сомлел, доверху накачанный особым снадобьем.

Столкнувшись с необходимостью плыть морем, он заартачился. Как всегда. Но Гоблин, издавна знакомый с повадками Одноглазого, все устроил. Лошадиная доза, подмешанная в стакан утреннего бренди, сделала свое дело.

Так с грохотом неслись мы пробуждающимися улицами, направляясь к морю, распугивая бредущих в порт грузчиков. Подкатили к самому краю большой пристани, взлетели по широченным сходням. Подковы загремели по доскам палубы, и тут мы остановились.

Я вышел из кареты. Капитан встретил меня со всеми подобающими почестями, не преминув злобно выругаться по поводу варварского обращения с палубой. Я осмотрелся. Четверо наших новичков были на месте. Я кивнул. Капитан заорал. Матросы разбежались по местам. Другие принялись помогать нам распрягать и расседлывать лошадей. И тут я заметил ворону, устроившуюся на самой верхушке мачты.

Маленькие буксиры с гребцами-каторжниками оттащили «Черные крылья» от причала. Тут заработали наши весла. Забили барабаны. Квинквирема развернулась носом в открытое море. Через час мы, пользуясь отливом, уже были далеко в проливе, и попутный бриз наполнил громадный черный парус. Оснастка корабля не изменилась после нашего плавания на север, хотя сама Душелов была уничтожена Госпожой, когда отбушевала битва при Чарах.

А ворона все сидела на своем шестке.

Для плавания через Пыточное море сезон был самый благоприятный. Даже Одноглазый признал, что путешествие прошло быстро и гладко. Мы увидели берилльский маяк на третье утро, а с полуденным приливом вошли в гавань.

Появление «Черных крыльев» подействовало на местную публику именно так, как я ожидал и опасался.

В прошлый раз, когда это чудище появилось здесь, скончался синдик, последний вольный доморощенный тиран этого города. Его преемник, которого назначила Душелов, стал имперской марионеткой. А уже его преемники имели должность губернатора империи.

Едва квинквирема подошла к причалу, гавань наполнилась чиновниками.

– Мокрицы, – сказал Гоблин. – Мздоимцы и бумагомараки. Крохотные подколодные насекомые, стыдливо прячущиеся от честной работы.

Где-то в глубинах его прошлого таилась причина для лютой ненависти к сборщикам налогов и пошлин. Разумом я его понимаю. То есть хочу сказать, нет на свете людишек низменнее –

возможно, за исключением сутенеров, – чем те, кто упивается властью, позволяющей унижать, вымогать и ввергать в нищету. Мне они внушают всего лишь легкое отвращение к человеческому роду, однако у Гоблина эта ненависть превратилась в пламенную страсть. Время от времени он пытается подбить наших на отлов нескольких мытарей с последующим преданием оных самым изощренным пыткам и казням.

Мокрицы были потрясены и перепуганы. Они не понимали, чем вызван этот внезапный и наверняка зловещий визит. Прибытие имперского посланника могло означать сотню разных разностей, но для окопавшейся на местах бюрократии оно не сулило ничего хорошего.

Работы остановились повсеместно. Даже ругающиеся на чем свет стоит артельщики умолкли, чтобы взглянуть на корабль-предвестник.

Одноглазый оценил обстановку:

– Костоправ! Уводи нас поскорее из этого города. Иначе снова получим то же, что и в Башне. Только здесь гораздо многолюднее и вопросов к нам будет гораздо больше!

Карета была готова, Госпожа уже сидела внутри. Все лошади эскорта – под седлом. Конные стражи собрали легкий фургон и нагрузили его багажом нашей спутницы. Мы приготовились съехать на берег, едва причалит капитан.

– По коням! – скомандовал я. – Одноглазый, как спустят сходни, организуй какие-нибудь адские трубы. Масло, гони так, словно сам Хромой тебе на пятки наступает! – Я повернулся к командиру эскорта. – А вы отсекайте преследователей. У этих людей не должно быть никакой возможности задерживать нас.

Я уселся в карету.

– Мудро, – сказала Госпожа. – Либо убираемся как можно скорее, либо рискуем попасть в ловушку вроде той, из которой я едва выбралась.

– Именно этого я и опасаюсь. Я могу изображать посланника лишь при условии, что никто не станет рассматривать меня слишком пристально.

Гораздо лучше с грохотом пронестись по городу и умчаться прочь, и пусть себе думают, что посланник из Взятых, со скверным характером, презрительный и надменный, отправляется на юг с миссией, а с какой – это не их, берилльских управленцев, собачье дело.

Сходни громыхнули о пристань. Завыли заказанные мною адские трубы. Мой отряд ринулся вперед. Ротозеи и чиновники кинулись врассыпную от волны пламени и мрака. Мы прогремели по улицам Берилла так же, как и в Опале, сея ужас на своем пути.

Оставленная нами квинквирема отчалила с вечерним отливом, шкиперу был дан приказ следовать к Гранатовым дорогам, чтобы там патрулировать и отлавливать пиратов и контрабандистов. Сами же мы покинули город через Мусорные врата. Обычные лошади уже устали, однако мы продолжали путь, пока нас не скрыли сумерки.

Несмотря на столь поспешный отъезд, мы не смогли стать лагерем достаточно далеко от Берилла, чтобы избежать какого бы то ни было внимания.

Разлепив глаза поутру, я обнаружил Мургена, ожидающего моего пробуждения. Рядом с ним сидели три брата, пожелавшие записаться в Отряд. Звали их Клетус, Лонгинус и Лофтус. Во время прошлого нашего визита они были еще пацанами и как вчера ухитрились опознать нас в дикой скачке через город – загадка. Они заявили, что ради шанса поступить в Отряд дезертировали из городских когорт. Мне не шибко хотелось устраивать допрос, поэтому я положился на мнение Мургена, сказавшего, что с ними, пожалуй, все в порядке.

– Если они такие дураки, что готовы очертя голову переть на рожон вместе с нами, то пусть служат. Отдай их Крутому.

Значит, теперь у меня два худосочных отделения. Четверо опальских с Маслом во главе и эти трое под командованием Крутого. В истории Отряда такое случалось часто. Один человек – здесь, два – там, глядишь, дело пошло.

Забираемся все дальше на юг. Миновали Ребозу, где Отряд успел недолго послужить и где были завербованы Масло и Крутой. Они пришли к выводу, что город безмерно изменился, но кое-что осталось прежним. Расстались эти двое с Ребозой без сожаления. Здесь они привели в Отряд еще одного бойца, племянника, быстро окрещенного Весельчаком – за мрачный вид и саркастический тон.

Далее была Падора, а за ней – перекресток множества торговых трактов, где я был рожден и где записался в Отряд перед самым окончанием его службы в наших краях. Молод был и глуп. Но хоть мир посмотрел.

Я отдал приказ остановиться на день в просторном караван-сарае за городской стеной у западной дороги, а сам отправился в город и позволил себе малость побродить по улицам, где бегал еще мальцом. Как говорил Масло о Ребозе, все то же самое, но до чего же изменилось! Все перемены, конечно же, во мне самом…

Украдкой зашел в родной квартал и посмотрел на бывшее мое жилище. Никого из знакомых не встретил – разве что женщина, увиденная мельком и похожая на бабку, была моей сестрой? Я не окликнул ее, не спросил ни о чем. Для этих людей я мертв. И возвращение в качестве имперского посланника ничего не изменит.

Мы стояли у последнего мильного столба империи. Госпожа старалась убедить лейтенанта, командовавшего конногвардейцами, что его задача выполнена и что переход имперских солдат через границу может быть принят за провокацию, а это совсем нежелательно.

Порой ее люди слишком преданы ей. Полдюжины ополченцев из пограничной стражи – равно распределенных по обеим сторонам дороги, одинаково оборванных и, очевидно, давно подружившихся – стояли поодаль, в благоговейном страхе обсуждая нас. Наши нервничали.

Казалось, целую вечность не покидал я пределов империи. Ныне такая перспектива навевала легкую грусть.

– Костоправ, а знаешь, куда мы идем? – спросил Гоблин.

– И куда же?

– В прошлое.

Назад, в прошлое. В нашу собственную историю. Утверждение достаточно простое, но мысль важная.

– Ага. Пожалуй, ты прав. Пойду помешаю в горшке, а то, похоже, ничего не сварится.

Я подошел к Госпоже. Она бросила в мою сторону раздраженный взгляд. Я же вылепил на физиономии сладчайшую улыбку и сказал:

– Так, я гораздо старше тебя по званию, лейтенант. В чем дело?

Лейтенант вытянулся в струнку. Мое звание и титул, хоть и незаслуженные, внушали ему большее благоговение, чем женщина, являвшаяся вроде как его высшим начальством. Он верил, что должен выполнять определенные обязанности по отношению к ней, но при этом она не может быть выше его.

– В Отряде есть место для нескольких дельных людей с опытом службы, – продолжал я. – Теперь мы не на территории империи и не нуждаемся в специальном разрешении на активную вербовку.

Он тут же уловил намек и подскочил ко мне, широко улыбнувшись Госпоже.

– Только вот что, – сказал я. – При этом ты должен присягнуть Отряду так же, как и при поступлении на любую службу. Это означает, что ты не имеешь права на преданность кому бы то ни было еще.

Госпожа одарила его сладкой, но недоброй улыбочкой. Лейтенант отступил от меня, решив, что такой шаг надо серьезно обдумать.

– Это относится ко всем, – обратился я к Госпоже. – Прежде я не осмеливался сказать, но если ты покидаешь империю и продолжаешь путь с нами, то на тех же условиях, что и все прочие.

Каким взглядом она меня прожгла!

– Но ведь я женщина…

– Прецедента ты, подруга, не создашь. Конечно, случай редкий, искательниц приключений в мире немного. Однако в Отряде служили и женщины. – Я обратился к лейтенанту: – Если запишешься в Отряд, к твоей присяге отношение будет серьезное. При получении приказа не вздумай спрашивать у Госпожи одобрения и утверждения, иначе немедля вылетишь вон. И останешься один в чужой стране.

В тот день я был самоуверен как никогда! Госпожа пробормотала под нос какие-то совсем не подобающие даме ругательства и сказала лейтенанту:

– Ступай, обсуди это со своими людьми.

Когда он покинул пределы слышимости, она спросила:

– Это означает, что нашей дружбе конец? После того, как я приму вашу чертову присягу?

– Ты полагаешь, я перестал быть другом всем остальным, когда они выбрали меня Капитаном?

– Пожалуй, не перестал. Не много я слышала от них «так точно», «никак нет» и «слушаюсь».

– Однако они выполняют распоряжения, когда видят, что я говорю серьезно.

– С этим не поспоришь.

– Разве что Одноглазый с Гоблином изредка нуждаются в уговорах. Ну так как? Ты собираешься поступать на службу?

– А у меня есть выбор? Подонок ты, Костоправ…

– Конечно есть. Возвращайся со своими людьми и оставайся Госпожой.

Лейтенант тем временем поговорил с подчиненными, и идея насчет прогулки на юг оказалась менее популярной, чем я ожидал. Бóльшая часть отряда выстроилась лицом на север еще до того, как он закончил свою речь.

Наконец он подъехал с шестью воинами, пожелавшими примкнуть к нам. Себя он в эту группу не включил. Очевидно, совесть подсказала ему, как избежать того, что он минуту назад полагал своей обязанностью.

Я наскоро опросил людей. Похоже, тем в самом деле было интересно идти с нами. Тогда я зачислил их в Отряд и привел к присяге, устроив из этого представление специально для Госпожи. Насколько помню, прежде ни с кем мы не обходились столь формально.

Шестерых я передал Маслу с Крутым, одного приберег для себя. Позже, когда мы узнаем, как они хотят зваться, я внесу их имена в Анналы.

Госпожа пожелала и впредь величаться Госпожой – все равно это на всех языках, за исключением одного, звучит совсем как имя.

А с дерева неподалеку за всем этим спектаклем наблюдали вороны…

10. Хозяева Теней

Несмотря на солнечный день и целую дюжину полукруглых окон, там, где собралась Тьма, было тускло.

В центре просторного зала мерцал бассейн расплавленного камня, озаряя кровавым светом четыре фигуры, сидящие в воздухе, в нескольких футах над полом. Обращенные лицом друг к другу, они образовали равносторонний треугольник – одну из его вершин занимали двое. Эти двое объединялись часто. Были они союзниками и теперь.

Все четверо долго воевали друг с другом – и без видимой пользы. Сейчас они заключили перемирие.

Вокруг каждого ползали, вились, плясали Тени, а посему виднелись лишь смутные очертания фигур. Вдобавок все четверо предпочитали прятаться под черными балахонами и масками.

Наименьший, один из двоих объединившихся, нарушил вот уже час царившую в зале тишину:

– Она идет на юг. Те, кто служат ей и до сих пор носят ее несмываемое клеймо, идут с ней. Они переплыли море. У них могущественные амулеты. И путь их делят с ними те, кто посвятил свою судьбу черному знамени. Включая и тех, чьей силы глупо не остерегаться.

Один из углов треугольника презрительно хмыкнул. Другой спросил:

– А что же с тем, на севере?

– Величайший остается в безопасности. Меньший же более не лежит под сенью древа-тюрьмы. Он был воскрешен и принял новое обличье. Тоже движется на юг. Но он так безумен, так жаждет мести, что его не стоит брать в расчет. С ним справится и ребенок.

– Имеем ли мы причины опасаться, что о нашем присутствии здесь известно?

– Нет. Даже в Трого Таглиосе лишь несколько человек доподлинно знают о нашем существовании. За Первым Порогом мы – лишь досужие сплетни, а за Вторым о нас и не слышали. Но тот, кто сделался повелителем великих болот, способен почувствовать нас. Он может заподозрить, что грядет нечто большее, чем известно ему.

– Они идут, – добавил его компаньон. – Она идет. Но их сдерживает медлительность человека и лошади. У нас есть год. Может, и больше.

В противоположном углу снова презрительно хмыкнули:

– Болота как нельзя лучше подходят для их смерти. Позаботьтесь об этом. Вы можете подавить волю ведущего их величием и ужасом моего Имени.

И поплыл прочь.

Остальные воззрились на него. Злоба, сгустившаяся в зале, сделалась почти ощутимой.

Уплывавший остановился:

– Вам известно, чтó столь беспокойно спит на моей южной границе. Я не смею ослабить бдительность.

– Разве что ради удара в спину одному из нас. Я заметил, что при каждой такой попытке угроза отступала на второй план.

– У вас есть залог – мое Имя. Мир не будет нарушен мною, пока живы несущие опасность с севера. Вы сможете объявить меня союзником, когда протянете руки к тем землям, что еще не накрыты вашей тенью. Я не могу, не рискую дать вам больше.

С этими словами он направился к выходу, и покинутый им треугольник перестроился.

– Что ж, быть по сему, – сказала женщина. – По крайней мере, в одном он прав: болота – весьма подходящее место для гибели наших врагов. Если раньше их не постигнет наказание судьбы.

Тени отчаянно засуетились вокруг, словно крепнущий смех причинял им нестерпимые муки.

– Прекрасное место для смерти.

11. Поход в былое

Сначала названия городов звучали как клички из детства: Кочан, Братец, Серый, Пискун. Одним Отряд служил, с другими воевал. Мир менялся чем дальше, тем больше; становилось теплее, города встречались все реже и реже. Эти имена сделались легендарными, они успели выблекнуть на страницах Анналов – Обод, Потяг, Чуток, Гребень и Кивок… Мы ушли за края карт, когда-либо виденных мною; лишь благодаря Анналам я знал об этих городах, и только Одноглазый бывал здесь раньше. Борос, Терис, Виг, Ха-Джах…

Мы держали курс на юг, и первый долгий переход все не заканчивался. Вороны следовали за нами. Мы приняли еще четырех рекрутов, профессиональных охранников караванов из кочевого племени под названием «рой», перебежавших к нам. Я начал формировать отделение и для Мургена. Его это совсем не обрадовало. Ему нравилось быть знаменосцем, и он чаял перенять от меня должность летописца. Сам я был слишком занят обязанностями Капитана и лекаря. Я не осмеливался лишать парня надежды – кроме Мургена, на эту должность годился лишь Одноглазый, но на него полагаться не стоило.

Еще дальше, еще южнее, и все же мы не добрались даже до родины Одноглазого, то есть до джунглей Д'лок-Алока.

Одноглазый клялся и божился, что никогда в жизни и названия такого – Хатовар – не слыхал. Возможно, он находится далеко, за поясом мира.

Что ни говори, а есть выносливость у бренной человеческой плоти.

Все эти бесчисленные мили пути дались нам нелегко. Карета вороненой стали и фургон с багажом Госпожи привлекали внимание бандитов, а также разномастных князей и княгинь – тоже бандитского толка. С ними разбирались главным образом Гоблин с Одноглазым, наводили страх. А был и такой отрезок пути, где магия вообще не действовала.

Если парочка колдунов и научилась чему-то за годы службы в Отряде, так это убедительности. Когда они создают иллюзию, у нее из пасти разит аж на семьдесят футов. Еще бы не практиковались друг на друге…

Я решил, что пора сделать привал на несколько дней. Наш юношеский задор нуждался в подпитке.

– Впереди, неподалеку, есть такое место – Храм отдохновения странствующих. Он принимает путников вот уже две сотни лет. Можно там и отдохнуть, и провести кое-какие исследования, – предложил Одноглазый.

– Исследование?

– Из поведанных путешественниками бывальщин и небывальщин за двести лет должна была скопиться огромная библиотека. Другой платы, кроме рассказов, жрецы никогда не просили.

Да, он нашел, чем меня зацепить. И самодовольно заухмылялся по этому поводу. Пройдоха слишком хорошо знал старину Костоправа. Ничто другое в мире не заставило бы меня забыть хоть на время о решении добраться до Хатовара.

Я принял решение. И упер в Одноглазого стальной взгляд:

– Значит, ты бросаешь валять дурака, решил заняться делом?

– Чего?

– А кто, по-твоему, будет переводить?

Он со стоном закатил единственный глаз:

– Да когда же я научусь держать проклятый язык за зубами?

Храм оказался слегка укрепленным монастырем, угнездившимся на вершине невысокого холма. Здание сияло золотом в лучах клонящегося к закату солнца. Леса позади и поля впе-

реди храма были великолепны – отродясь не видал такой зелени. Похоже, тут и правда можно отдохнуть на славу.

Стоило войти, и на нас нахлынула освежающая волна благополучия. То же самое чувствуешь, вернувшись после долгих странствий в родной дом. Я взглянул на Госпожу. Ее лицо светилось тем же, что чувствовал я, и это тронуло мое сердце.

– Вот сюда я мог бы уйти на покой, – сказал я ей на второй день нашего отдыха.

Вымывшись в первый раз за последние несколько месяцев, мы вышли на прогулку в сад, никогда не видавший битв серьезнее воробьиной драки.

Она слегка улыбнулась в ответ и из вежливости не пустилась в рассуждения об иллюзорной природе мечтаний.

Здесь нашлось все, чего я только мог пожелать. Комфорт. Покой. Защиту от недугов мира. Цель. Громадное количество исторических материалов для утоления моей охоты разобраться, что и как происходило в прошлом.

И самое главное – освобождение от ответственности. Каждый новобранец, казалось, удваивал тяжесть моего бремени – всех нужно кормить, содержать в полном здравии, следить, чтобы не попали в беду…

– Воронье, – пробормотал я.

– Что?

– Везде воронье, куда мы ни приходим. Может быть, я просто начал замечать ворон пару месяцев назад, однако теперь везде их вижу на пути. И никак не могу избавиться от чувства, что они следят за нами.

Взгляд Госпожи сделался озадаченным.

– Вон, взгляни: на той акации две расселись. Будто черные вестники несчастья.

Взглянув на дерево, Госпожа посмотрела на меня еще более озадаченно.

– Но… – (Одна из ворон взмыла и скрылась за монастырской стеной.) – Там нет никаких…

– Костоправ! – Сквозь сад, распугивая птиц и белок, забыв о всяких приличиях, к нам ломился Одноглазый. – Эй, Костоправ! Угадай, что я нашел! Копии Анналов! Остались с тех дней, когда мы проходили здесь, направляясь на север!

Ну и ну! Усталому старому разуму не подыскать подходящих слов. Восхищение? Пожалуй. Экстаз? Вы уж поверьте, почти сексуальное возбуждение обуяло меня в ту минуту. Мои чувства напряглись примерно так же, как если бы самая желанная женщина вдруг ответила взаимностью.

За многие годы несколько старейших томов Анналов потерялись либо пришли в негодность. Некоторые из них я никогда не видел и даже не надеялся увидеть.

– Где?! – выдохнул я.

– В библиотеке. Один монах решил, что тебе будет интересно. Не помню, как мы оставили их здесь по дороге на север, но ведь тогда я вообще не шибко интересовался такими вещами. В ту пору мы с Тамтамом только назад успевали оглядываться.

– Пожалуй, мне будет интересно… Определенно – будет.

Здесь куртуазность изменила мне. Я сбежал от Госпожи, даже не буркнув: «Извини».

Хотя, возможно, я был вовсе не так увлечен, как старался изобразить.

И когда понял, что сделал, почувствовал себя полным ослом.

Чтение этих копий потребовало коллективной работы. Написаны они были языком, которым уже не пользовался никто, кроме храмовых монахов, и ни один из них не говорил на понятном мне диалекте. Поэтому чтецу пришлось переводить с листа на родной язык Одноглазого, а уж Одноглазый переводил мне.

Даже в таком упрощенном виде все было дьявольски интересно.

У монахов нашлась Книга Чоу, которая была уничтожена за пятьдесят лет до того, как я записался в Отряд, и после лишь частично восстановлена. И Книга Те-Лара, известная мне лишь по загадочной ссылке в позднейшем томе. И Книга Скета, прежде не известная вовсе. И еще полдюжины – равной ценности. Однако ни Книги Отряда, ни Первой или Второй Книги Одрика не нашлось. То были легендарные первые три тома Анналов, содержащие наши изначальные мифы. На них ссылались в последующих томах, однако никто из летописцев не упоминал, что видел их после первых ста лет существования Отряда.

В Книге Те-Лара объяснено почему.

Была битва.

Без битвы не обходилось ни одно объяснение.

Топот многих ног и лязг оружия – все равно что очередной знак препинания в долгой повести Черного Отряда.

В данном случае люди, нанявшие нашу братию, дали деру после первого же вражеского натиска. Скрылись прежде, чем Отряд понял, что произошло. Наши с боем отступили в укрепленный лагерь. В течение последовавшей осады враг несколько раз врывался в него. И в ходе одного из таких вторжений исчезли эти самые тома. Летописец с учеником погибли, и некому было восстановить Книги по памяти.

Ну что ж…

Я с головой погрузился в работу.

Найденные Книги обрисовали наше будущее до самых краев имевшихся у монахов карт – а уж монахи-то исходили все, до тех самых мест с надписью «Здесь водятся драконы». Еще столетие – и половина путешествия в нашу историю… Мало-помалу мы так далеко проследили маршрут Черного Отряда, что у меня появилась надежда: а может, мы стоим посреди карты, на которой есть и его конечная остановка?

Как только выяснилось, что мы напали на золотую жилу, я добыл письменные принадлежности и девственно-чистую тетрадь. Писать я мог с той же быстротой, с какой Одноглазый и монах переводили.

Время понеслось вскачь. Монах принес свечи. Наконец на мое плечо опустилась рука, и Госпожа сказала:

– Не хочешь отдохнуть? Могу подменить тебя.

Примерно полминуты я сидел весь красный. После того, как практически выставил ее из библиотеки. Но зато потом целый день даже не вспоминал о ней.

Она сказала:

– Я понимаю.

Может, оно и так. Она ведь неоднократно читала Книги Костоправа – или, может быть, потомки вспомнят их как Книги севера.

Под диктовку Мургена и Госпожи перевод двигался быстро. Единственным ограничением была выносливость Одноглазого.

Это делалось небезвозмездно. Я выменял здешние Анналы за копии моих, более свежих. Госпожа подсластила сделку сотней занимательных историй о мрачной северной империи, однако монахи никак не связали нашу спутницу с той самой королевой Тьмы.

Одноглазый у нас хоть и стар, но он тот самый конь, что борозды не портит. Колдун держался. Через четыре дня после его великого открытия работа была закончена.

Я привлек и Мургена, он здорово помог. И мне пришлось не то купить, не то выпросить четыре чистые тетради, чтобы переписать все переведенное.

Мы с Госпожой возобновили нашу прогулку с того самого места, где прервали, только теперь я был несколько подавлен.

– В чем дело? – буркнула она и затем, к изумлению моему, пожелала узнать, не пребываю ли я в посткоитальной депрессии.

Ну и тонкая же шпилька, подумалось мне.

– Нет. Просто я узнал уйму фактов из истории Отряда, но ничего принципиально нового.

Госпожа все поняла, однако помолчала, давая мне выговориться.

– Она описана сотнями способов, худо ли, бедно ли, в зависимости от искусства каждого летописца, но, за исключением некоторых интересных подробностей, все то же самое. Наступления, отступления, битвы, тризны и бегства, и списки погибших, и разборки с очередным предавшим нас покровителем. Даже в том месте с непроизносимым названием, где Отряд прослужил пятьдесят шесть лет.

– Гиэ-Ксле.

У нее выговорилось легко, словно она специально упражнялась.

– Да, верно. Где контракт длится так долго, там Отряд совершенно теряет лицо, переженившись на местных и всякое такое. Солдаты превращаются в наследственных телохранителей, передающих оружие от отца к сыну. Но рано или поздно дает о себе знать моральное разложение сильных мира сего, и кто-нибудь решает обмануть нас. Тогда ему режут горло, и Отряд движется дальше.

– Ты читал уж очень избирательно, Костоправ.

Я взглянул на нее. Она тихо смеялась надо мной.

– Возможно.

Я слишком упростил упомянутый эпизод. Князек попробовал надуть нашу компанию, и ему перехватили глотку. Однако Отряд посадил на трон новую династию, дружественную и достойную, и еще несколько лет прослужил ей, пока в тогдашнем Капитане не взыграло ретивое и он не замыслил отправиться на поиски сокровищ.

– У тебя нет нравственных колебаний насчет командования бандой наемных убийц? – спросила она.

– Иногда бывают, – признался я, аккуратно обходя ловушку. – Но мы не обманываем покровителей. – (Ну, это не совсем так.) – Однако каждый покровитель рано или поздно обманывает нас.

– Это и к моей особе относится?

– Один из твоих сатрапов тебя опередил. Но со временем нужда в Отряде сделалась бы менее острой, и ты принялась бы искать на нас управу, вместо того чтобы честно расплатиться и расторгнуть договор.

– Вот чем ты мне нравишься, Костоправ! Неослабной верой в человечество!

– Точно. И каждая унция моего цинизма подтверждена историческими прецедентами, – проворчал я.

– А знаешь, Костоправ, ты умеешь растопить сердце женщины.

– Чего? – Я всегда ношу при себе арсенал вот таких блистательных, остроумных ответов.

– Я поехала с тобой, имея дурацкое намерение соблазнить тебя. Почему-то уже и пробовать не хочется.

Кое-где вдоль стены монастыря были построены обзорные мостки. Забравшись в дальний северо-восточный угол, я привалился спиной к саманным кирпичам и обратил взор назад, туда, откуда мы пришли. Я был очень занят – жалел себя. Полезно это делать через каждые пару сотен лет – обостряется проницательность.

Чертовых ворон вокруг стало еще больше. Сегодня собралось около двадцати. Я от души проклял их – и поверьте, они в ответ передразнили меня. А когда я швырнул в них обломком самана, они взмыли и направились…

– Гоблин!

Наверное, он не спускал с меня глаз – на случай, если задумаю наложить на себя руки.

– Что?

– Хватай Одноглазого и Госпожу и тащи сюда. Быстро!

Я отвернулся от него и вновь посмотрел вверх по склону на предмет, привлекший мое внимание.

Он остановился, но, без сомнения, то была человеческая фигура в одеждах столь черных, что выглядела прорехой в ткани мироздания. Фигура несла что-то под мышкой – что-то величиной со шляпную картонку. Вороны, двадцать или тридцать, так и вились вокруг идущего, ссорясь за право устроиться на его плечах. До него от того места, где стоял я, было добрых четверть мили, однако я ощущал взгляд невидимых, укрытых под капюшоном глаз. Взгляд обжигал, точно жар из кузнечного горна.

Тут явилась толпа во главе со сварливыми, как обычно, Одноглазым и Гоблином.

– Что случилось? – спросила Госпожа.

– Взгляните туда!

Все посмотрели в сторону фигуры.

– Ну и что? – квакнул Гоблин.

– Как это – ну и что?!

– Что такого интересного в старом пне и стае птиц?

Я поглядел… Проклятие! Пень… Но тут внезапно возникло едва уловимое мерцание, и я снова увидел черную фигуру. Меня пробрала дрожь.

– Костоправ, что с тобой? – Госпожа все еще была зла на меня, однако всерьез встревожилась.

– Нет, ничего. Глаза шутки шутят. Показалось, что этот треклятый пень движется. Забудьте.

Они примчались по первому моему слову, бросив все дела. Я смотрел, как они уходят, и на минуту усомнился в здравии собственных мозгов. Затем снова взглянул вверх по склону.

Вороны толпой улетали прочь – все, кроме двух, направлявшихся прямо ко мне. А «пень» шествовал по склону, точно намереваясь обойти монастырь кругом.

Я немного помолился про себя, но это ничего не дало.

Я хотел дать храмовой магии отдохновения поработать над нами еще несколько деньков, однако вновь обретенные полтора века странствий Отряда барабанной дробью гремели в моей голове. Да и передышка перестала быть живительной. Шило уже воткнулось в мою задницу. Я объявил о своем намерении и возражений не встретил – только согласные кивки. Возможно, даже вздохи облегчения.

Что же происходит?

Я спохватился. Костоправ, ты опять замкнулся в себе! Слишком много времени там проводишь, переставляя давно надоевшую мебель и не обращая внимания на людей.

А они между тем тоже встревожились.

Что-то витает в воздухе. Что-то подсказывает каждому: пора сваливать. Даже монахам, пожалуй, не терпится избавиться от нас.

Любопытно.

На воинской службе выживает тот, кто прислушивается к подобным наитиям, даже когда они не имеют никаких видимых причин. Если чувствуешь, что пора двигаться, то двигайся. А если не прислушаешься, останешься на месте и влипнешь, плакать будет поздно.

12. Мохнатые холмы

Чтобы добраться до джунглей Одноглазого, нам пришлось пройти сколько-то миль лесом, а потом пересечь кольцо весьма странных холмов. Холмы были округлые, очень пологие и довольно низкие, но притом без единого дерева. Только необычного вида короткая буроватая трава, очень легко подхватывающая огонь и потому исполосованная черными шрамами. Издали холмы казались стаей громадных рыжешерстых горбатых зверей, устроившихся поспать.

Я нервничал. Облик спящих зверей не давал мне покоя. Казалось, вот сейчас они проснутся и стряхнут нас. Я даже спросил Одноглазого:

– С этими холмами ничего такого необычного не связано? Может, ты просто забыл предупредить?

Он насмешливо взглянул на меня:

– Нет. Хотя всякие невежды верят, что это могильные курганы тех времен, когда по земле бродили великаны. Но это просто холмы. Земля да камень.

– Тогда почему они внушают мне такое странное чувство?

Он оглянулся – и тут же физиономия сделалась озадаченной.

– Холмы ни при чем, Костоправ. Есть что-то там, за ними. Я тоже чую. Словно мы только что увернулись от пущенной стрелы.

Я не потребовал объяснений. Знай он, сам бы рассказал. К концу дня я понял, что не только мне – всем нашим тревожно.

Впрочем, от тревог сейчас не больше проку, чем обычно.

На следующее утро мы встретили двух иссохшихся, сморщенных карликов – соплеменников Одноглазого. Обоим с виду добрая сотня лет. Один беспрестанно перхал и одышливо сопел, словно вот-вот помрет.

– Наверняка незаконные внуки нашего ящерогубого приятеля! – загоготал Гоблин.

Да, сходство наблюдалось. То есть мы и ожидали этого сходства, привыкнув считать, что наш Одноглазый – явление уникальное.

– Ах ты, мешок с блевотиной! – вызверился на Гоблина Одноглазый. – Тебе еще с этими черепашками по базарам ходить!

Что за дьявольщина? Какой-то туманный хозяйственный разговор? Однако Гоблин, похоже, тоже ничего не понял.

Одноглазый, улыбнувшись, продолжал тараторить со своими сородичами.

– Полагаю, это проводники, за которыми посылали монахи, – сказала Госпожа.

Монахи оказали нам эту услугу, узнав о наших намерениях. Да, проводники нужны. Скоро закончатся дороги, которые мы можем с огромной натяжкой назвать знакомыми. Когда минуем джунгли Одноглазого, нам понадобится переводчик и для него.

Вдруг Гоблин издал возмущенный клекот.

– Что такое? – спросил я.

– Да он им бессовестно врет!

И что здесь необычного?

– Откуда тебе знать? Ты ведь не понимаешь их языка.

– И не нуждаюсь. Я знаю Одноглазого – еще с тех пор, как твой папаша был сопливым мальчишкой. Глянь! Горазд он корчить могучего волшебника из далеких земель. Секунд через двадцать…

На лице Гоблина заиграла глумливая улыбочка. Он что-то пробормотал под нос.

Одноглазый воздел руку к небесам. В скрюченных пальцах появился светящийся шар.

Раздался громкий звук, словно из бутылки выскочила пробка.

Рука Одноглазого наполнилась болотной жижей, тут же просочившейся сквозь пальцы и потекшей к локтю. Опустив руку, он в недоумении воззрился на нее.

Затем завизжал и резко обернулся к Гоблину.

Тот, невинный, словно дитя, усиленно изображал беседу с Мургеном. Но вороватые глаза Мургена, не имеющего мочи притворяться, выдали Гоблина с головой.

Одноглазый по-жабьи раздулся, готовый взорваться. Но случилось чудо: он сдержался. По губам скользнула скверная улыбочка, и он вернулся к разговору с проводниками.

Сколько знаю его, то был второй случай, когда он сохранил самообладание и не поддался на подначку. Хотя в этот раз зачинщиком был Гоблин, что тоже случалось редко.

– Становится интересно, – сказал я, обращаясь к Маслу.

Тот утвердительно хрюкнул. Его все это нисколько не волновало.

Тогда я спросил Одноглазого:

– Ну? Уже объяснил, что ты Глас Северного Ветра, некромант, явившийся утолить боль их сердец, приведенный сюда тревогами за благополучие туземцев?

Он действительно однажды испробовал такой трюк на племени, у которого накопился преизрядный запас изумрудов. И на горьком опыте убедился, что дикари – не значит тупари. Они совсем было собрались сжечь обманщика, привязав к столбу, но Гоблин решил его выкупить. Вопреки собственной натуре, о чем он с завидным постоянством сожалел после.

– Да нет же, Костоправ, на сей раз совсем не то. Разве стал бы я со своими такие шутки шутить?

Стыда у Одноглазого не было ни на грош. Ну зачем лгать тому, кто знает его насквозь? Он и со своими проделает что угодно, да еще с каким удовольствием! И вообще с кем бы то ни было, будучи уверен, что ему это сойдет с рук. И совесть его мучить не станет.

– Да уж вижу. Только учти: нас слишком мало и мы слишком далеко от безопасных мест, чтобы позволять тебе любимые развлечения.

Мой голос звучал достаточно грозно, Одноглазый аж поперхнулся. Когда он возобновил болтовню с нашими возможными проводниками, тон был совершенно другим.

Все же я решил освоить хоть немного этот язык. Просто для пригляда за Одноглазым. А то его чрезмерная самоуверенность имеет свойство подводить нас в самое неподходящее время.

Присмиревший на время Одноглазый выторговал условия, удовлетворившие всех. Мы получили проводников для путешествия сквозь джунгли и посредников для общения с жителями лежащих за джунглями земель.

Гоблин, положившись на свое идиотское чувство юмора, прозвал их Лысым и Хрипатым – по причинам самоочевидным. К смущению моему, клички прижились. Эти старики, безусловно, заслуживали лучшего. Хотя…

Весь остаток дня мы держали путь меж травянистых холмов. Темнота застала нас на выходе из глубокого лога. Отсюда был виден закат, пятнающий кровавыми отблесками воды широкой реки, а за рекой – густую зелень джунглей. Позади лежали рыжие горбы на фоне подернутого синей дымкой неба.

Настроение у меня было задумчивое, невеселое какое-то, можно сказать – паршивое. Похоже, мы можем дойти до водораздела не только в географическом смысле…

Много позже, не сумев заснуть из-за размышлений о том, что я вообще делаю в этих чужих землях, и о том, что мне все равно нечего больше делать и некуда податься, я оставил свою постель у догорающего костра и направился к холму, возвышающемуся на нашем фланге. Хотелось поглядеть на звезды, и почему-то я решил, что сверху они будут видны лучше.

Хрипатый, стоявший на часах, беззубо оскалился при виде меня и плюнул на уголья бурой от жвачки слюной. Не пройдя и полпути, я услышал его хрипы.

Чахоточник? Ценное приобретение…

Луна сулила вскоре взойти. Круглая будет и яркая.

Я выбрал место и принялся наблюдать за горизонтом в ожидании пухлого оранжевого шара, который вот-вот перекатится через кромку Земли. Прохладный и влажный ветерок ерошил мне волосы. Вокруг было чертовски спокойно и мирно.

– Тебе тоже не спится?

Я вздрогнул и обернулся.

Она была темным клубочком на склоне холма. Если я и заметил ее прежде, то принял за камень. Я подошел ближе. Она сидела, обхватив руками колени. Взгляд был устремлен на север.

– Присаживайся.

Я сел.

– Что ты так пристально рассматриваешь?

– Жнеца. Лучника. Ладью Варго. И без сомнения, прошлое…

Она назвала созвездия. Я тоже различал их. На севере они в это время года стоят высоко. Здесь же – над самым горизонтом.

Да, мы и вправду проделали огромный путь. И впереди еще много-много миль…

– Подумать страшно, – сказала она. – Как мы далеко…

Да уж.

Луна – чудовищно огромная, почти красная – выплыла из-за горизонта.

– Ух ты! – прошептала Госпожа, и ее рука скользнула в мою.

Ее била дрожь, и потому через минуту я придвинулся и обнял ее. Она склонила голову мне на плечо.

Да, старая луна не жалела своей магии. Эта негодница околдует кого угодно.

Теперь понятно, отчего Хрипатый скалил зубы.

Пожалуй, момент был подходящим. Я повернул голову – и ее губы потянулись навстречу моим. Когда они встретились, я напрочь забыл, кто она и кем была. Ее руки, обвив меня, потянули книзу…

Она задрожала в моих объятиях, словно пойманная мышь.

– Что с тобой? – прошептал я.

– Ш-ш-ш, – сказала она, и лучшего ответа придумать было нельзя. Но оставить так она не могла, и пришлось продолжить: – У меня никогда… никогда не было вот так…

Ну да. Она наверняка знала, как сбить мужчину с толку и наполнить его тысячью сомнений.

Луна карабкалась все выше. Мы понемногу успокаивались. Нас отделяли друг от друга лишь несколько тряпок.

Внезапно она напряглась. Поволока исчезла из глаз. Она приподняла голову и расслабленно глянула мимо меня:

– Если кто из этих шутов забрался сюда подглядывать, ноги переломаю!

Я обернулся.

Позади никого не было. Она наблюдала за далекими вспышками молний.

– Гроза, – сказал я.

– Думаешь? Это далеко, в той стороне, где Храм. Но в здешних краях мы еще не видели ни одной грозы.

Изломанные пламенные копья часто били в землю.

И опасения, которые я обсуждал с Одноглазым, вернулись.

– Не знаю, Костоправ, – продолжала она, собирая с земли одежду. – Кажется, мне все это знакомо.

Я с облегчением последовал ее примеру, не будучи уверен, что смог бы завершить начатое. Мое внимание было отвлечено.

– Наверное, лучше в другой раз, – сказала она, не отрывая взгляда от молний. – Слишком уж шумно.

Воротившись в лагерь, мы нашли всех проснувшимися, но ничуть не заинтересованными нашим уединением. Отсюда вспышки тоже были видны, хоть и не так хорошо. И они не остались незамеченными.

– Это колдовство, Костоправ, – сообщил Одноглазый.

– И мощное, – кивнул Гоблин. – Даже до нас краем достает.

– Далеко? – спросил я.

– Дня два пути. Возле того места, где мы останавливались.

Меня кинуло в дрожь.

– Что там происходит, вы можете сказать?

Гоблин промолчал. Одноглазый покачал головой:

– Сказать я могу только одно: рад, что меня там нет.

Невзирая на полное невежество в вопросах магии, я был согласен с ним.

Внезапно Мурген побледнел и указал поверх книги, которую перед тем изучал, а теперь держал перед собой, словно оберег:

– Видите?

Я смотрел на Госпожу и размышлял о своем везении. Пусть другие в полусотне миль от нас занимаются всякой ерундой, вроде поединка неведомых колдунов, а у меня серьезных проблем хватает.

– Что? – буркнул я, поскольку Мурген ждал ответа.

– Похоже на птицу! Такая громадная, с размахом крыльев миль на двадцать! И совсем прозрачная!

Я поднял глаза. Гоблин кивнул: он тоже видел ее. Я посмотрел на север. Молний больше не было, но там что-то здорово горело.

– Одноглазый! Твои новые дружки, случаем, не знают, что происходит?

Черный коротышка покачал головой. Он надвинул шляпу на лоб, чтобы ограничить угол зрения. Эти дела, чем бы они ни были, его здорово напугали. Себя он полагал могущественнейшим колдуном из всех, кого рождала его земля. За исключением, быть может, лишь покойного брата Тамтама. И что бы там ни творилось, оно не местного происхождения. Чужое.

– Но времена меняются, – напомнил я.

– Только не здесь. А если бы изменились, эти двое знали бы.

Хрипатый усиленно закивал, хотя не понял ни слова. Затем он отхаркнулся и выплюнул в огонь бурый комок.

Я почувствовал, что этот тип, как и Одноглазый, определенно не даст мне соскучиться.

– Что за гадость он постоянно жует?

– Кват, – пояснил Одноглазый. – Слабый наркотик. Не шибко полезно для легких, но, когда он жует, ему плевать, болят легкие или нет.

Сказано было бодро, но не в шутку. Мне стало неуютно. Я снова взглянул на север:

– Вроде улеглось.

Остальные промолчали.

– Мы все равно не спим, – сказал я, – а потому давайте паковаться. Надо бы двинуться, как только развиднеется.

Никто не стал возражать. Хрипатый кивнул и сплюнул. Гоблин, ворча, принялся собирать вещи. Остальные последовали его примеру. Мурген с заслуживающей одобрения аккуратностью отложил свою книгу. Пожалуй, из этого парня выйдет летописец.

И каждый из нас, когда считал, что прочие не заметят его беспокойства, украдкой поглядывал на север.

А я, когда не смотрел туда и не терзал себя, обмениваясь взглядами с Госпожой, пытался оценить реакцию наших новичков. Мы пока что не столкнулись с мощным колдовством напрямую, однако Отряд вполне может набрести на него по пути. Рекруты, похоже, испугались не больше, чем старослужащие.

Поглядывая на Госпожу, я размышлял, способно ли то, что было, с одной стороны, неизбежно, а с другой – обречено, залечить трещину между нами. А если залечит, не перекорежит ли все прочие наши отношения? Черт побери, я просто люблю ее – как друга.

Нет на свете ничего столь непоследовательного, иррационального и слепого – и, кстати, просто глупого, – как мужчина, доведший себя до всепоглощающей страсти.

Вот женщины вовсе не выглядят глупо – им положено быть слабыми. А кроме того, им положено превращаться в бешеных сук, если их разочаровать.

13. Немного о последней ночи Лебедя

Лебедь, Корди Мэзер и Нож все еще владели таверной. В основном потому, что получили одобрение Прабриндра Дра. Но дела шли неважно. Жрецы обнаружили, что не могут управлять пришельцами напрямую, потому объявили их нежелательными персонами. А большинство таглиосцев слушались жрецов.

– Это наглядно показывает, сколько у людей здравого смысла, – сказал Нож. – Было бы хоть чуть-чуть, они бы давно своих святош окунули в реку да подержали часок, и те бы поняли: они просто трутни.

– Ты, Нож, сукин сын и зануда, каких свет не видел, – проворчал Лебедь. – Могу спорить: если бы мы тебя тогда не вытащили, крокодилы бы тебя выблевали. Такую тухлятину даже им не переварить.

Нож, усмехнувшись, отправился в заднюю комнату.

– Корди, – спросил Лебедь, – как полагаешь, может, эти жрецы и швырнули его крокодилам?

– Ага.

– Ничего сегодня выручка. В кои-то веки…

– Ага.

– А завтра, значит…

Лебедь осушил кружку залпом. В последнее время варево удавалось Корди куда лучше. Поднявшись, он ударил пустой посудой по стойке.

– Идущие на смерть приветствуют тебя, – сказал он по-таглиосски. – Пейте и веселитесь, детки. До завтра – и после. За счет заведения.

Он сел.

– Знаешь, как снова зазвать к нам публику? – спросил Корди.

– Ну зазовем, а надолго ли? Этому быстро положат конец. Ты отлично это понимаешь. Думаешь, жрецы угомонятся? Эх, добраться бы до них!..

Корди кивнул, но ничего не сказал. Плетеный Лебедь больше рычал, чем кусался.

– Значит, вверх по реке, – буркнул Лебедь. – Я тебе так скажу, Корди: вот эти ноги будут идти вверх по реке, пока в них силы есть.

– Ну конечно, Лебедь. Конечно.

– Ты что, не веришь?!

– Верю, Лебедь, верю. Если бы не верил, не торчал бы здесь по самую шею в рубинах, жемчуге и золотых дублонах…

– Слушай, а чего ты хочешь от места, о котором никто раньше и не слыхивал? За шесть тысяч миль от края любой карты?

– Нервы, ребята? – спросил вернувшийся Нож.

– Нервы? Что такое нервы? Когда делали Плетеного Лебедя, никаких нервов в него не вставили!

14. Через Д'лок-Алок

Мы вышли с первыми проблесками света. Путь наш легко катился под уклон, и только в нескольких местах нас ждали трудности с каретой да фургоном Госпожи. К полудню мы достигли деревьев. Еще через час первая партия погрузилась на паром. К закату мы уже были в джунглях Д'лок-Алока, где всего-навсего десять тысяч видов различных букашек принялись терзать наши тела. И, что для нервов еще хуже насекомьего жужжания, Одноглазый превратился в неистощимый фонтан панегириков и од своей родине.

С первого дня моей службы в Отряде я пытался расспрашивать колдуна о нем самом и о его стране. И даже самую малейшую подробность приходилось вытягивать клещами. Теперь же на любой вопрос он отвечал охотно, да еще попробуй его заткни. Не касался разве что причин, побудивших их с братцем сбежать из этого земного рая.

То есть оттуда, где я сейчас сижу, вымучивая самоочевидный ответ. Только безумец либо дурак подвергнет себя столь продолжительной пытке.

А я-то – который из двух?

Словом, мы прошли через эти джунгли, что заняло почти два месяца. Сами по себе они представляли собой значительное препятствие. Через такую чащобу протащить карету – адская работенка. Другую проблему представляло местное население.

Нет, оно не выказывало враждебности. Зачем? Здешние нравы были куда проще, чем у нас, северян. Гладкие смуглые красули никогда не видали таких парней, как Мурген, Масло, Крутой и другие солдаты, и всех потянуло на экзотику. И наши пошли им навстречу.

Даже Гоблин имел достаточно успеха, чтобы с его уродливой физиономии не сходила пресловутая улыбка от уха до уха.

Ну а бедный, злополучный, угрюмый, старый Костоправ твердо держался среди зрителей и сердечно страдал.

Я не склонен к легким случайным связям, когда надо мной простирает крылья нечто более серьезное.

Мое поведение не вызывало прямых комментариев: порой нашим парням хватает такта. Однако я уловил немало насмешливых косых взглядов. А такие вещи заставляют меня уходить в раздумья. В часы самокопания я угрюм и не годен для общества людей либо зверей. А если на меня еще и пялятся, к угрюмости добавляется естественная застенчивость и упрямство, и я палец о палец не желаю ударить – сколь бы ни были благоприятны предзнаменования.

Так вот и сидел я сложа руки и чувствовал себя гаже некуда – боялся, что ускользнет нечто важное, а я, в силу своей натуры, не смогу ничего сделать.

В старые добрые времена жизнь, безусловно, была проще.

Но настроение мое улучшилось, стоило нам отмерить последние мили сквозь буйную растительность, подняться по обжитому роями насекомых склону и выбраться наконец из джунглей на высокое травянистое плато.

Самым примечательным в Д'лок-Алоке я считаю то обстоятельство, что Отряд не получил там ни одного новобранца. Это показывает, насколько мирно его население уживается с окружающей средой. И до некоторой степени характеризует Одноглазого с его покойным братом.

Что же они такого натворили? Подозрительно, что он избегал всяких разговоров о своем прошлом, о возрасте и происхождении, пока мы пребывали в джунглях, имея в проводниках Лысого с Хрипатым. Словно кто-то мог вдруг вспомнить пару подростков, что-то натворивших много лет назад.

Лысый с Хрипатым надули нас. Едва мы вышли за пределы их страны, они заявили, что ничего не знают о лежащих дальше землях. И пообещали подыскать пару достойных доверия

туземцев. Лысый объявил, что поворачивает назад, невзирая на все предыдущие договоренности. Добавил, что в качестве посредника-переводчика нам и Хрипатого хватит за глаза.

Что-то ведь должно было случиться, чтобы он так поступил! Я не стал с ним спорить – он уже принял решение. Я просто удержал часть обещанного ему гонорара.

Пугало меня то, что Хрипатый намерен остаться. Этот тип оказался второсортным – как бы младшеньким духовным братом Одноглазого. Проказлив был примерно так же. Наверное, есть что-то такое в воде Д'лок-Алока. Хотя Лысый и прочие, встреченные нами, были, в общем, вполне нормальными…

Возможно, это мой личный магнетизм привлекает таких, как Одноглазый с Хрипатым.

В недалеком будущем нас, без сомнения, ожидало крупное веселье. Два месяца Одноглазый издевался над Гоблином и не получил в ответ ни единой шпильки. Когда гром наконец грянет, это будет потрясающе!

– Все поменяется местами, – сказал я Госпоже, обсуждая с ней текущие дела. – Пожалуй, Одноглазый подхватит какую-нибудь паршу, а Гоблин окажется будто бы и ни при чем.

– Может, это потому, что мы пересекли экватор. Тут даже времена меняются местами.

Этой реплики я не понял. Размышлял над ней многие часы, и наконец до меня дошло, что она ничего не значила. Просто одна из шуток, которые Госпожа любила выдавать с серьезным лицом.

15. Саванна

На самом краю плато мы прождали шесть дней. Дважды посмотреть на нас являлись отряды темнокожих воинов. В первый раз Хрипатый предупредил:

– Будут с дороги сманивать, не ходите.

Сказал он это Одноглазому, не зная, что я стал малость разбираться в их болтовне. У меня несомненный талант к языкам. Да и у многих старых солдат. Нужда, как говорится, заставит.

– С какой еще дороги? – скривился Одноглазый. – С этой коровьей тропы?

Он указал на извилистую колею, уходящую вдаль.

– Все, что между белыми камнями, это дорога. Она священна. Пока остаетесь на ней, вы в безопасности.

На первом привале нам было велено не покидать круга, ограниченного белыми камнями. Пожалуй, я догадался, почему здесь такой обычай. Торговля требует безопасных дорог. Хотя, видно, не слишком она здесь бойкая… Покинув империю, мы весьма редко встречали достойные упоминания караваны. И вообще не видели никого, кто бы направлялся на юг. За исключением того ходячего пня.

– И берегитесь степняков, – продолжал Хрипатый. – Им верить нельзя. Они со всем мыслимым коварством будут сманивать вас с дороги. Особенно их бабы – эти славятся своей хитростью. Помните: с вас не спускают глаз. Сойти с дороги – значит умереть.

Тут разговором живо заинтересовалась Госпожа. Она тоже понимала язык. Да и Гоблин проскрипел:

– Хана тебе, червячья пасть.

– Что?! – взвизгнул Одноглазый.

– Вот как положишь глаз на такую пухленькую – считай, что уже в котле у людоедов.

– Они не людоеды…

Одноглазого перекосило от ужаса. Он наконец сообразил, что Гоблин понимает их с Хрипатым беседу. Взглянул на остальных: некоторых выдало выражение лица.

Крайне обеспокоенный, он что-то зашептал соплеменнику.

Тот крякнул и рассмеялся. Смех напоминал не то куриное кудахтанье, не то павлиний клекот. И стоил ему жестокого приступа кашля.

– Костоправ, – спросил Одноглазый, – ты точно ничего не можешь для него сделать? Выхаркает ведь легкие и помрет. Тогда нам плохо придется.

– Не могу. Начнем с того, что не надо было ему тащиться с нами… – (Хотя что толку в этих разговорах? Он уже отказался внять им.) – Вы с Гоблином способны помочь ему куда лучше, чем я.

– Поди помоги тому, кто помощи не хочет…

– Истинно так. – Я заглянул прямо в его единственный глаз. – Когда у нас будут проводники?

– Я спрашивал. Он одно твердит: скоро.

Это оказалось правдой. В лагерь уверенной рысцой вбежали два высоких чернокожих молодца. Более здоровых и крепких образчиков человеческого рода я в жизни не видел. Каждый имел за спиной колчан с дротиками, в левой руке – копье с коротким древком и длинным наконечником, а на левой – щит из шкуры в черную и белую полоску. Конечности двигались ритмично и слаженно, словно были частями чудесного механизма.

Я взглянул на Госпожу. На ее лице не отражалось никаких мыслей.

– Из них могут получиться отменные солдаты, – сказала она.

Эти двое подбежали к Хрипатому. Они демонстрировали полное безразличие ко всем остальным, однако то и дело изучающе косились на нас. По эту сторону джунглей белый человек – редкость.

С Хрипатым они заговорили надменно. Речь напоминала отрывистый лай: множество щелкающих звуков и смычных согласных.

Хрипатый с заметным трудом отвесил несколько глубоких поклонов и ответил на том же языке хнычущим тоном, словно раболепствуя перед раздраженными хозяевами.

– Будут проблемы, – предсказала Госпожа.

– Похоже на то.

Презрение к чужим – штука не новая. Следовало распределить роли. Я понаблюдал еще, пытаясь определить, кто из этих двоих главный.

Потом обратился к Гоблину на пальцах, языком глухонемых. Одноглазый, уловив суть, гоготнул. И это возмутило наших новых проводников. Наступил ответственный момент. Теперь эти ребята должны сами осознанно спровоцировать нас. Только в этом случае они примут наказание как должное.

Одноглазый явно замышлял что-то большое и шумное. Я жестом велел ему угомониться и приготовить какой-нибудь простой, но впечатляющий фокус.

– Что они лопочут?! – сказал я вслух. – Ну-ка, разберись.

Одноглазый заорал на Хрипатого.

Тот сообразил, что попал между молотом и наковальней. Он объяснил Одноглазому, что к’хлата не торгуются. Мол, они только пороются в наших вещах и возьмут то, что сочтут подходящей платой за беспокойство.

– Пусть попробуют! Сразу лишатся пальцев. По самые локти. Объясни им. Вежливо.

Для вежливости было слишком поздно. Эти двое понимали язык Хрипатого. Но рык Одноглазого смутил их. Они не знали, что предпринять.

– Костоправ! – окликнул меня Мурген. – У нас гости!

И верно, гости. Кое-кто из встретившихся нам по пути парней с рыбьими глазами.

То, что нужно, чтобы переполнить чашу терпения наших новых приятелей. Ребята подпрыгивали, кричали и стучали древками копий по щитам. Изрыгали ядовитейшие насмешки. Носились вдоль отмеченной камнями обочины. За ними рысил Одноглазый.

Рыба не кусается. Но когда она – живец, в ней прячется острый крючок.

Чернокожие воины с ревом атаковали, застав всех врасплох. Трое вновь прибывших были повержены. Остальные быстро, хоть и не без труда, усмирили наших проводников. Хрипатый стоял на обочине, заламывая руки и коря Одноглазого. Над нами в вышине кружили вороны.

– Гоблин! Одноглазый! – зарычал я. – Заканчивайте!

Одноглазый захихикал, схватил себя за волосы и рванул. Прямо из-под дурацкой шляпы он стащил кожу со своей головы и сделался тварью – клыкастой, злобной и вообще достаточно отвратительной, чтобы даже стервятника вывернуло от одного взгляда на нее.

Пока он таким образом играл на публику и отвлекал внимание, Гоблин проделал главную часть работы.

Казалось, его окружают гигантские черви. Даже я не сразу понял, что все это, извивающееся и кишащее, просто-напросто веревки. А когда увидел, в каком состоянии наша упряжь, из горла помимо воли вырвался негодующий крик.

Гоблин весело заулюлюкал – и десятки кусков веревки скользнули в траву, а потом взвились, готовые заполонить собою все, настичь, опутать, задушить.

Хрипатый забился в настоящем апоплексическом припадке:

– Стойте! Прекратите! Вы же нарушаете соглашение!

Одноглазый и ухом не повел. Упрятав монструозную харю под человеческой личиной, он теперь метал в Гоблина свирепые взгляды. Отказывал ему в малейшей изобретательности.

Но Гоблин еще не сказал последнего слова. Задушив всех рыбоглазых, кроме уже убитых, он заставил свои веревки стащить трупы на обочину.

– Свидетелей не было, – заверил меня Одноглазый. Ворон он не замечал, потому что смотрел на Гоблина. – Так вот что замышлял мерзкий лягушонок…

– И что же?

– Столько веревок… Костоправ, чтобы их заколдовать, месяца мало. Я знаю, на кого он нацелился! Раз – и нет больше доброго, вежливого, многострадального Одноглазого… Но теперь маски сорваны, и я покараю его, не дожидаясь предательского удара в спину.

– Превентивное возмездие? – сформулировал я идею Одноглазого.

– Говорю тебе, он худое замыслил! И я не собираюсь сидеть и ждать…

– Спроси Хрипатого, что делать с мертвяками.

Хрипатый посоветовал закопать их поглубже и получше замаскировать могилу.

– Проблема, – сказала Госпожа. – С какой стороны ни посмотри.

– Лошади отдохнули. Пора двигаться. Уйдем.

– Надеюсь. Если бы…

В ее голосе было нечто такое, что не поддавалось расшифровке. Только много позже я понял. Ностальгия. Тоска по дому. По чему-то безвозвратно утерянному.

Гоблин прозвал наших новых проводников Ишаком и Лошаком. И опять, вопреки моему неудовольствию, клички прижились.

Мы пересекли саванну за четырнадцать дней и без неприятностей, хотя Хрипатый с проводниками всякий раз, заслышав рокот далеких барабанов, колотились в страхе.

Ожидаемое ими послание пришло, лишь когда мы покинули саванну и очутились в гористой пустыне. Оба проводника немедленно возжелали остаться с Отрядом. Что ж, пара копий лишними не будут.

– Барабаны сообщают, – пояснил Одноглазый, – что эта парочка объявлена вне закона. А что говорится о нас, лучше и не слушать. Надумаешь возвращаться на север, поищи другой путь.

Через четыре дня мы стали лагерем на какой-то высотке в виду большого города и широкой реки, текущей к юго-востоку. Мы добрались до Гиэ-Ксле, это в восьми сотнях миль за экватором. Устье реки располагалось в шестистах милях южнее, на самом краю света, если верить карте, сделанной мною в Храме отдохновения странствующих. Последние известные земли, отмеченные на карте весьма приблизительно, имели название Троко Таллио и лежали выше по реке, далеко от морского побережья.

Как только лагерь принял удовлетворивший меня вид, я отправился на поиски Госпожи. Она нашлась среди больших валунов. Но вместо того чтобы любоваться пейзажами, неотрывно смотрела в крохотную чайную чашку. Вдруг из чашки выплеснулось искристое сияние, а затем Госпожа почувствовала мое приближение и с улыбкой подняла глаза.

Чашка не сияла. Померещилось мне, наверное.

– Отряд растет, – сказала Госпожа. – С тех пор как мы оставили Башню, ты навербовал уже двадцать человек.

– Ага. – Я сел рядом, устремив взгляд к городу. – Гиэ-Ксле?

– Черный Отряд уже нес там службу. Да где он только не служил…

– Верно, – хмыкнул я. – Мы пробираемся в наше прошлое. Отряд возвел на трон Гиэ-Ксле нынешнюю династию. И ушел без обычных скандалов. Что же будет, если мы въедем в город под развернутым знаменем?

– Есть лишь один способ выяснить. Надо попробовать.

Наши взгляды скрестились, заискрившись множеством смыслов. С того упущенного момента прошло немало времени. Мы избегали подобных встреч, словно нами овладела запоздалая юношеская стыдливость.

Закат сиял великолепным заревом. Я просто не мог забыть, кем она была. Она же злилась на меня. Но хорошо скрывала это, наблюдая вместе со мной, как город наносит себе на лицо ночную маску. Такому косметическому искусству обзавидуется любая стареющая княгиня.

Зачем Госпоже тратить силы, сводя меня с ума? Я и сам прекрасно справлюсь.

– Чужие звезды, чужое небо, – проговорил я. – Все созвездия вверх ногами. Еще немного, и я не смогу отделаться от мысли, что попал в иной мир.

Она тихо фыркнула:

– Мне уже давно от нее не отделаться. Черт… Пойду-ка поищу, что сказано в Анналах об этом Гиэ-Ксле. Не знаю, в чем причина, но не нравится мне это место.

Мне оно тоже не нравилось, хотя я только что осознал это. Странно. Обычно меня тревожат люди, а не места.

– Так что же тебе мешает?

Я как будто читал ее мысли. Иди. Спрячься. Заройся в книги, в истории о далеком прошлом. А я останусь здесь, чтобы взглянуть в лицо дню нынешнему и грядущему.

В такую минуту что ни скажи, все будет не то. Поэтому я выбрал из двух зол меньшее – молча встал и пошел.

И по дороге к лагерю едва не налетел на Гоблина. Он был так занят, что не услышал меня, хотя я, пробираясь впотьмах, наделал немало шуму.

Он, лежа за валуном, пожирал глазами сутулую спину Одноглазого и столь явно замышлял недоброе, что я не смог пройти мимо. Нагнувшись к его уху, я негромко сказал:

– Бу-у-у!

Он всквакнул и подскочил футов на десять, а затем обжег меня взглядом.

Придя в лагерь, я принялся искать нужную книгу.

– Костоправ, какого дьявола ты суешь нос куда не просят? – спросил Одноглазый.

– Что?

– Не лезь в чужие дела! Я караулил пакостного жабеныша, и, если бы ты его не спугнул, он бы у меня…

Из темноты к нему скользнула веревка и улеглась кольцом на коленях.

– Ладно, больше не буду, – пообещал я.

Анналы не смогли развеять моих опасений. Я нажил себе настоящую паранойю с нервным зудом между лопаток. Нет-нет да и вглядывался в темноту, не следит ли кто за мной.

Гоблин с Одноглазым продолжали цапаться. Наконец я спросил:

– Ребята, вы не могли бы хоть ненадолго делом заняться?

Да, конечно, еще бы не мочь, однако они не желали признать, что их склока – вовсе не мировая катастрофа, а потому просто взирали на меня, ожидая продолжения.

– Как-то мне не по себе. Не то чтобы я чуял беду, но все равно тревожно. И чем дальше, тем сильнее.

Они с каменными лицами хранили молчание.

Зато высказался Мурген:

– Я знаю, о чем ты, Костоправ. С тех пор как мы приехали сюда, я тоже весь на нервах.

Я оглядел остальных. Гогот смолк. Прекратилась игра в тонк. Масло с Крутым слегка кивнули, подтверждая, что и они не в своей тарелке. Прочие же постеснялись признаться, опасаясь выглядеть недостаточно мужественными. Вот так. Может, моя медвежья болезнь – не совсем плод воображения.

– Чувствую, в этом городе наступит переломный момент в истории Отряда. Вы, умники, можете мне что-нибудь объяснить?

Гоблин с Одноглазым переглянулись и промолчали.

– Единственная странность этого места, описываемая в Анналах, заключается в том, что Отряд просто взял да убрался отсюда. Редкий случай.

– И что же это означает?

Мурген, да ты прирожденный клакёр!

– А то, что нашим братьям не пришлось отступать отсюда с боем. Они могли продлить контракт. Но Капитан прослышал о чудесной горе на севере, якобы усыпанной серебряными самородками весом до фунта.

Я бы мог еще кое о чем порассказать, но вряд ли парни захотели бы слушать. Мы уже не Черный Отряд, а просто кучка людей, родства не помнящих, – перекати-поле, гонимое ветром в одну и ту же сторону. Насколько в этом виноват я? Насколько – неблагоприятное стечение обстоятельств?

– Нечего сказать?

Оба колдуна лишь задумчиво смотрели на меня.

– Ладно. Мурген, завтра расчехляй наше знамя. Со всеми регалиями.

У многих поднялись брови.

– Кончайте с чаем, ребята. Там, внизу, варят кое-что покрепче. Готовьте глотки для настоящего пойла.

Это вызвало некоторый интерес.

– Видите? Все же есть от Анналов кое-какой прок!

Работая с последним из моих собственных томов Анналов, я время от времени поглядывал на наших колдунов. Они забыли свою вражду и занялись делами посерьезнее, чем проказы.

В очередной раз подняв глаза, я увидел серебристо-желтую вспышку. И похоже, полыхнуло аккурат у тех валунов, где мы с Госпожой любовались огнями ночного города.

– Госпожа!

Я разжился десятком ссадин и почувствовал себя круглым дураком, увидев, что она сидит на камне, обняв колени и опустив на них подбородок, и предается вечерним раздумьям. Свет только что взошедшей луны освещал ее сзади. Мое внезапное шумное появление привело ее в замешательство.

– Что случилось? – спросил я.

– Ты о чем?

– Здесь что-то сверкало.

Недоумение на ее лице в неверном сиянии ночного светила казалось искренним.

– Наверное, просто шутки лунного света. Шла бы ты спать. Завтра выходим рано.

– Ладно, – тихо, с тревогой ответила она.

– Что-нибудь не так?

– Нет. Просто мне одиноко.

Я и без объяснений понимал, что она имеет в виду.

Возвращаясь, наткнулся на Гоблина с Одноглазым, которые осторожно пробирались вперед. Над их ладонями плясали волшебные светлячки, а в глазах тлел ужас.

16. Плетеный Лебедь воюет

Лебедь диву давался. Все шло так, как он ожидал. Таглиосцы отдали лежавшие за Майном земли, даже пальцем не шевельнув, чтобы их защитить. Объединенная армия Хозяев Теней благополучно форсировала реку, после чего разделилась на четыре части. Не встретив сопротивления и далее, армии распались на отряды – так удобней грабить. И добыча была столь велика, что под ее грузом рухнула дисциплина.

Внезапно и повсеместно таглиосские партизаны принялись вырезать фуражиров и мелкие группы мародеров. Армии вторжения понесли огромные потери, прежде чем разобрались в обстановке. Этот план был разработан Корди Мэзером, заявлявшим, что он подражает тактике своего кумира – Черного Отряда. Когда же агрессор отреагировал, усилив партии фуражиров, Мэзер принялся их заманивать в засады и ловушки. Апогеем его деятельности стало сожжение двух отрядов в специально для этой цели построенных тесных городках. В третий раз, однако, противник на приманку не клюнул. Потерявшие осторожность таглиосцы получили хорошую взбучку, и раненый Корди вернулся в Таглиос, чтобы поразмыслить об изменчивости военной судьбы.

Лебедь в это время маневрировал на восточных таглиосских территориях с Копченым и двадцатью пятью тысячами добровольцев, держась поближе к неприятельскому главнокомандующему и старательно изображая серьезную силу, готовую при малейшей ошибке врага жестоко его наказать.

Копченый не собирался вступать в бой, он демонстрировал такое упрямство, что даже у Лебедя лопалось терпение. Колдун заявил, что ждет, когда изменится ситуация. Что именно должно произойти, он не объяснил.

Что касается Ножа, тот находился на юге, на отданных без боя землях вдоль реки Майн. Он должен был собрать отряд из местных для перехвата вражеских гонцов. Это оказалось легко – на Майне не было мостов, только четыре брода. Вероятно, Хозяева Теней были крайне заняты. Они ничего не заподозрили. А может быть, просто решили, что отсутствие вестей – сама по себе хорошая весть.

И то, чего ждал Копченый, наконец-то произошло.

Как выразился Нож, жрецы были кошмаром Таглиоса. Между тремя основными религиями не наблюдалось согласия. Когда же межконфессиональная вражда затихала, внутри каждой религии поднимали голос раскольники, еретики и сектанты. Вся таглиосская культура вращалась вокруг различий в догматах веры и жреческих усилий, направленных на то, чтобы обойти соперников. Многие бедняки, особенно в провинциях, не принадлежали ни к одной конфессии, так же как и правящая династия. Хочешь удержать власть, не позволяй себе никаких предпочтений.

Старик Копченый ждал, когда кто-нибудь из высших жрецов додумается заработать популярность для себя и своих присных, обезглавив неприятеля и тем самым лишив его возможности продолжать войну.

– Циничный политический маневр, – объяснил он Лебедю. – Прабриндра долго дожидался возможности показать остальным, что получится, если его не послушают.

И дождался.

В конце концов одного жреца осенила гениальная идея. Убедив пятнадцать тысяч человек в том, что они способны справиться с опытными профессионалами, святоша взялся за дело. Он даже вывел всю эту толпу навстречу врагу. Найти армию Хозяев Теней оказалось легче легкого: ее главнокомандующий тоже решил воспользоваться удобным случаем. Все ранее завоеванные земли были уже полностью усмирены одним мощным ударом.

Лебедь и Копченый с несколькими подручными стояли на вершине холма, где обе конфликтующие стороны могли их видеть, и полдня наблюдали, как две тысячи человек расправляются с пятнадцатью тысячами. Впрочем, части таглиосцев удалось уйти, но только потому, что противник слишком устал для погони.

– Вот теперь будем драться, – сказал Копченый.

И тогда Лебедь выдвинул свои силы и принялся допекать неприятеля осиными укусами. Наконец тот разозлился и начал преследование. Лебедь бежал, пока враги не остановились. Тогда он повторил прием, а затем снова и снова. Трюк из полузабытой легенды – Черный Отряд отступал тысячу миль, заманивая врагов в ловушку, где те и полегли, хоть и верили до последнего момента, что победа уже одержана.

Однако неприятель, вероятно, тоже знал эту историю. Во всяком случае, он не позволил себя заманить. Перед первыми же препятствиями враги просто стали лагерем. Лебедь переговорил с Копченым, тот собрал в ближайших деревнях добровольцев и поставил им задачу окружить чужеземцев стеной.

Не дожидаясь крупных неприятностей, враг повернул назад и направился к Таглиосу. Это надо было сделать сразу, прекратив на время грабежи. И Лебедь принялся наскакивать с тыла, кусать чужеземцев, пока их командир не пришел к выводу, что необходимо избавиться от наглеца, иначе не будет покоя.

– Я ни хрена не смыслю ни в тактике, ни в стратегии, – сказал Лебедь Копченому, – но я представил, что против меня один-единственный человек. То есть их главный. Если заставлю его делать, что мне нужно, он поведет за собой остальных. А уж раздразнить парня, чтобы в драку полез, – это я умею.

Он говорил сущую правду.

Генерал Хозяев Теней наконец «загнал» его в городишко, специально для этого подготовленный. Трюк Корди, только большего масштаба и без пожаров. Все население было выведено, его место заняли двадцать тысяч добровольцев. Они строили стену, пока Лебедь с Копченым играли с неприятелем в кошки-мышки.

Лебедь вошел в город и высунул оттуда нос. Он не пожалел усилий, чтобы разозлить неприятельского командира. Это удалось не сразу. Враг окружил город, мобилизовал всех, кто мог хотя бы ноги переставлять, и двинулся на штурм.

Получилась кровавая свалка. Врагам пришлось туго, так как тесные улочки не позволяли использовать преимущество сплоченности и дисциплины. Со всех крыш летели стрелы, из-за каждого угла, из каждого дверного проема кололи копья. Однако солдаты Хозяев Теней были на голову выше противника. Они положили множество таглиосцев, прежде чем сообразили, что попали в западню и обороняющихся раз в шесть больше, чем ожидалось. Отступать было поздно. Однако немалую часть таглиосского войска враги забрали с собой в могилу.

Когда все было кончено, Лебедь вернулся в Таглиос. Воротился домой и Нож. Они снова открыли таверну и недели две праздновали победу. Тем временем Хозяева Теней поняли, что произошло, и рассвирепели. В ход пошли все мыслимые угрозы. Но таглиосский князь Прабриндра Дра отвечал дерзко и предлагал засунуть страшные посулы в то место, куда не проникает свет солнца.

Лебедь же с Ножом и Корди отдохнули с месяц, а затем приступили к выполнению следующей части плана, заключавшейся в долгом походе на север с Радишей Дра и Копченым. Лебедь полагал, что это вовсе не будет увеселительной прогулкой, однако никто не предложил ничего получше.

17. Гиэ-Ксле

Поутру я поднял всех и заставил нарядиться в лучшие праздничные одежды. Мурген развернул наше знамя. Тут пришелся очень кстати достаточно крепкий бриз. Громадные вороные жеребцы били копытами и грызли удила – им не терпелось отправиться в путь.

Их страсть передалась меньшим братьям. Все было упаковано и погружено. Задерживаться не было никаких причин – разве что кроме той, что в городе, возможно, нас не ждала теплая встреча.

– Волнуешься, Костоправ? – спросил Гоблин. – Не терпится покрасоваться?

Да, я волновался, и он это отлично видел. Мне хотелось демонстративно плюнуть в лицо своим предчувствиям.

– Что ты придумал?

Вместо прямого ответа он обратился к Одноглазому:

– Когда спустимся к той седловинке, где они уже смогут нас видеть, сделай парочку громов и «трубу Рока». А я займусь «скачкой сквозь огонь». Пусть видят, что Черный Отряд вернулся.

Я взглянул на Госпожу. Та наблюдала за происходящим отчасти насмешливо, отчасти покровительственно.

Мне вдруг показалось, что Одноглазый сейчас затеет свару, однако он стерпел начальственный тон Гоблина и коротко кивнул:

– Давай, Костоправ. Что толку время тянуть?

– Тронулись! – скомандовал я.

Что задумали колдуны, я не понял, но решил положиться на их мастерство.

Они поехали вперед. В дюжине ярдов за ними скакал Мурген со знаменем. Остальные построились в обычный порядок. Мы с Госпожой ехали бок о бок, ведя на поводу запасных лошадей. Поймав краем глаза блеск спин Ишака с Лошаком, я подумал, что теперь у нас имеется даже кое-какая пехота.

Сначала мы ехали, подчиняясь изгибам узкого пологого овражка, но милю спустя он начал расширяться и вскоре превратился в пристойную дорогу. Мы миновали несколько домиков, должно быть принадлежавших пастухам, но не сказать, что бедных и примитивных.

И вот, едва мы взобрались наверх указанной Гоблином седловинки, началось представление. Колдуны и впрямь не подкачали.

Одноглазый пару раз хлопнул в ладоши, и ответом были удары грома, заставившие содрогнуться сами небеса. Затем он прижал руки к щекам, и заголосила труба – с такой же примерно громкостью. В это время Гоблин сотворил чары, наполнив седловинку густым черным дымом, который затем превратился в столь же жуткое, сколь и безвредное пламя. Мы двинулись сквозь него. Я подавил искушение погнать галопом и велеть Гоблину с Одноглазым, чтобы лошади извергали из ноздрей огонь и выбивали копытами молнии. Да, возвращение Отряда должно быть зрелищным, однако нельзя переигрывать – чтобы наш приезд не приняли за объявление войны.

– Это произведет впечатление, – сказал я, оглянувшись на своих людей, выезжающих из пламени, причем обычные лошади взвивались на дыбы и кидались в стороны.

– Если только не перепугает до чертиков. Осторожнее бы надо, Костоправ.

– Ничего. Сегодня я дерзок и безрассуден.

Может, этого не стоило говорить после вчерашней нехватки дерзости и безрассудства. Но она промолчала.

– Нас увидели. – Госпожа указывала вперед, на две приземистые сторожевые башни, стоящие обочь дороги в трехстах ярдах.

Хочешь не хочешь, а придется ехать между ними, по узкому проходу, осененному тенью смерти. На верхушках башен вовсю работали гелиографы, переговариваясь между собой и, без сомнения, с городом.

– Надеюсь, говорят что-нибудь приятное. Наподобие: «Ура, они вернулись!»

Отсюда я уже мог разглядеть и людей. Непохоже, что намерены драться. Двое-трое сидели между зубцов, свесив ноги наружу. Один, которого я принял за офицера, маячил в амбразуре, поставив ногу на мерлон и опершись о колено, и внимательно наблюдал за нами.

– Вот примерно так делаю и я, когда нужно устроить надежную и коварную ловушку, – проворчал я.

– Не у всех же такой змеиный ум, Костоправ!

– Неужели? Да я сущий простак в сравнении с некоторыми моими знакомыми!

За это я получил испепеляющий взгляд былой грозной Госпожи.

И поскольку рядом не было Одноглазого, я сказал себе сам: «Да в змеях-то смысла куда больше, чем в Костоправе. Они на охоту только ради насыщения выбираются…»

Мы приблизились к одной из башен; Мурген и Гоблин с Одноглазым уже миновали ее.

Я приветственно поднял шляпу.

Офицер на миг отвернулся, затем нагнулся и бросил какой-то предмет. Вращаясь, он летел прямо на меня.

– Каков силач! Неплохо бы нам пару таких…

Я посмотрел на то, что поймал.

Предмет оказался черной палкой, около дюйма с четвертью в толщину и дюймов пятнадцати в длину. Он был сделан из тяжелого дерева и изукрашен неумелой резьбой.

– Будь я проклят!..

– Будешь. Что это?

– Офицерский жезл! Никогда таких не видал! Но в Анналах они упоминаются часто, до самого падения Шама – это затерянный город на плато, по которому мы прошли…

Я поднял жезл и еще раз отсалютовал человеку наверху.

– Отряд бывал в этом городе?

– Там-то он и кончился после ухода из Гиэ-Ксле. Капитан не нашел своей серебряной горы. Он нашел Шам. Анналы об этом рассказывают крайне невнятно. Похоже, населяла Шам какая-то заблудшая белая раса. И дня через три после того, как Отряд отыскал Шам, его нашли и предки наших Ишака и Лошака. Они ввергли себя в какое-то религиозное неистовство и напали на город со всех сторон. Атака была отражена, но она стоила жизни почти всему населению и большинству офицеров Отряда. Уцелевшие отправились на север, так как с юга наступала еще одна орда, не давая вернуться в Гиэ-Ксле. После этого о жезлах никто не упоминал.

На это Госпожа сказала только одно:

– Они знали, что вы придете, Костоправ.

– Ага.

В этом было что-то загадочное. Я терпеть не могу тайн. Хорошо, что мне встретилась лишь одна из целой стаи, а остальные никогда не всплывут на поверхность и не окажутся у меня на глазах.

За сторожевыми башнями, в трети мили от городской стены, у дороги ждали два человека. Прилежащие городу земли были на удивление голыми. Наверное, истощилась почва. В отдалении, к северу и югу, зелени хватало…

Между тем один из двоих ожидавших вручил Гоблину старое отрядное знамя. Я не разобрал символики, но это, несомненно, было оно, только совсем истлевшее, – чего же еще ждать от вещи столь древней.

Что за дьявольщина?

Одноглазый попробовал заговорить с местными, однако это все равно что беседовать со скалой. Они развернули лошадей и поскакали к городу. Колдун оглянулся, и я кивнул, подтверждая, что намерен следовать за ними.

На въезде в город нас встретил почетный караул из двенадцати человек, однако больше никто не торопился с приветствиями. Под гробовое молчание ехали мы по улицам. Люди замирали, дивясь на бледнолицых пришельцев. Половину всего их внимания привлекала Госпожа.

Да, она этого заслуживала. Она была просто чертовски хороша. Утром надела облегающий черный костюм. Уж поверьте, ему было что облегать!

Нас сопроводили к казармам с конюшнями. Жилые помещения содержались в порядке, но явно не использовались с давних пор. Похоже, нам предлагалось чувствовать себя как дома. Ладно…

Пока мы осматривали новые квартиры, провожатые улизнули.

– Ну что ж, – сказал Гоблин, – пускай теперь танцовщиц ведут!

Но танцовщиц не было. Вообще ничего не было, если не считать равнодушия. Весь остаток первого дня мы держались настороже, но опасения не оправдались. Нас расквартировали – и бросили.

На следующее утро я отправил в город Одноглазого и Хрипатого при двух рекрутах из самого последнего набора с наказом подыскать судно для сплава по реке.

– Ну вот, доверил лисе чинить щеколду на курятнике, – упрекнул Гоблин. – Надо было и меня послать, для пригляду за ним.

Масло захохотал.

Я усмехнулся, однако больше никого не выпустил.

– Ты для здешних улиц бледноват, малыш.

– Чепуха! Ты хоть по сторонам-то смотрел, пока ехали? Здесь есть белые, бесстрашный ты наш!

– Это правда, Костоправ, – подтвердил Крутой. – Не то чтобы много, но нескольких я заметил.

– Кой черт их сюда занес?

Я направился к двери. Ваше Сиятельство и Свечка расступились. Они стерегли вход на случай нежданных и нежеланных гостей. Выйдя наружу, я оперся о беленную известью стену и принялся жевать сорванный по дороге стебелек конского щавеля.

Да, ребята говорили правду. Я увидел пару белых – старика и женщину лет двадцати пяти, идущих по улице. Все прочие разинув рот воззрились на меня, но эти выказали полнейшее равнодушие.

– Гоблин! Тащи сюда свою задницу!

Мрачный Гоблин выглянул из казармы:

– Ну?

– Взгляни осторожно. Старика с девушкой видишь?

– Белых?

– Да.

– Вижу. И что с того?

– Раньше их не встречал?

– В моем возрасте кажется, что любого где-то когда-то встречал. Но в здешних краях мы еще не бывали. Значит, эти люди просто похожи на кого-то, с кем мы пересекались. По крайней мере, она.

– Эге. Но что-то не нравится мне, как он движется…

Гоблин сорвал стебель конского щавеля для себя. Я в тот момент смотрел на него, а когда снова обратил взгляд на улицу, странная парочка успела скрыться. Зато в нашу сторону направлялись трое черных мужчин, из тех, кому лучше под ноги не попадаться.

– О боги! Однако крупные люди тут рождаются!

Гоблин что-то пробормотал под нос, глядя мимо троицы. Озадаченно нахмурившись, он склонил голову набок, словно плохо слышал.

Трое здоровяков, подойдя к нам, остановились. Один заговорил. Я не разобрал ни слова.

– Не понимаю, парень. Попробуй другой язык.

Он попробовал. И снова я ничего не понял. Он пожал плечами и переглянулся с приятелями. Один из них исторг какие-то щелкающие звуки.

– Снова не угадали, ребята.

Самый здоровый исполнил устрашающую пляску разочарования. Приятели затараторили. А Гоблин, даже «до свидания» не сказав, бочком-бочком отошел в сторонку. Краем глаза я заметил его спину, скрывшуюся в проулке.

Мои новые друзья тем временем решили, что я либо глухой, либо тупой, и начали что-то объяснять хором и нараспев. На эти звуки наружу выглянули Ваше Сиятельство со Свечкой, а за ними и прочие. Поспорив между собой, трое здоровяков решили удалиться.

– О чем это ты с ними? – поинтересовался Крутой.

– О том, что ты мне надоел.

Вернулся, печатая шаг, Гоблин с самодовольной лягушачьей улыбкой на лице.

– Изумительно, – сказал я. – Я-то думал, неделя пройдет, пока я отыщу местную каталажку и ценой моей души вытащу тебя оттуда.

Гоблин, состроив обиженную мину, проквакал:

– Мне показалось, что твоя подружка уходит тайком. Вот и решил проверить.

– И, судя по твоей довольной роже, подозрения оправдались.

– Ну да! Я видел, как она встретилась со старикашкой и его цыпочкой.

– Вот как? Идем-ка внутрь, поразмыслим.

Я убедился, что Гоблину не примстилось. Госпожи не было. Что за дьявольщина?

Одноглазый с приданной командой, важно ступая, вернулся в казарму лишь к вечеру. Он лучился удовлетворением, словно кот с перьями в усах. Ишак с Лошаком тащили большую закрытую корзину. Хрипатый работал челюстями, отхаркивался и улыбался так, словно вот именно сию минуту происходила какая-то крупная проказа, к коей он изрядно приложил руку.

Гоблин, дотоле мирно дремавший, вскочил точно ужаленный с протестующим визгом:

– Ты, смрадный дух! Немедля убирайся за дверь с этой… что там за гадость у тебя? Или превращу паучье гнездо, которое ты считаешь своими мозгами, в игрушку для навозных жуков!

Одноглазый даже не покосился в его сторону:

– Посмотри, Костоправ, что я достал. Глазам не поверишь!

Парни опустили корзину на пол и откинули крышку.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул я и приблизился к корзине, ожидая увидеть клубок гремучих змей или что-нибудь в этом роде.

Внутри оказалась точная копия Гоблина размером с пинтовую кружку. Хотя пусть лучше будет кофейная чашка – в самом Гоблине не больше пинты.

– Что за диво? Откуда взялось?

Одноглазый воззрился на Гоблина:

– Этот вопрос я задавал себе многие годы.

Он так и сиял улыбкой, яснее всяких слов говорящей: «Эк я его!» Гоблин взревел, словно осатаневший леопард, и принялся колдовать. Его пальцы так и чертили в воздухе огненные загогулины.

Даже я не обращал на него внимания.

– Что это?

– Да бесенок же, Костоправ! Самый что ни на есть обыкновенный мелкий бес. Ты что, бесов никогда не видел?

– Нет. Откуда он у тебя?

Зная Одноглазого, я не был уверен, что хочу получить ответ на свой вопрос.

– По пути к реке, возле ближайшего базара, нам попались лавчонки, торгующие всякой всячиной для колдунов, гадателей, духовидцев, духослышцев и так далее. Вижу, в первой же витринке, если можно так назвать дырку в стене, стоит этот малыш. И прямо-таки просится к новому хозяину. Я не устоял. А ну-ка, скажи: «Привет Капитану», жабомордый.

– Привет Капитану, жабомордый! – пропищал бес и захихикал точь-в-точь как Гоблин, только тоньше.

– Давай, малыш, выбирайся, – велел Одноглазый.

Бес, словно подброшенный пружиной, вылетел из корзины. Одноглазый хрюкнул, поймал его за ногу, перевернул вниз головой, будто ребенок куклу, и посмотрел на Гоблина. Того чуть кондрашка не хватила – он даже пассы свои чудны́е прекратил.

Одноглазый разжал кулак. Бес, кувыркнувшись в воздухе, приземлился на ноги, колесом прошелся по казарме – и уставился на Гоблина. Ну прямо встреча юного ублюдка с его блудным папашей. Через минуту он, опять же колесом, подкатился обратно к Одноглазому и объявил:

– Ребята, мне у вас нравится!

Тут я сгреб Одноглазого за ворот и приподнял:

– А что с судном?! – Я слегка встряхнул его. – Тебя послали нанять судно, а не покупать говорящие безделушки!

То была одна из вспышек ярости, длящихся обычно секунды три, редких для меня, но достаточно сильных, чтобы я успел выставить себя совершенным ослом.

С моим родителем такое случалось куда чаще. Будучи маленьким, я прятался под столом целую минуту, пока он не утихомирится.

Я опустил Одноглазого на пол. Он изумленно взглянул на меня:

– Да нашел я судно, нашел. Зафрахтовать его только для нас не получилось – для этой барки мы со всеми лошадьми и повозками слишком малый груз. Отправляемся послезавтра, на рассвете. Пришлось заключить сделку.

Бесенок Жабомордый спрятался за Хрипатого, обхватив его ногу и выглядывая из-за нее, словно напуганный ребенок. Хотя было у меня ощущение, что он смеется над нами.

– Ладно, извини, что накричал. Расскажи, что за сделка.

– Эта лохань, понимаешь ли, может добраться только до места, которое тут называют Третьим Порогом. Это примерно в восьми с половиной сотнях миль ниже по реке, и там барка не пройдет. Дальше восемь миль пешком, и снова придется что-то нанимать.

– Наверняка – до Второго Порога.

– Ну да. Но все равно. Нас довезут до Третьего, обеспечив пищу и фураж, если согласимся охранять эту самую барку в пути.

– Ах, охранять?! Зачем же охрана? Да еще в таком количестве?

– Пираты.

– Ясно. То есть нам все равно пришлось бы драться, даже заплатив за проезд.

– Возможно.

– Ты осмотрел судно? Как у него с защитой?

– Сойдет. За пару дней мы из него плавучую крепость сделаем. Я в жизни не видал такой огромной барки.

В моей голове тоненько зазвенел сигнал тревоги.

– Утром осмотрим еще раз. Все вместе. Твоя сделка слишком хороша, чтобы не было подвоха. Хотя чем черт не шутит…

– Я и сам это понял, потому и купил Жабомордого. Его можно послать на разведку. – Он улыбнулся и взглянул на Гоблина, надувшегося и отошедшего в угол поразмыслить. – К тому же не надо тратиться на переводчиков и проводников. Он все сделает в лучшем виде.

У меня приподнялись брови.

– Точно?

– Еще как! Вот видишь, и Одноглазый порой на что-то годен.

– Или же только обещает. Так, говоришь, твой бес готов к работе?

– Готовее некуда.

– Ну так пошли. Я найду ему десяток дел.

18. Барка

Я повел Отряд к берегу, прежде чем солнце высунуло свой огузок из-за заречных холмов. Город мирно спал, но наблюдалось какое-то движение в ту же сторону, куда шли и мы. По мере приближения к реке вокруг становилось все оживленнее, а уж порт гудел словно улей.

Ворон и здесь хватало.

– Похоже, они и на ночь не расходились, – заметил я. – Одноглазый, которая?

– Вон та, большая.

Я двинулся в указанном направлении. Да, барка была чудовищно велика! Эта деревянная посудина предназначалась для перевозки грузов вниз по течению. По такой полноводной и тихой реке путешествовать будем долго.

– Похоже, недавно построена…

Мы вошли в оазис молчания. По дороге я всматривался в лица рабочих. Кроме легкой настороженности, они мало что выражали. Заметил я и нескольких вооруженных людей, примерно тех же габаритов, что и вчерашняя троица. Эти садились на барки поменьше. На борт нашей громадины вереницей поднимались грузчики.

– Одноглазый, зачем столько леса?

– Моя идея, – ответил он. – Чтобы мантелеты надстроить. А то у них против стрел только плетеные щиты. Удивительно, что они вняли и пошли на расходы да хлопоты. Может, все мои пожелания выполнят? Если так – живем!

– Меня это не удивляет.

Теперь я был уверен, что здешняя публика мало того что предвидела наше прибытие, но и включила нас в свои планы на ближайшее будущее. Пираты, как оказалось, не просто досаждали время от времени, а прямо-таки обложили город. И его жители решили покончить с этим при помощи банды искателей приключений, по которым никто не проронит и слезинки.

Совершенно не понимаю, зачем им надо было с нами играть. Война – наша работа. И в низовья реки нам всяко нужно добраться.

Может быть, в этом обществе так принято. А может, горожане просто не могли поверить в очевидное.

С помощью Жабомордого мне минут за шесть удалось вызвать на откровенность хозяина барки и делегацию местных шишек, ждавших нас вместе с ним. Я выторговал огромное вознаграждение и пообещал:

– Как только увидим деньги, сразу возьмемся за дело.

Тотчас деньги появились словно по волшебству.

– Мог бы и побольше содрать, – упрекнул меня Одноглазый.

– Да, мы им очень нужны, – согласился я. – Должно быть, они в отчаянном положении. Давай, за дело.

– Тебя не интересует, что именно от нас требуется?

– Не интересует. Так и так нужно плыть.

– Верно. Однако я пошлю Жабомордого, пусть разговоры послушает.

– Как хочешь.

Я осмотрел среднюю палубу. Масло с Крутым увязались за мной. Мы обсудили, как улучшить защиту судна.

– Надо разузнать, против кого идем. Надо знать пиратскую тактику. Например, если они нападают флотилией мелких судов, можно поставить за мантелетами машины…

Я остановился у пирсового ограждения. Было очевидно, что наша барка пойдет во главе каравана, а сама она построена специально для того, чтобы проложить ему путь. Ее нипочем не поднять обратно к верховьям. Весел едва хватит, чтобы держать курс.

Над царившим в порту хаосом кружили вороны. Я старался не обращать на них внимания. А то уже свербила мыслишка, что я подцепил наваждение.

И вдруг я заметил у стены одного из складов странное местечко. Люди, сами о том не догадываясь, обходили его стороной. Там, в тени, неясно виднелась фигура. Вороны так и сновали вокруг нее.

А затем я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Было ли то игрой воображения? Никто, кроме меня, не видел этих проклятых ворон.

– Пора выяснить, что это за чертовщина. Одноглазый! Мне нужна твоя зверушка.

Я велел Жабомордому пойти и разузнать, что там происходит. Через минуту он возвратился и насмешливо глянул на меня:

– А что я должен был увидеть, Капитан?

– А что вообще видел?

– Ничего.

Я снова посмотрел туда – и тоже ничего не увидел. Но тут в поле зрения возникли трое здоровяков, пытавшихся заговорить со мной вчера. Вместе с ними явилось десятка три похожих, но чуть помельче. Они наблюдали за нашей баркой. Похоже, эти люди не потеряли интереса к нам.

– Эй, коротышка! Иди-ка переводить.

Самый здоровый из них, как выяснилось, звался Могаба. Он и его дружки попросились в Отряд. И в городе, по его словам, есть еще желающие. От нас требуется только согласие их принять. А затем он объяснил, откуда такое рвение. Оказывается, все эти крепко сбитые, не расстающиеся с острой сталью мужики, которых я немало видел в округе, потомки солдат Черного Отряда, служивших Гиэ-Ксле в былые времена. Назывались они нарами и представляли собой городскую касту военных. Сложилось впечатление, что я для них вроде святого. Как же, настоящий Капитан! Почти что полубог.

– Что ты об этом думаешь? – спросил я Одноглазого.

– Такие нам пригодятся. Ты только взгляни – звери! Бери всех – если, конечно, они предлагают всерьез.

– Жабомордый может выяснить?

– Еще как!

Проинструктировав беса, Одноглазый послал его на разведку.

– Костоправ!

Я так и подскочил – Одноглазый вошел совсем неслышно.

– Чего тебе?

– Эти самые нары – не шутка. Расскажи, Жабомордый.

И бес загнусавил словно бы голосом Гоблина, но куда тоньше.

Нары вправду оказались потомками наших братьев. Они создали замкнутый воинский культ на основе оставленных Отрядом легенд. Эта каста вела свои собственные Анналы и, очевидно, куда лучше нашего соблюдала древние традиции.

А затем Жабомордый и вовсе добил меня.

Подумать только – некто Элдон Ясновидящий, знаменитый местный колдун, предсказал наше появление еще несколько месяцев назад, когда мы пересекали мохнатые холмы на пути к Д’лок-Алоку. И нары (нар – на местном языке «черный») устроили множество испытаний и состязаний, дабы отобрать из каждой сотни лучших, достойных встать под знамя отцов и совершить поход в Хатовар. Конечно, при условии, что мы их примем.

Этот Элдон Ясновидящий и цель нашего похода расшифровал издалека!

Я не люблю того, чего не понимаю.

Могаба, как лучший в касте, возглавил делегацию.

А пока нары готовились к священному паломничеству, отцы города вместе с купечеством собирались использовать нас для прорыва пиратской блокады, сквозь которую за последние годы и мышь не смогла прошмыгнуть.

Словом, мы были «великой надеждой с севера».

– Ну, Одноглазый, не знаю, что и думать…

– Зато я знаю, Костоправ: все идет к тому, что ты не сможешь отказать этим ребятам.

Я и не склонен был отказывать. Пираты, о которых никто ничего толком не мог поведать, обещали стать препятствием серьезным и неприятным. В моем мозгу тлело смутное предчувствие, что они способны призвать на помощь сильную магию, если увидят, что дела плохи.

– Отчего же не смогу?

– Оттого, что ребята все это затеяли всерьез, Костоправ. Более чем всерьез. Они что-нибудь безумное выкинут, например бросятся на собственные мечи, если не возьмешь их в Отряд.

– Ну скажешь тоже…

– А ты не сомневайся. Для них это как религия. Ты же сам постоянно твердишь о былых временах, когда знамя было чем-то вроде божества, хранящего нас… Они предпочли другой путь. Отряд, ушедший на север, превратился в обычную шайку головорезов, ты сам видел. А родившиеся здесь дети возвысили своих папаш до богов…

– Это ужасно.

– Ты уж лучше мне поверь.

– Они в нас разочаруются! Из тех, кто относился к традициям серьезно, остался один я.

– Ерунда, Костоправ. Поплевать, да надраить, да ударить в барабан славы прежних дней – это еще далеко не все. Пойду отыщу этого уродца Гоблина, авось перестанет дуться и поможет мне прикинуть, что делать с посудиной, если получит пробоину. Дьявольщина, пираты, похоже, знают обо всем, что здесь творится. Может, наша репутация напугает их настолько, что пропустят без боя.

– Думаешь, есть шанс?

Это было бы просто замечательно.

– Нет. Жабомордый! Поди сюда. Черт его возьми! Ну как ребенок!.. Жабомордый, остаешься с Костоправом. Будешь выполнять его распоряжения, словно он – это я. Понятно? Ослушаешься – задницу надеру.

Бес, при всех своих талантах, обладал разумом пятилетнего малыша. И его внимание так и скакало с места на место. Он пообещал Одноглазому держаться подле меня и помогать, однако я не рассчитывал, что с ним будет легко.

Я отправился к причалам, где принял в наше братство по оружию тридцать два новобранца. Могаба был на седьмом небе – я уж думал, кинется меня обнимать.

Наши ряды пополнились весьма впечатляющими бойцами: каждый – богатырского сложения, быстр и ловок, словно кошка. Если это всего лишь полукровки от наших солдат, служивших в Гиэ-Ксле, каковы же были предки?

Будучи приведен мною к присяге, Могаба первым делом спросил, можно ли его братьям по касте взять на себя охрану других судов. После, мол, они смогут рассказать внукам, что сопровождали нас в священном походе аж до Третьего Порога.

– Почему бы и нет?

Этот Могаба со своими парнями вскружил мне голову. В первый раз с тех самых пор, как возглавил Черный Отряд, я почувствовал себя настоящим Капитаном.

Братья разошлись по домам за своей амуницией. Заодно хотели разнести по городу добрую весть.

И тут я заметил, что хозяин с носа барки наблюдает за происходящим с широкой плотоядной улыбкой.

Для его компании все складывалось просто отменно. Они были уверены, что уже захомутали нас и теперь держат за узду.

– Эй, Костоправ! Твоя блудная подружка вернулась!

– И ты, щенок? Ох, брошу тебя в реку…

Если смогу догнать. Бесенок обладал не только умом, но и резвостью пятилетнего.

Всеобщий ажиотаж при появлении Госпожи подсказал мне, что это именно она. Точнее, подсказало его отсутствие. Люди, мимо которых она проходила, прерывали разговоры, провожали ее мечтательным взглядом, вздыхали, качали головой. Ни свиста, ни воя, ни грубых замечаний.

Оглядев окрестности, я выбрал жертву:

– Мурген!

– Какие будут распоряжения? – подскочил тот.

– Когда Госпожа появится здесь, покажи ей ее жилище. Соседняя каюта – для ее гостей.

– Я думал…

– А ты не думай. Просто делай что говорят.

Сам я не хотел попадаться ей на глаза. Я пока не был готов к неизбежной схватке.

19. Река

Ночь над рекой. Лунный луч плещется в темном зеркале вод. Тишина, порой сверхъестественная, вдруг разражается какофонией адского оркестра: хрюкают крокодилы, пятьдесят разных пород лягушек тянут свою песнь, птицы ухают и клекочут, бегемоты фыркают – и все прочие, богам одним известно кто еще, голосят на разные лады.

И жужжат насекомые. Здесь с ними едва ли не хуже, чем в джунглях. И будет еще хуже, когда достигнем южных болотистых низин. Нам сказали, что река – хоть это и незаметно – течет сквозь болото от десяти до восьмидесяти миль в ширину и три сотни миль в длину.

Пока что вдоль западного берега тянулись пахотные земли, а восточный на три четверти был покрыт дикой растительностью. В устьях притоков и заводях попадались лодки; их хозяева таращились на нас; подобно своей земле, эти люди были окультурены лишь самую малость.

Меня заверяли, что туземцев, живущих под самой сенью города, опасаться не стоит. Они с криком приближались к нам, но лишь для того, чтобы предложить на продажу крокодильи кожи и накидки из перьев попугаев. Я польстился и купил одну, самую большую и пеструю. И весила она фунтов шестьдесят. Облачившись, я стал в точности похож на классического вождя дикарей.

Могаба, осмотрев накидку, похвалил меня за разумное приобретение. Сказал, что эта штуковина защищает от дротиков и стрел лучше стальной брони.

Кое-кто из наров купил крокодильих кож для укрепления щитов. А Гоблину вздумалось приобрести пару высушенных крокодильих голов. Одна была гигантская, ни дать ни взять драконья. Пока я сижу на верхней палубе и описываю красоты ночной реки, он пристраивает свою чудовищную покупку на голову носовой фигуры. Наверное, готовит какой-нибудь фокус про запас.

С головой помельче он подошел ко мне:

– Костоправ, примерь-ка!

– Что?

– Примерь, говорю. Когда пираты нападут, появишься здесь в накидке из перьев и с этой штукой на башке и дохнешь огнем, как мифическое чудовище.

– Великолепный трюк! Мне нравится. Нет, я просто в восторге. Посмотрим, найдется ли идиот вроде Бадьи, чтобы его исполнить.

– Но…

– Ты полагаешь, я собираюсь торчать здесь и пусть всяк, кто хочет, в меня целится?

– Мы с Одноглазым обеспечим тебе защиту!

– Правда?! Услышаны наконец мои молитвы! Столько лет я не нуждался ни в чем, кроме твоей с Одноглазым защиты! «Уберегите меня, о святые отцы-покровители нашего Отряда!» – восклицал я тысячу – да что там, десять тысяч раз! И вот наконец…

Он плюнул и, прервав меня, переменил тему.

– Те люди, – проквакал он, – которых твоя подружка притащила на борт…

– Следующий идиот, который назовет Госпожу моей подружкой, отправится к крокодилам – выяснять, нельзя ли поставить их под седло. Улавливаешь?

– Улавливаю. Правда жизни больно бьет по твоим чувствам.

Я промолчал. Но – скрепя сердце.

– Дурная новость, Костоправ, – едва слышно зашептал Гоблин; так мы переговаривались, пробираясь мимо вражеских постов. – Там, в их каюте, такое заваривается!

Он изо всех сил старался быть полезным. Жабомордый, появившись в Отряде, совершенно затмил его. И потому я не сказал, что уже предупрежден и имею пару идей на этот счет.

Из воды, спасаясь от какого-то хищника, выпрыгнула рыба. И награда вполне соответствовала затраченным усилиям: беглянку подхватила кружившая над рекой ночная птица.

Я крякнул. Надо ли оповещать Гоблина, насколько я осведомлен о положении вещей и о чем лишь подозреваю? Или лучше прикинуться дурачком и по-тихому все уладить? Отряд разрастается, и сейчас крайне важно окружить себя ореолом загадочности. На некоторое время это подействует. Старослужащие просто не заподозрят меня в столь циничном и практичном отношении…

А Гоблин тем временем вываливал на меня все имеющиеся у него факты, подозрения и домыслы. Нового я услышал очень мало. И это новое только делало четче мое представление о ситуации.

– Пожалуй, Гоблин, – наконец сказал я, – пора тебе создать главный в твоей жизни шедевр. Нечто простое, недвусмысленное и мощное и чтобы можно было пустить это в ход за пару секунд.

Он растянул губы в своей знаменитой улыбке:

– Отстаешь от жизни, Костоправ. У меня в работе пара штучек – все обалдеют, когда применю.

– Вот и замечательно.

Где-то в конце пути Одноглазого ждет сильное потрясение.

До Третьего Порога было самое меньшее две недели пути – скорость течения не превышала скорости неспешной ходьбы. Если учесть и пиратов, наше путешествие могло никогда не закончиться.

К вечеру четвертого дня защита барки была усилена так, что дальше некуда. Бревенчатые щиты укрыли главную палубу. Их нижние края спускались до самой воды, чтобы препятствовать высадке абордажных команд. Сквозь амбразуры в щитах тоже не смог бы пролезть ни один человек. Вдоль каждого борта ребята смонтировали четыре баллисты. По совету проницательного Одноглазого мы изготовили десятки зажигательных бомб, и теперь они хранились в надежных гнездах на мостике. Трое братьев из Берилла смастерили «дельфина» – остроконечное грузило в форме рыбы на длинной цепи; его сбрасывают с гика, чтобы прошибать днища мелких судов. Но более всего мне понравилась машина, придуманная Терпилой, бывшим охранником караванов. То была многоствольная штуковина, заряженная небольшими отравленными дротиками; они выбрасывались при ударе упругой доской по их торцам. Малейшей царапины хватит, чтобы вызвать мгновенный паралич. Единственным недостатком этого орудия являлась неповоротливость. Придется ждать, пока цель сама не ляжет на траекторию выстрела.

По завершении работ я посадил всех наших на диету из моей любимой – еще с тех времен, когда я был ведомым, а не вел за собой, – муштры и дрючки. Строевая и боевая подготовка, усиленное изучение языка. С Одноглазого и его любимца я согнал семь потов, добиваясь, чтобы в Отряде был хотя бы один общий для всех язык. Ох и ругались они!..

Только на наров вся эта суета производила благоприятное впечатление.

Утром шестого дня мы достигли болотистых низин, поросших кипарисами. Теперь все держались настороже.

Госпожа не показывалась. Как будто вообще не существовала для нас.

Еще два дня пираты не попадались на глаза. А к тому времени, как попались, Одноглазый с Гоблином успели многократно всех предупредить.

Мы проходили там, где кипарисы вплотную подступали к воде. И вдруг из-за излучины появилось двадцать суденышек. Я смог направить на них лишь две баллисты. Это остановило одну лодку. Стрельба из луков с мостика – занимавшего, кстати, почти всю длину и ширину

барки – особой пользы тоже не принесла. Палубы были почти на всей протяженности укрыты навесами из крокодильих кож.

Пираты подошли к нам с бортов. После долгих усилий им все же удалось забросить кошки на верхние края щитов. Враги пошли на абордаж.

Этого-то я и ждал.

В щитах мы проделали множество маленьких отверстий. Могабины нары кололи через эти дырки нападающих в ступни. Нескольким пиратам, уже добравшимся до верхнего края щитов, пришлось какое-то время балансировать на бревнах толщиной четыре дюйма, прежде чем прыгать на крышу мостика.

Это все равно что стрелять индеек. Прыгнуть не успел ни один.

Гоблин с Одноглазым пока что не пускали в ход волшебство, они забавлялись метанием бомб. Такое пиратам было в диковинку. И они бежали прежде, чем мне пришлось использовать резервы.

По моим оценкам, неприятель потерял пять-шесть десятков человек. Немалый урон, однако меньше, чем хотелось бы. Ведь добрые купцы из Гиэ-Ксле надеются, что мы искореним пиратство на реке…

Едва враги показали спины, словно призрак из небытия, возник шкипер. Ни его, ни матросов во время заварухи видно не было. Барка свободно дрейфовала по течению.

Тут же появился и Жабомордый. С его помощью я провел штурмана через девять кругов ада. Мой гнев несколько умерил его жалобы на то, что мы дали уйти большинству пиратов.

– Вам придется драться с ними снова. И теперь они знают, чего ожидать.

– Да, первая атака была лишь пробной. Что за дьявольщина там?

Река так и кипела – как будто под водой шло сражение. Что-то заколотило в обшивку барки.

– Иглозубы! – (Штурмана передернуло, и даже Жабомордому сделалось не по себе.) – Такие рыбы, с руку длиной. Собираются на кровь. Когда их много, бесятся и нападают на все, что подвернется. Бегемота могут сожрать в минуту – с костями и дерьмом.

– Правда, что ли?

Река бурлила все сильнее. Мертвые пираты, а также раненые, не сумевшие забраться в лодки, исчезли. Пробитые и подожженные суденышки тоже пошли в рыбьи глотки, заодно с прочим плавучим мусором. По крайней мере, иглозубы предприняли героическую попытку сожрать и их.

Убедившись, что команда склонна и в следующий раз бросить нас ради спасения собственной шкуры, я потолковал с нашими ручными колдунами.

Второе нападение произошло ночью. На этот раз за нас взялись всерьез.

Обозленные первой трепкой, пираты решили не брать пленных.

Конечно, мы были предупреждены. Одноглазый с Гоблином не забывали своих обязанностей.

Здесь русло реки снова сужалось, и пираты перегородили его бревном. Как только Гоблин заметил его, я приказал отдать якоря. Мы остановились в двух сотнях ярдов от ловушки и принялись выжидать.

– Гоблин! Одноглазый! Ваши люди на местах?

Мы приготовили для пиратов кое-какие сюрпризы.

– Не беспокойся, мамаша, все на мази.

– Клетус, дельфин готов?

Мы еще не пускали его в ход.

– Так точно, сударь!

– Масло! Не слышу треклятой помпы. Что там происходит?

– Я приглядываю за командой, Костоправ.

И это правильно. Значит, снова хотели удрать? Надеются откупиться от пиратов тем, что не сопротивляются?

– Мурген! Вытащи-ка их главного из норы! – Я знал, где он прячется. – Пусть будет здесь. Одноглазый! Давай своего беса!

– Как только из разведки вернется.

Жабомордый прибыл первым и, до того как Мурген приволок за шиворот хнычущего шкипера, успел сообщить, что против нас собрались все взрослые мужчины с болота. Едва засвистели первые стрелы пиратов, я сказал Мургену:

– Объясни: если через две минуты матросы не примутся за дело, по одному будут отправляться за борт. А первым вышвырну шкипера.

Именно так я и собирался поступить.

Это подействовало. Помпы заквакали и залязгали как раз в тот момент, когда мы с Мургеном начали прикидывать, насколько далеко сможем закинуть шкипера.

Стрелы сыпались все гуще, но не причиняли вреда. Просто пираты не давали нам поднять голову.

Затем в темноте раздался чудовищный взрыв брани и завываний – это Гоблин испробовал на противнике свой излюбленный еще со времен Белой Розы фокус. Чары, заставляющие всякое насекомое немилосердно жалить ближайшего человека.

Но шум быстро стих. Значит, проба удалась и интересующий нас ответ получен. У пиратов имеется колдун, способный противостоять немудреным заклинаниям.

Одноглазый с Гоблином должны разыскать этого умельца и прибить его шкуру к кипарису.

Обстрел прекратился. И сразу – вот помяни черта, и он тут как тут – появился Одноглазый.

– Беда, Костоправ! Этот тип – из тяжеловесов. Даже не знаю, что нам делать.

– Делайте что можете. Отвлеките, что ли. Видишь, обстрел прекратился.

Над болотом, чтобы заглушить плеск весел, поднялся дикий гвалт.

– Ага.

Одноглазый помчался на свое место. Взмыл багровый огонек. Я нахлобучил заготовленную Гоблином крокодилью голову. Настало время поднимать занавес.

Эффектно подать себя – половина победы.

Огонек разросся, и река залилась тусклым багровым светом.

К нам пробиралось около сорока лодок. Пираты расширили навесы из крокодильих кож в надежде отразить зажигательные бомбы.

Я весь искрился и дышал пламенем. И будьте уверены, вид у меня был чертовски впечатляющий.

Ближайшие лодки были уже футах в десяти. Увидев лестницы, я ухмыльнулся. Моя догадка оказалась верной.

Я воздел руки к небу и резко опустил.

Бомба, описав дугу, разбилась о навес лодки.

– Прекратите качать, болваны! – заорал я.

Бомба не сработала.

Я повторил свой жест.

Со второго раза подействовало. Во все стороны полыхнуло огнем. За несколько секунд видимую поверхность реки, за исключением небольшого пространства вокруг барки, охватило пламя.

Ловушка оказалась едва ли не слишком хороша. Огонь мигом уничтожил почти весь воздух вокруг, а оставшийся невыносимо раскалил. Но благодаря отсутствию энтузиазма у людей на помпах, качавших нефть, пламя вскоре погасло.

В огне погибло около половины нападавших, уцелевшие же утратили боевой раж. Окончательно они скисли, когда дельфин и баллисты начали разбивать лодки.

Пираты отправились восвояси. Но двигались их суда медленно, по-улиточьи. Баллисты и дротикометы порядком поклевали их.

Над болотами раскатился дикий вой. Пиратам понадобилось немало времени, чтобы излить злобу.

Стук, лязг и плеск весел объявили о приближении второй волны.

К этому мы тоже были готовы. Самой опасной должна быть третья, если только на второй их возможности не исчерпаются. Она-то, с обнаруженной Одноглазым неизвестной величиной, меня и тревожила.

Болотные суденышки были в сотне футов от барки, и тут Гоблин подал мне сигнал.

Он собрал иглозубов. Тысячи.

Передовые лодки подошли достаточно близко, и я приступил к работе.

Дельфин обрушился, расколов днище большой деревянной лодки. Все наши орудия ударили залпом. Полетели бомбы и дротики.

Задача состояла в том, чтобы несколько раненых пиратов отправить в воду, к иглозубам. Так оно и вышло.

И река взбесилась.

Половина пиратских лодок была сделана из шкур, натянутых на деревянные рамы. Эти не продержались и минуты. Деревянные протянули дольше, но лишь самые тяжелые выстояли под градом ударов. И даже они были брошены на милость паники, овладевшей экипажами.

Самые сообразительные и шустрые пираты атаковали барку. Если им удастся проникнуть на борт… Но я только и ждал, чтобы они додумались до этого.

Враги запаслись лестницами из длинных досок с набитыми поперек брусками. Если приколотить такую гвоздями к мантелету, то она защитит ноги и руки нападающих от копий наров. Однако я велел нарам выставить через щели между бревнами стальные прутья и деревянные колышки. Приставить лестницы будет нелегко.

Клетус с братьями разбили дельфином с десяток лодок, прежде чем пираты сообразили, что эти колышки сами по себе отменная опора для рук и ног.

Нары получили приказ не трогать пиратов, пока те карабкаются. Это помешает целиться их братьям, отцам и прочей родне.

Бой на время затих, река успокоилась. Лишь обломки плыли по течению, собираясь у перегородившего реку бревна. Мои ребята присели отдохнуть. Одноглазый убрал с неба багровые огни, а после вместе с Гоблином, Жабомордым, командирами взводов, Могабой и – о чудо! – шкипером явился ко мне, дабы обмозговать положение. Шкипер предложил сняться с якоря и двинуться вперед.

– Сколько мы простояли? – спросил я.

– Два часа, – ответил Гоблин.

– Значит, можно малость отдохнуть.

Караван держался в восьми часах пути от нас. По идее, он должен был подойти и застать пиратов на последнем издыхании, чтобы без труда расправиться с ними, если никого из нас не останется в живых.

– Одноглазый! Что с их волшебником?

Ответ звучал не слишком весело:

– Можем крепко влипнуть, Костоправ. Этот тип еще сильнее, чем мы думали поначалу.

– Вы пробовали его прикончить?

– Дважды. По-моему, он и не почесался.

– Отчего же он держится в стороне, а не прихлопнет нас?

– Не знаем.

– Может, нам стоит взять на себя инициативу? Попробуем выманить…

– А почему бы просто не разбить бревно и не продолжить путь? – спросил Мурген. – Мы их столько положили – всем болотам на год оплакивать хватит.

– Не выйдет, вот почему. Просто не дадут. Одноглазый, есть шанс отыскать их чародея?

– Да. Только зачем? Я согласен с малышом. Ломаем бревно. Иначе могут напасть врасплох.

– Значит, врасплох? Ты, деревянная башка, задайся вопросом, для чего здесь это бревно и почему я остановился? Можешь загнать твой багровый огонек этому тяжеловесу в шевелюру?

– Ну, если надо… Дай мне полминуты.

– Если я приказываю – надо.

Все это время я искал нестандартный подход к нашей ситуации и, пожалуй, нашел. И теперь готовил интересный, хотя, возможно, смертельно опасный эксперимент.

– Крутой! Вы с Маслом разворачивайте все баллисты на восток. Убавьте натяжение на сорок процентов, чтобы бомбы не разбивались прямо в этом корыте.

С помощью Жабомордого я велел Могабе собрать лучников на крыше мостика.

– Когда Одноглазый обозначит цель, бейте. Навесом, половина прямого угла, полдистанции настильного выстрела. И снарядов не жалеть, словно хотим сжечь все болото.

Отчаянно закричал пират, сорвавшийся с мантелета. Взбурлившая вода показала нам, что рыбы знают, где им лучше, и далеко не уплывают.

– Все по местам!

Гоблин задержался возле меня:

– Похоже, я понял, что ты хочешь попробовать. Надеюсь, не придется пожалеть.

– А чего надеяться? Если не выйдет, мы все – покойники.

Я отдал приказ. Одноглазый отправил в полет свою метку, она вспыхнула – и понеслось!

На минуту я даже поверил, что мы накрыли мерзавца.

Внезапно на крыше мостика появилась Госпожа. Я снял крокодилью голову.

– Как тебе фейерверк?

Мох и кипарисы вспыхнули разом, словно заранее облитые жидким топливом.

– Зачем это все?

– Что, рядовой? Решила наконец приступить к несению службы?

У нее дернулась левая щека.

Моей целью был не только пиратский колдун.

Между нами скользнула стрела – меньше чем в шести дюймах от наших носов. Госпожа вздрогнула.

Тут пираты, карабкавшиеся по мантелетам, наконец забрались наверх. С полдюжины тех, кого миновали стрелы, прыгнули на крышу – и напоролись на ежи из копий.

– Я оставил пиратам лишь один способ разделаться с нами. – Здесь я дал Госпоже секунду подумать. – У них имеется волшебник громадной убойной силы. Пока что он не высовывался. Ну а я намекнул, что знаю о его присутствии и постараюсь прикончить.

– Костоправ, ты сам не ведаешь, что творишь!

– Неверно. Отлично ведаю.

Одним-единственным эпитетом выразив свое сомнение, Госпожа удалилась.

– Жабомордый!

Бес немедля возник передо мной:

– Начальник, ты лучше надень свою крокошляпу. А то заклинание не убережет от попадания.

При этих словах несколько стрел просвистели мимо.

Я нахлобучил головной убор.

– Ты закончил с теми штуковинами?

– Все в порядке, начальник! Я их переправил в другое место. Через минутку услышишь вопли.

Пожар в кипарисовом лесу замерцал, будто задуваемая свеча. С десяток розовых огоньков Одноглазого поплыли в том направлении – и просто исчезли. Ночь наполнялась гнетущим, жутким ощущением колдовства.

Единственный оставшийся огонек обогнул меня и закружил вокруг насаженной на бушприт крокодильей головы.

Примчалась Госпожа:

– Костоправ! Что ты творишь?

– Я уже сказал: у меня есть план.

– Но…

– Что, пропали все твои игрушки из Башни?

Назовем это интуицией, любовь моя. Выводом, сделанным на основе неадекватной и разрозненной информации. Хотя играть легче, если уже знаком с партнером.

Тьма сгущалась. Исчезли звезды. Однако сама ночь имела глянец, как у куска антрацита. Блики можно было углядеть повсюду, хотя свет ниоткуда не исходил, даже с чудовищной носовой фигуры.

– Ты погубишь всех нас!

– Такая вероятность существует с тех пор, как меня избрали Капитаном. Она существовала, когда мы уходили из Курганья. И когда покидали Башню. И когда уплывали из порта Опала. И когда ты присягала Отряду. Эта вероятность возросла до предела, когда я принял поспешное и явно жульническое предложение купцов Гиэ-Ксле. Так что ты, подруга, не сказала ничего нового.

Что-то вроде черных плоских камней запрыгало по воде, поднимая фонтаны серебристых брызг. Гоблин с Одноглазым позорно бежали.

– Чего ты хочешь, Костоправ?

Ее голос звучал неестественно, в нем угадывался страх.

– Хочу знать, кто командует Черным Отрядом. Хочу знать, кто принимает решения о том, кого брать с собой, а кого нет. Хочу знать, кто разрешает братьям уходить на несколько дней, кто дает им право прятаться целую неделю, манкируя всеми своими обязанностями. А более всего хочу знать, в какие авантюры и интриги теперь замешан Отряд.

Прыгучие камни продолжали приближаться, разбрасывая по сторонам серебро. Все они стремились к барке.

– Кто же будет командовать, Госпожа? Я или ты? В чью игру мы играем? В мою или твою? Если в твою – драгоценности останутся там, откуда ты не сможешь их достать. Все мы отправимся к иглозубам. Очень скоро.

– И ты не блефуешь?

– Когда сидишь за столом с таким же игроком, как ты сам, нет нужды блефовать. Просто ставишь все, что есть, и ждешь, чем он ответит.

Она меня знала. Отлично представляла, что варится в моей голове. И понимала, что я способен пойти ва-банк, когда нет другого выхода.

– А ты переменился, – сказала она. – Стал жестче.

– Чтобы быть Капитаном, надо быть Капитаном. Не летописцем и не ротным лекарем. Хотя в глубине души кое-какая романтика еще дремлет. Должно быть, ты пробудила ее – той ночью на холме.

Один из камней ударил в барку.

– Пока что я у тебя еще есть, – сказал я.

– Идиот! Та ночь ничего не изменила. И тогда я не думала, что это возможно. На том холме была женщина – с мужчиной, о котором заботилась и которого желала. И надеялась, что этот мужчина…

Еще один камень гулко бухнул в борт. Барку тряхнуло.

– Костоправ!!! – завопил Гоблин.

– Мы намерены сделать ход? – спросил я. – Или мне раздеваться, чтобы поплавать наперегонки с иглозубами?

– Ты победил, будь ты проклят!

– И в этот раз твое обещание будет выполнено? Оно – для всех?

– Да, будьте вы прокляты.

И я ухватился за этот шанс:

– Жабомордый! Верни все на место.

Очередной камень добрался до барки. Бревна застонали. Я пошатнулся, а Гоблин снова завопил.

– Госпожа, твои игрушки на месте, – сказал я. – Веди сюда Меняющего Облик с подружкой.

– Так ты знал?

– Я ведь сказал: догадался. Шевелись!

На палубу вышел старик Элдон Ясновидящий – только в истинном своем облике. Он и был тем самым, предположительно мертвым, Взятым по имени Меняющий Облик, в половину дерева ростом и с дом шириной, чудовищем в алом. Буйная жесткая шевелюра не знала стрижки, она, как и бородища, сбилась в грязные колтуны. Он опирался на светящийся посох в форме непомерно вытянутого и тонкого женского тела, вырезанного со всеми подробностями. Этот посох был среди вещей Госпожи. Он-то и послужил последним намеком, когда Жабомордый описал его мне. Теперь Взятый простер посох к берегу.

Среди кипарисов растеклось пятно маслянистого пламени шириной в сотню футов.

Барка покачнулась под ударом очередного камня. Полетели в воду бревна. В трюме панически заржали лошади, им вторил криками ужаса кое-кто из команды. Мои товарищи при свете пламени выглядели мрачновато.

А Меняющий Облик отправлял на болото пятно за пятном, пока заросли не превратились в сплошной погребальный костер, перед которым оба моих костерка выглядели крайне убого. Рев пламени заглушил вопли пиратов.

Я выиграл эту ставку.

А Меняющий продолжал жечь.

В шуме пожара возник оглушительный вопль, затихший через некоторое время вдали.

Гоблин посмотрел мне в глаза. Я ответил ему взглядом.

– Двое за десять дней, – пробормотал я. В последний раз мы слышали такие вопли в битве при Чарах. – И они нам больше не друзья… Госпожа, что я нашел бы, если бы вскрыл те могилы?

– Не знаю, Костоправ. Теперь – не знаю. Я не ожидала снова встретить Ревуна. Это правда.

Ее тон был в точности как у попавшего в беду, напуганного ребенка.

Я верил ей.

На светлом фоне скользнула тень. Ворона, летающая ночью? Что же будет дальше?

Спутница Взятого тоже видела тень. Она вглядывалась, щурясь от напряжения.

Я взял Госпожу за руку. Теперь, когда к ней вернулась ее уязвимость, она мне нравилась гораздо больше.

20. Плетеный Лебедь в плавании

Лебедь хмуро осмотрел судно.

– Не обделаться бы со страху.

– Что такое? – осведомился Корди.

– Ненавижу плавать.

– Отчего же пешком не пойдешь? Мы с Ножом тебе помашем, где бы ты ни встретился нам, бредущий пыхтя по берегу.

– Имей я твое чувство юмора, Корди, повесился бы и избавил мир от многих мук. Ладно, плыть так плыть. – Лебедь направился к выходу из гавани. – Ты видел Бабу с ее выкормышем?

– Копченый недавно здесь ошивался. Наверное, они уже на борту. Пробрались втихаря… Не желают, чтобы кто-нибудь знал, что Радиша покидает город.

– А мы?

– Он сейчас заплачет оттого, что девочки не пришли его удерживать, – ухмыльнулся Нож.

– Он так и будет рыдать, – добавил Корди. – Без этого старик Лебедь даже шагу не ступит.

Судно было не таким уж и плохим. Шестидесяти футов в длину, оно оказалось вполне удобным для своего груза, состоявшего из пяти пассажиров. Но и это обстоятельство вызвало у Лебедя недовольство – Радиша не захватила с собой взвода слуг.

– Я-то рассчитывал, что будет кому обо мне заботиться…

– Ну, ты совсем размяк, – сказал Нож. – Может, еще захочешь кого-нибудь нанять, чтобы дрался за тебя?

– Оно бы неплохо… Мы за других дрались достаточно. Корди, скажи?

– Да, пожалуй.

Гребцы шестами вытолкали судно на стрежень, но здесь, у самого устья, течения почти не было. Затем они подняли льняной парус и развернули посудину носом к северу. Дул крепкий ветер, и суденышко пошло быстрее течения – примерно со скоростью прогулочного шага.

Впрочем, никто особо и не торопился.

– Не понимаю, зачем вообще было отправляться? – проворчал Лебедь. – Все равно не попадем, куда она хочет. Голову на отсечение даю: река до сих пор перекрыта выше Третьего Порога. И дальше Обмолота нам не пробраться. Хотя для меня и это слишком далеко.

– А ты еще пешком хотел, – заметил Корди.

– Он помнит, что его ждет в Гиэ-Ксле, – сказал Нож. – У ростовщиков не бывает чувства юмора.

Две недели занял путь до Каторсе, стоящего чуть ниже Первого Порога. Копченого с Радишей друзья за это время почти не видели. А команда чертовски наскучила им. То была самая угрюмая шайка речников на всем белом свете. Они приходились друг другу отцами, сыновьями, дядьями и братьями, и нельзя было давать им спуску. Радиша не позволяла даже остановок на ночь: одно неосторожное слово, и весь мир будет знать, кто путешествует по реке без всякой охраны.

Это ранило чувства Лебедя с разных сторон.

Первый Порог представлял собой препятствие лишь для тех, кто поднимался по реке. Течение здесь было слишком быстрым для парусов и весел, а отмели – слишком редки и топки для бурлаков. Радише пришлось оставить судно в Каторсе, с тем чтобы команда дожидалась возвращения пассажиров, и восемнадцать миль до Дадиса, города, лежавшего за Порогом, они проделали пешком.

По дороге Лебедь с тоской глядел на спускающиеся по течению барки и ворчал. Нож с Корди лишь посмеивались над ним.

Для плавания ко Второму Порогу Радиша наняла другое судно. Здесь они с Копченым перестали прятаться. Она посчитала, что так далеко от Таглиоса их вряд ли кто-нибудь узнает. Первый Порог все же лежал четырьмястами восемьюдесятью милями севернее.

Через полдня после отплытия из Дадиса Лебедь подошел к Ножу и Корди, стоявшим на носу:

– Ребята, вы не заметили в городе таких смуглых карликов? Вроде они следили за нами.

Корди кивнул, Нож утвердительно буркнул.

– А я боялся, что воображение разыгралось. Ну, может, и хотел, чтоб так оно и было. Вы никого не узнали?

Корди покачал головой.

– Нет, – сказал Нож.

– Да вам и башкой шевельнуть лень!

– Лебедь, ну откуда этим смуглым, кто бы они ни были, знать, за кем следить? О том, куда мы направились, известно только Прабриндра Дра, и даже он не догадывается, за каким чертом нас понесло.

Лебедь хотел что-то ответить, однако решил прежде поразмыслить.

– А Хозяева Теней? – сказал он через минуту. – Они могли как-нибудь прознать…

– Ага. Эти – могли.

– По-вашему, они способны нам помешать?

– А ты бы на их месте как поступил?

– Да… Пойду-ка вздрючу Копченого.

Копченый вполне мог оказаться крапленой картой. Он заявлял, что Хозяева Теней не знают о нем ничего, а если и знают, то не могут верно оценить его возможности.

Удобно расположившись в тени, Копченый с Радишей наблюдали за течением воды. Да, на реку стоит полюбоваться, с этим Лебедь был согласен. Даже здесь она в добрых полмили шириной.

– Копченый! Дружище! Кажется, у нас возникла проблема.

Колдун прекратил мусолить жвачку, которую с утра не выпускал изо рта, и, сузив глаза, посмотрел на Лебедя. Такой стиль общения ему не нравился.

– В Дадисе за нами следили маленькие – вот такие примерно – смуглые людишки, тощие и сморщенные. Я спрашивал Корди с Ножом; они тоже заметили.

Копченый перевел взгляд на женщину. Та посмотрела на Лебедя:

– Вы по пути на юг не нажили себе врагов?

– Ну что ты! – Лебедь рассмеялся. – Нет у меня никаких врагов. Между Белой Розой и Таглиосом такие коротышки не живут. Я вообще подобных никогда не видел. Сдается, не я их интересовал.

Она перевела взгляд на Копченого:

– Ты заметил?

– Нет. Но я и не присматривался. Думал, нужды нет.

– Э-э, Копченый, всегда надо присматриваться, – возразил Лебедь. – Таков наш старый и не очень-то дружелюбный мир. Когда ты в пути, ни на минуту не ослабляй бдительности. Тут, понимаешь ли, плохие парни могут водиться. Хочешь верь, хочешь нет, но не все так же деликатны, как вы, таглиосцы.

Лебедь вернулся на нос:

– Этот дурак-колдун даже ничего не заметил. Мозги жиром заплыли…

Нож вытащил тесак и оселок и принялся за работу.

– Лучше наточить. А то вконец затупиться успеет, прежде чем этот старый хрен проснется и увидит, что на нас напали.

От Второго Порога их отделяли триста миль неровно петляющей меж мрачных холмов реки. Пейзажи не располагали к долгим остановкам. С правого берега над рекой возвышались развалины Чо'нДелора – ни дать ни взять куча старых черепов. Со времен падения болебога вдоль правого берега не плавал никто. И даже звери избегали этих мест.

На холмах по левому берегу лежали руины Союза Трех Городов: Первого Нечета, Второго Нечета и Третьего Нечета. По дороге на юг Корди слыхал, что эти города принесли себя в жертву ради победы над болебогом.

Теперь же люди обитали лишь на узкой полоске земли возле Порога, в городе, состоящем из одной десятимильной улицы, и постоянно страшились призраков погибших в ту войну. Свой причудливый городок жители назвали Идоном, а сами являли собой редчайшую и разнообразнейшую коллекцию чудиков. Путники не задерживались в Идоне дольше совсем уж необходимого срока, впрочем, как и многие уроженцы города.

По пути через город Лебедь, делая вид, что глазеет на местные диковины, заметил шныряющих повсюду смуглых карликов.

– Эй, Копченый! Востроглазый ты наш! Теперь видишь?

– Что?

– Да не видит он ничего, – сказал Нож. – Пожалуй, одного ножика мне не хватит.

– Старина, обрати внимание. Они же всюду, точно тараканы.

На самом деле Лебедь заметил всего восьмерых или девятерых, но и этого было достаточно. Особенно если за ними стоят Хозяева Теней.

А за карликами явно кто-то стоял. Это сделалось совершенно очевидным вскоре после того, как Радиша нашла судно для плавания к Обмолоту и Третьему Порогу.

Стоило миновать излучину, где река текла через земли, не затронутые войной между Союзом Трех Городов и Чо'нДелором, как откуда ни возьмись появились две быстроходные лодки, полные смуглых карликов. Те работали веслами, словно на гонках, главным призом которых было бессмертие.

Команда, нанятая Радишей, секунд за двадцать сообразила, что встревать в драку не стоит, и попрыгала за борт, направившись затем к ближайшей отмели.

– Ну, теперь-то видишь, Копченый? – спросил Лебедь, готовясь принять бой. – Надеюсь, ты хоть вполовину такой хороший колдун, каким себя мнишь.

Каждая лодка несла по крайней мере два десятка смуглых.

Челюсти Копченого заработали быстрее. Он чавкал своей жвачкой и ничего не предпринимал, пока лодки не поравнялись с судном. Тогда колдун протянул руки к одной из них, смежил веки и шевельнул пальцами.

Гвозди и клинья, скреплявшие лодку, так и брызнули во все стороны. Смуглые завопили. Очевидно, большинство из них никогда не учились плавать.

Копченый перевел дух и повернулся к другой лодке. Та уже поворачивала к берегу.

Копченый развалил на части и ее, одарил Лебедя мрачным взглядом и вернулся на свое сиденье в тени паруса. После этого случая он сладко улыбался всякий раз, когда слышал ворчание Лебедя по поводу тяжелой матросской работы.

«Ладно, – успокаивал себя Лебедь, – теперь мы хоть знаем, что он настоящий колдун».

Положение дел в Обмолоте оказалось именно таким, как предсказывал Лебедь. Дальше к северу река была перекрыта. Пиратами.

И Радиша не нашла желающих рискнуть и отправиться в долгое плавание до Гиэ-Ксле, где она намеревалась ждать. Ее посулы никого не привлекли. Даже спутников, которых она пыталась подбить на угон лодки.

Радиша пришла в бешенство. Можно было подумать, что своды мира обрушатся, если она не попадет в Гиэ-Ксле.

Она туда не попала, и мир устоял.

На несколько месяцев путешественники застряли в Обмолоте, прячась от смуглых карликов и внимая слухам о том, что купцы из Гиэ-Ксле вконец отчаялись и вознамерились что-то предпринять против речных пиратов. Обмолот превратился в угрюмое змеиное гнездо. Без торговли с северными землями городу грозило увядание. Но любые надежды на прорыв блокады северянами выглядели абсурдно. Все, кто пробовал, погибали.

Однажды утром Копченый вышел к завтраку задумчивым.

– Я видел сон, – объявил он.

– Рррасчудесно! – зарычал Лебедь. – Все эти месяцы я только и молился о том, чтобы тебе приснился очередной кошмар! Что же нам делать на сей раз? Идти воевать в Тенеземье?

Копченый игнорировал его. Ему приходилось делать так постоянно, и разговор велся через Радишу – единственный способ в общении с Лебедем не дойти до рукоприкладства. Он сказал Бабе:

– Они вышли из Гиэ-Ксле. Целый караван.

– Пробиться смогут?

Копченый пожал плечами:

– Эта сила столь же могуча и жестока, как у Хозяев Теней на болотах. Может, даже покруче будет. Я не смог оценить этого во сне.

– Надеюсь, смуглые дурни ничего такого особого не курят, в отличие от тебя. А то, если поймут, с кем мы хотим договориться, могут удвоить рвение.

– Лебедь, они не знают, зачем мы здесь, – сказал Нож. – Я пошарил по округе и убедился в этом. Им нужны только ты да мы с Корди. Они бы прикончили нас в Таглиосе, если бы нашли там.

– А не один ли хрен… Скоро этот караван придет сюда?

– Скоро ли, Копченый? – спросила Радиша.

Тот ответил со всей твердокаменной уверенностью, присущей колдуньей породе. Он неопределенно пожал плечами.

Передовое судно было замечено кем-то из рыбаков. Новость достигла Обмолота за несколько часов до прихода барки. Лебедь со товарищи и с половиной жителей города отправился на пирс встречать прибывших. Толпа вопила, приветствуя победителей, пока те не начали сходить на берег. Тотчас воцарилась гробовая тишина.

Радиша – судя по всему, болезненно – вцепилась в плечо Копченого:

– Это и есть твои хваленые избавители?! Старик, ты переполнил чашу моего терпения!

21. Обмолот

Сломав бревно, мы направились к торговому городу под названием Обмолот, лежащему чуть выше Третьего Порога. Река спокойно несла свои воды на юг. Казалось, в мире, кроме как на нашей барке, нет никого живого. Но обломки, плывущие рядом с нами, красноречиво напоминали о том, что мы не одни на белом свете и принадлежим к виду суровому и кровожадному. Не самая подходящая компания что для человека, что для зверя.

Я стоял под изрядно пострадавшей крокодильей головой, насаженной Гоблином на бушприт. Подошел Одноглазый:

– Скоро прибудем, Костоправ.

Я порылся в торбочке с остроумными отповедями и ответил ему скептическим хмыком.

– Мы с постреленком составили впечатление о городке, что впереди.

Я снова хмыкнул. Чем тут хвастаться? Это его работа.

– Нехорошие ощущения…

Тут на глаза попалось еще одно рыбачье суденышко, поспешно поднявшее якорь и умчавшееся к югу с новостью о нашем приближении.

– Не то чтобы настоящая опасность, нельзя сказать, что все плохо… Просто как-то не так… Будто там происходит что-то такое…

Слишком уж неуверенно звучали у него окончания фраз.

– Если полагаешь, что это касается нас, пошли своего беса разузнать. Он ведь для этого и куплен.

Одноглазый ехидно улыбнулся.

Ленивое течение на плавном повороте реки поднесло нас под правый берег. Две вороны чопорно наблюдали с одинокого сухого дерева. Скрюченное, уродливое, оно навевало мысли о петлях и висельниках.

– Да неужели я бы об этом не подумал, Костоправ? Он уже в городе, оценивает обстановку.

То есть поучи, Костоправ, свою бабушку яичницу жарить…

Бес вернулся из города с настораживающей вестью. Там, в Обмолоте, нас ждут какие-то люди. Именно нас, Черный Отряд.

Что за дьявольщина? Похоже, всем и каждому известно, что мы идем на юг.

Когда барка приблизилась к городу, на берегу было полно народу, хотя никто не верил, что мы взаправду пришли из Гиэ-Ксле. Наверное, полагали, что мы волшебным образом возникли посреди реки за ближайшим поворотом. По моей команде солдаты собрались у борта, они прятались за мантелетами от чужих глаз, пока не подтянулся весь караван.

Его по дороге никто не тронул. Матросы и охранники восторженно рассказывали о том, какое опустошение мы произвели на болотах. Город охватило всеобщее ликование: блокада едва не задушила его.

Я наблюдал за добрыми обывателями из-за мантелета. Тут и там в толпе мелькали неприметные смуглые коротышки, явно куда менее остальных очарованные нашим прибытием.

– Ты этих имел в виду? – спросил я Одноглазого.

Он пригляделся к ним и покачал головой:

– Нет, наши должны быть не такими. А, вон один. Диковинного вида.

Я понял, что он хотел сказать. Среди карликов был человек с длинными светлыми волосами. Какого черта ему здесь нужно?

– Приглядывай за ними.

Собрав отряд из Могабы, Гоблина и еще двоих такой наружности, словно завтракают исключительно малыми детьми, я отправился на совещание с прочими главами каравана. Эти люди меня приятно удивили. Они не только беспрекословно выплатили наш гонорар, но и добавили премию за каждую добравшуюся до места назначения барку. Затем я собрал своих, занимавших ключевые посты, и сказал:

– Давайте-ка выгружаться – и в путь. От этих мест меня в дрожь бросает.

Гоблин с Одноглазым заныли. Они-то желали задержаться здесь и попраздновать.

Местные поняли, в чем дело, когда стальная карета, запряженная громадными вороными, съехала по трапу и над ведущей в город дорогой взвилось отрядное знамя. Вся радость и веселье мигом улетучились. Я этого ожидал.

С каменными лицами взирали собравшиеся на незабвенный стяг.

Обмолот был нашим противником, когда Черный Отряд служил в Гоэсе. И его войску здорово досталось от нашего братства. Так здорово, что горожане вспомнили Отряд через столько лет, хотя и Гоэса-то уже не существовало.

По дороге к южному выезду из города мы остановились у рынка.

Могаба послал пару своих помощников за различными припасами. Тут Гоблин расквакался, захлебываясь негодованием, – Одноглазый настропалил бесенка держаться за его спиной, передразнивая каждое слово и жест. До сего момента бес тащился за Гоблином, изображая глубокую задумчивость. Масло с Крутым и Свечкой устраивали сложное пари, в котором большие деньги выиграет тот, кто точнее угадает время решительного Гоблинова контрудара. Трудность заключалась в решении, что же считать решительным.

Одноглазый обозревал происходящее с кротко-лукавой улыбкой на устах. Он был весьма доволен собой. Не сомневался, что наконец-то утвердил свое первенство. Нары стояли вокруг, по-военному угрюмые, однако слегка озадаченные тем, что прочие выказывали куда меньше дисциплинированности – то есть держались как обычно. Ранее, на реке, у них не было случая разочароваться в нас.

Одноглазый подкатился ко мне:

– Эти люди опять на нас пялятся. Я всех выявил: четверо мужчин и женщина.

– Окружить и взять. Узнаем, что у них на уме. Где Хрипатый?

Одноглазый показал на него и исчез. Приблизившись к Хрипатому, я заметил пропажу дюжины солдат. Одноглазый решил действовать наверняка.

Я приказал Хрипатому объяснить Могабе, что нам не полгода воевать, к чему столько запасов? Достаточно разок-другой подкрепиться, пока не минуем Порог. Могаба спорил. Он героически боролся с диалектом Драгоценных городов, и уже наметились успехи. Умом и сообразительностью он не был обделен. Мне нравился этот парень. Мыслил он достаточно гибко, чтобы понимать: за двести лет легко могли возникнуть две различные версии Отряда. И старался отнестись к нашей без предубеждений.

Как и я сам.

– Эй, Костоправ! Иди сюда!

Явился Одноглазый, ухмыляясь, словно опоссум, волокущий домой добычу. Добычей оказались старик, трое мужчин помоложе и женщина, причем двое мужчин были белыми. Молодые весьма обескуражены, женщина – здорово разозлена. Только старик будто спал на ходу.

Я разглядывал белых, снова задаваясь вопросом: какого дьявола им здесь понадобилось?

– Есть им что сказать в свою защиту?

Подошедший Могаба задумчиво осмотрел черного.

Тут выяснилось, что женщине, безусловно, есть что сказать. Белый с волосами потемнее слегка поник духом, но прочие лишь ухмылялись.

– Попробуем на разных языках, – решил я. – Наши знают почти все северные наречия.

Откуда ни возьмись выскочил Жабомордый:

– Попробуй на розеанском, начальник! Нутром чую!

Затем он что-то протарахтел, обращаясь к старику. Тот подскочил едва ли не на фут. Жабомордый радостно захрюкал. Старик взирал на него, словно на привидение.

Прежде чем я успел спросить беса, чем он так удивил старца, блондин заговорил по-розеански:

– Ты командир этого отряда?

Я понял его, однако мой розеанский, много лет пролежавший без дела, здорово заржавел.

– Да. Какие еще знаешь языки?

Он попробовал пару. Форсбергский оказался не ахти, но лучше моего розеанского.

– Что за дьявольщину вы проделали, парни? – Было видно, что он сразу пожалел о сказанном.

Я взглянул на Одноглазого. Тот пожал плечами.

– О чем ты? – спросил я.

– Э-э… о вашем сплаве по реке. Вы совершили невероятное. Уже года два никто не мог пробраться. Я да Корди с Ножом – мы были из последних.

– Нам просто повезло.

Блондин нахмурился. Он слышал, что рассказывали наши матросы.

22. Таглиос

Добравшись до реки, мы поплыли ко Второму Порогу. Обгонявшие нас суда уносили весть о нашем возвращении. По пути мы посетили город-призрак, полоску нелепых строений, оставшихся от былого Идона. Живых душ на глаза попалось едва ли с дюжину. Еще одно место, где Черный Отряд помнили до сих пор. Что не прибавляло мне душевного покоя.

Чем же насолило им наше братство? Анналы немало рассказывали о Пастельных войнах, но не упоминали ничего, что могло бы ужасать потомков людей, эти войны переживших.

За Идоном, пока искали шкипера, который бы осмелился отвезти нас на юг, я велел Мургену поднять знамя над лагерем. Могаба, взявшись за дело со своей обычной серьезностью, окружил наш бивуак рвом. А я тем временем взял лодку, переправился через реку и поднялся на холм, к развалинам Чо'нДелора. В полном, если не считать ворон, одиночестве целый день скитался по этому весьма популярному памятнику усопшему божеству и все думал: какие же люди служили в Отряде в те далекие времена?

Подозрения, что они мало отличались от меня, внушали тревогу. Захваченные ритмом военной жизни настолько, что сойти с пути невозможно…

Летописец, описавший эпические подвиги той эпохи, когда Отряд служил болебогу, порой слишком увлекался сиюминутными подробностями, но почти ничего не сказал о людях, с которыми нес службу бок о бок. Большинство солдат упоминались только в списках выбывших.

Впрочем, и меня упрекали в подобном. Мне часто говорили, что я снисхожу до упоминания отдельных имен исключительно в перечнях погибших. И в этом, пожалуй, есть правда. Может быть, причина проста: больно писать о тех, кого пережил. Даже об ушедших живыми и то больно. Отряд – моя семья. Нынешние солдаты мне почти как дети. Мои Анналы – памятник им, а для меня это возможность выговориться. Но, даже сам будучи ребенком, я мастерски глушил и скрывал свои чувства…

Впрочем, я говорил о развалинах Чо'нДелора, о следах былой битвы.

Пастельные войны вряд ли были менее жестоки, чем те, в которых мы поучаствовали на севере, однако они затронули меньшую территорию. Оставленные ими шрамы все еще выглядят устрашающе. Такие зарубцовываются тысячелетиями.

Дважды во время прогулки мне казалось, что краем глаза я вижу ходячий пень, который наблюдал со стены Храма отдохновения странствующих. Пробовал приблизиться и разглядеть, но он всякий раз исчезал.

Да и было то всего лишь мельканием на самом краю поля зрения. Может, просто показалось.

Тщательно осмотреть развалины мне не удалось. Я склонен был задержаться, но встретившийся пожилой крестьянин отсоветовал: не стоит-де ночевать среди этих развалин. Он сказал, что по ночам Чо'нДелор полон злобных созданий, и я, вняв предостережению, вернулся на берег. Там меня встретил Могаба, желавший знать, что мне удалось найти. Он не меньше моего интересовался историей Отряда.

С каждым часом я все пуще уважал черного здоровяка. Этим же вечером я официально утвердил его в должности командира пехотного подразделения Отряда, которую он уже занимал фактически. А заодно утвердился в решении обучить Мургена премудростям летописца.

Может, то было просто интуицией, но именно тогда я понял, что внутренний распорядок в Отряде приведен к надлежащему уровню.

До сего момента местные жители боялись нас, пестуя в себе старую неприязнь. Возможно, в низовьях реки найдется кто-нибудь не столь пугливый, но куда менее доброжелательный.

Мы подошли к границе тех земель, которые описывались в первых, утраченных томах Анналов. Самый ранний из оставшихся в наличии продолжал повествование о странствиях Отряда в городах на севере от Трого Таглиоса – этих городов уже не существовало. Как же мне хотелось вытянуть из местных подробности! Но жители не проявляли желания откровенничать с нами.

Пока я бродил по Чо'нДелору, Одноглазый нашел южного шкипера, согласившегося доставить нас прямиком в Трого Таглиос. Цену тот заломил несусветную, но Плетеный Лебедь заверил, что дешевле мы не найдем. Прошлое Отряда неотвязно преследовало нас.

И Лебедь со товарищи ни словом об этом прошлом не обмолвились.

Что это за компания, для нас оставалось тайной. Женщина запретила своим общаться с нами, к вящему неудовольствию Корди Мэзера, жаждущего послушать, что нового в империи. Я узнал, что старика зовут Копченым, но имя женщины не упоминалось ни разу. Оно бы не ускользнуло от слуха Жабомордого.

Осторожные люди, однако.

В то же время они старательно следили за нами – казалось, даже замечают, сколько раз за день я подходил к борту и увеличивал количество жидкости в реке.

И не только это мне досаждало. Еще вороны, которые были повсюду. И то, что Госпожа в эти дни почти ни с кем не разговаривала. Она выполняла служебные обязанности наравне с прочими, но при этом очень редко попадалась на глаза.

Меняющий Облик с подружкой вообще не показывались. Исчезли, когда мы выгружались в Обмолоте, но я пребывал в тревожной уверенности, что они где-то рядом.

Если добавить ко всему этому всеобщую осведомленность о нашем походе, станет ясно, почему меня не покидало ощущение, что за нами непрестанно следят. Как тут не стать параноиком…

Миновав стремнины Первого Порога, мы отправились дальше – к рассвету истории Отряда.

На моих картах город назывался Троко Таллио. Местные выговаривали: Трого Таглиос. А чаще, для краткости, Таглиос. По словам Лебедя, Трого представлял собой более старый город, поглощенный «младшим братцем», более энергичным Таглиосом.

То был самый большой из всех виденных мной городов. Не будучи опоясан стеной, он неуклюже раскинулся по местности, быстро разрастаясь вширь. Вот северные города растут ввысь – никто не желает строиться вне крепостной стены.

Таглиос расположился на юго-восточном берегу, на некотором расстоянии от реки, оккупировав змеящуюся меж полудюжины холмов протоку. Мы высадились в городке-спутнике под названием Махеранга, выросшем при порту на великой реке. Пожалуй, вскоре эта Махеранга разделит судьбу Трого.

Последний сохранил какую-никакую индивидуальность лишь потому, что являлся резиденцией правителей княжества, административным и религиозным центром.

Таглиосцы на первый взгляд казались точно такими, как описывали их в обрывочных дорожных беседах Лебедь с Мэзером: дружелюбными, мирными и крайне набожными. Однако за всем этим чувствовался страх. О чем Лебедь не упомянул ни словом.

И боялись жители вовсе не Отряда. Нас встретили уважительно и вежливо.

Лебедь со своими исчез, едва мы пришвартовались к пристани. Даже не пришлось напоминать Одноглазому, чтобы присматривал за ними.

Мои карты показывали, что от Таглиоса до моря всего сорок миль, но то – по прямой к западу, через реку. А вниз по реке, со всеми излучинами и лабиринтом дельты, до соленых вод выходило все двести. На карте дельта была похожа на многопалую паучью лапу, вцепившуюся в брюхо моря.

Пожалуй, вам нелишне узнать о Таглиосе побольше, потому что Отряд, вопреки собственным ожиданиям, не говоря уже об ожиданиях горожан, задержался в нем на весьма приличный срок.

Я пошел в Таглиос, как только убедился в нашей безопасности. Отряд остался в Махеранге, а мне предстояло провести кое-какие исследования. Как-никак мы дошли до самого края карты, имеющейся в моем распоряжении.

Первым делом я обнаружил, что в процессе знакомства с Таглиосом придется прибегнуть к помощи Лебедя с Мэзером. Без них можно полагаться лишь на Одноглазова чертеныша, а это мне вовсе не улыбалось. По причине, которую я не взялся бы объяснить, бес не вызывал у меня доверия. Возможно, из-за его чувства юмора, столь близкого к чувству юмора его владельца. Ведь Одноглазому можно верить только в безвыходной ситуации, когда на кон поставлена сама жизнь.

Я надеялся, что мы забрались достаточно далеко на юг и теперь можно будет проложить остаток маршрута до Хатовара перед возобновлением путешествия.

После того спора на реке Госпожа справно несла службу, но в свободное время по-прежнему почти ни с кем не общалась. Возвращение и враждебность Ревуна сильно потрясли ее. Когда-то он был ей верным другом.

Она все еще будто пребывала в чистилище, между прежней Госпожой и будущей, и веления сердца слишком сильно расходились с доводами разума. Сама она не могла выбраться из этого состояния, а я, как ни болел за нее душой, не мог просто взять ее за руку и вывести.

Пожалуй, она заслужила отдых. Я отправил Жабомордого на поиски местного аналога садов Опала, и таковой, к немалому моему изумлению, нашелся. Тогда я спросил Госпожу, не хотелось бы ей провести вечер в светском обществе.

После стольких месяцев походной жизни она проявила небывалую сговорчивость – если не сказать воодушевление. Нет, не прыгала от радости, но сказала: «Ну, раз все равно больше нечего делать…»

Светская жизнь ее никогда не привлекала. А мой трюк на реке и последующее возвращение к командирским обязанностям, естественно, не могли вызвать нежных чувств.

Высадку мы провели с обычной помпезностью, но без шума и грома, что устроили в Опале. Я не желал давать местным властителям повод для неприязни. Словом, Одноглазый с Гоблином вели себя тихо. Единственным признаком колдовства был Жабомордый. Никаких угроз, никакой опасности. А Жабомордый – просто наш толмач-универсал.

Перед высадкой Одноглазый изготовил для своего дружка костюм – столь же пышный, сколь и его собственный. Вдобавок смахивающий, пусть и слегка, на одеяние Гоблина. Бес был живым свидетельством того, что Гоблин мог бы выглядеть шикарно, не будь он по жизни лентяем, растрепой и неряхой.

Местная элита на людей смотрела и себя показывала в роще давно не плодоносивших олив. Роща эта венчала холм близ старого Трого; там на вершине бил горячий источник, снабжая водой бесчисленные общественные бани. Нам, бесправным чужакам, пришлось потратить уйму денег – в основном на взятки, – чтобы попасть туда. Но даже после этого мы были вынуждены два дня ждать свободных мест!

Мы выехали в карете, с Одноглазым и Гоблином на запятках, двумя взводами наров впереди и позади и с Мургеном в качестве кучера. Доставив нас на место, он отогнал карету назад. Остальные присоединились к нам в оливковой роще. Я облачился в костюм имперского посланника, а Госпожа была одета, что называется, сногсшибательно. Всегда в черном… Цвет, не спорю, был ей к лицу, но порой хотелось, чтобы она испробовала какой-нибудь другой.

– Наше появление, – заметила она, – вызвало куда больше интереса, чем тебе кажется.

На улицах наше появление не привлекало особого внимания. Однако она не преувеличила. Хотя роща и была популярным местом времяпровождения, в таком большом числе светская публика собралась специально ради нас. Пожалуй, пришли все, кто только мог.

– Интересно почему?

– Здесь что-то происходит, Костоправ.

Я и сам не слепой. Сообразил еще в Обмолоте, через пару минут после встречи с Плетеным Лебедем. Но что именно происходит, понять никак не мог. Даже с помощью Жабомордого. Если что-то и замышлялось против нас, бес при этом не присутствовал.

Все мы, кроме наров, привыкших у себя в Гиэ-Ксле к церемониям, под взглядами стольких глаз чувствовали себя неуютно.

– Да, – признал я, – пожалуй, это не самая гениальная из моих идей.

– Напротив. Происходящее подтверждает, что нами интересуются гораздо больше, нежели простыми путешественниками. Хотят нас как-то использовать.

Госпожа явно была обеспокоена.

– Добро пожаловать в жизнь Черного Отряда, сердце мое, – сказал я. – Теперь ты понимаешь мой цинизм относительно власть имущих. Понимаешь и то, что мне приходилось испытывать много-много раз.

– Кое-что понимаю. И чувствую себя униженной. Словно я – не человек, а предмет, который может пригодиться…

– Повторюсь: добро пожаловать в жизнь Черного Отряда.

И это была лишь одна из ее проблем. Мои мысли вернулись к Ревуну, к этому бродяге, столь неожиданно воскресшему из мертвых. Никакие доводы не убедили бы меня в том, что его появление на реке и враждебные действия были случайны. Он ждал нас с намерением навредить.

А тут еще этот загадочный интерес к нам – с самого Опала… Я огляделся в поисках ворон.

Птицы неподвижно сидели на ветвях олив. Следят. Постоянно следят…

И Меняющий Облик, еще один оживший покойник, ждавший Госпожу в Гиэ-Ксле… Все это неспроста. Здесь явно действуют чьи-то таинственные планы. И убедить меня в обратном… Для этого очень многое должно произойти.

Все-таки я решил не давить на Госпожу. До поры. Служит она добросовестно. Вероятно, выжидает…

Чего?

Давным-давно мне стало ясно, что о даме такого сорта узнаешь гораздо больше, слушая, наблюдая и сопоставляя, чем задавая вопросы – ведь непременно постарается солгать и запутать, даже там, где не стоило бы. К тому же я не лучше, чем она, представлял, что могло привлечь к нам подобный интерес. Разве что ее собственная персона?

Прислуга проводила нас в отдельный будуар с горячим минеральным бассейном. Нары выставили оцепление. Гоблин с Одноглазым подыскали неприметные наблюдательные посты. Жабомордый остался поблизости, чтобы в случае надобности переводить.

Мы сели.

– Как продвигаются твои исследования? – спросила Госпожа, поигрывая багровой виноградной кистью.

– Странно. Иначе не скажешь. Похоже, мы на самом краю Земли. Того гляди свалимся.

– Что? А, снова твое пресловутое чувство юмора…

– Таглиос битком набит картографами. И работают они замечательно. Однако я не нашел ни одной карты, которая бы помогла добраться, куда нам нужно.

– Может, ты просто не смог объяснить, чего хочешь?

– Нет. Они все понимали. Но стоило заикнуться о нашем деле, становились глухи. Новые карты описывают лишь земли до южных границ таглиосской территории. Если удается отыскать старую, она оказывается выцветшей миль на восемьсот к югу. Одно и то же – даже с самыми распрекрасными картами, на которых показано каждое дерево!

– Они что-то скрывают?

– Кто – они? Весь город? Не похоже. Однако другое объяснение на ум нейдет.

– Но правильные ли вопросы ты задавал?

– Небывалого красноречия! Змеиного лукавства! Но едва доходило до дела, возникали проблемы с переводом.

– И что собираешься предпринять?

Сгустились сумерки. Фонарщики принялись за работу. Я некоторое время наблюдал за ними.

– Может, Жабомордый нам как-нибудь пособит. Не знаю. Мы зашли так далеко, что от Анналов пользы нет. Но, судя по всему, нам нужно именно туда, в это белое пятно. У тебя есть какие-нибудь мысли?

– У меня?

– Именно. Вокруг Отряда творится что-то непонятное. Не думаю, что это из-за моего важного вида.

– Чепуха.

– Нет, не чепуха. Я не давил на тебя, Госпожа. Без нужды не завел бы и этот разговор. Но было бы просто чудесно, если бы я знал, почему давно умерший Взятый выслеживал нас, а другой – твой бывший закадычный дружок, кстати, – пытался погубить нас на болотах. Интересно, он знал, что ты путешествуешь на барке? Или дрался исключительно против Меняющего Облик? Или просто не желал никого пускать в низовья реки? Интересно также, не набредем ли мы на него снова? Или еще на какого-нибудь ожившего мертвеца?

Я старался говорить тоном мягким и спокойным, но злость так и рвалась наружу.

Тут нам принесли первую перемену – вымоченные в бренди и замороженные ломтики дыни. Пока мы бранились, кто-то весьма любезный доставил пищу и нашим охранникам. Не столь изысканную, но вкусную и сытную.

Госпожа над чем-то размышляла, катая во рту кусочек дыни. Внезапно встрепенулась и закричала:

– Не есть! Никому не есть!

Кричала она на диалекте Драгоценных городов, который к тому времени научились понимать даже самые тупые из наров.

В роще мгновенно повисла мертвая тишина. Нары побросали свои тарелки.

Я поднялся:

– В чем дело?

– В пищу что-то подмешано.

– Яд?

– Скорее, наркотик. Нужно проверить.

Я подошел к ближайшему латнику и взял его тарелку. Под обычной для наров маской равнодушия кипел гнев. Воину очень хотелось кого-нибудь пристукнуть.

Такая возможность представилась, когда я повернулся спиной, намереваясь уйти с добычей.

Последовал шорох быстрых шагов, затем глухой удар дерева по живому и мягкому. И крик боли, отнюдь не шуточный. Обернувшись, я увидел моего нара – острие его копья было приставлено к горлу лежащего человека. Один из фонарщиков. Возле его откинутой руки валялся длинный нож.

Я пробежался взглядом вокруг. Со всех сторон на нас смотрели, при этом вежливо улыбаясь.

– Одноглазый! Жабомордый! Ко мне! – (Они явились.) – Мне нужно что-нибудь нешумное. Дабы никому не испортить ужин. Но оно должно склонить этого субчика к откровенности. Можете?

– Знаю я одну штучку… – Одноглазый захихикал, потирая руки в жестоком веселье, а Гоблин надулся. – Идите ужинайте, ни о чем не беспокойтесь. Старина Одноглазый обо всем позаботится. Ваш субчик у меня кенарем запоет.

Колдун щелкнул пальцами, и неведомая сила, ухватив за лодыжки, потянула фонарщика вверх. Тот зашелся в беззвучном крике, разевая рот, словно рыба на крючке.

Я сел напротив Госпожи и кивнул:

– Одноглазый придумал, как обойтись без шума, – не дает фонарщику орать.

С этими словами я положил в рот ломтик дыни.

Одноглазый поднял жертву футов на двадцать от земли.

Госпожа принялась ковыряться в пище, доставленной нарам.

Хоть я и сидел к Одноглазому спиной, настроение, в каком я устраивал этот вечер, сохранить не удалось. Госпожа тоже оставалась встревоженной.

Я, словно бы невзначай, глянул через плечо.

С фонарщика, как сухие листья, опадали клочья одежды. В прорехах виднелись, во множестве ползая по коже, тонкие сияющие черви лаймового и лимонного оттенка. Столкнувшись, два червя разных окрасок вспыхивали, и неудачливый покуситель пытался завопить. Когда он пришел в нужное расположение духа, Одноглазый уронил его так, что от носа до земли осталось меньше фута.

Жабомордый что-то пошептал в ухо висящему, после чего тот вновь был поднят.

И вправду тихо. Какую же дьявольщину сотворил бы Одноглазый, потребуй я зрелищности?

Гоблин взглянул мне в глаза. Я поднял бровь. Он языком глухонемых просигналил:

– *Идут. Похоже, из важных*.

Изобразив на лице полную незаинтересованность, я внимательно смотрел на Госпожу. Та как будто ни на что вокруг не обращала внимания.

К нам подошли двое, изысканно и дорого одетые. Один был туземцем, темным, как ореховая кожура, однако не негроидного типа. Все виденные нами в Таглиосе негроиды были приезжими с верховьев реки. Ну а с этим человеком явился наш приятель Плетеный Лебедь, обладатель желтых, как кукуруза, волос.

Лебедь заговорил с подвернувшимся под руку наром, а его спутник тем временем оценил старания Одноглазого. Я кивнул Гоблину, и тот отправился узнать, нельзя ли вытянуть чего из Лебедя.

Вернулся Гоблин в задумчивости.

– Лебедь сказал: черный хрен, что с ним, здесь главный. Именно этими словами и сказал.

– Пожалуй, слегка перегнул.

Я переглянулся с Госпожой. Она, как в былые времена, приняла облик твердокаменной императрицы, которая выше любых человеческих чувств. Ужасно захотелось встряхнуть ее, обнять – хоть что-то сделать, чтобы высвободить ее страсть, показывающуюся лишь на миг и снова прячущуюся как можно глубже. Она пожала плечами.

– Предложи им составить нам компанию, – сказал я. – И пусть Одноглазый пришлет своего беса. Чтобы проверял, точно ли этот Лебедь переводит.

Прислуга, едва наши гости приблизились, пала ниц. До этого я не встречал в Таглиосе подобного. Если так, князь здесь – это действительно князь.

Лебедь приступил к делу без околичностей:

– Вот этот тип – Прабриндра Дра, он тут всем заправляет.

– И ты на него работаешь.

– Можно и так сказать, – улыбнулся Лебедь. – Мобилизован. Он хочет знать, не ищете ли вы службы.

– Ты знаешь, что не ищем.

– Я ему говорил. Сам хочет убедиться.

– У нас свой путь. – Я постарался, чтобы это прозвучало достаточно театрально.

– Воля богов?

– Что?

– Таглиосцы очень суеверны, вы наверняка уже это заметили. Значит, надо подать так, будто это боги указали вам путь. Мол, вы себе не хозяева. А вы точно не можете на этом пути сделать остановку? Отдохнули бы… Я-то знаю, как устаешь в походах. А этому парню нужно провернуть одно дельце, не слишком чистое. По слухам, вы хорошо справляетесь с подобными заказами.

– Лебедь, что ты знаешь о нас?

Он пожал плечами:

– Легенды.

– Легенды? Гм…

Прабриндра Дра что-то произнес.

– Он хочет знать, зачем этот тип болтается в воздухе.

– Затем, что хотел ударить меня в спину ножом, после того как кто-то попытался отравить мою охрану. Вскоре я его расспрошу.

Лебедь с Прабриндра Дра о чем-то залопотали. Последний, видимо, был раздражен и утомлен. Взглянув на бесенка, он протрещал что-то еще.

– Князь интересуется подробностями вашего плавания по реке.

– Ты об этом достаточно наслышан. И несомненно, уже сказал ему.

– Да ты пойми, он пытается быть вежливым.

Я пожал плечами:

– Чем же несколько путников, не собирающихся здесь задерживаться, привлекли такой интерес князя?

Лебедь занервничал. Похоже, разговор почти коснулся сути дела.

Прабриндра Дра произнес несколько фраз.

– Он говорит, вы рассказывали о том, где побывали, и он хочет узнать о тех краях побольше. Дальние страны, чужие народы – все это его интригует. А еще цель вашего похода, ведь вы так и не сообщили, куда направляетесь.

По тону было похоже, что он старается переводить как можно точнее. Жабомордый чуть заметно кивнул мне.

По дороге от Третьего Порога к Таглиосу мы рассказывали Лебедю и его компании очень мало. Скрытничали с ними так же, как и они с нами. И я решил, что сейчас откровенность может принести выгоду.

– В Хатовар.

Лебедь даже не удосужился перевести.

Прабриндра снова залопотал.

– Он говорит, что вам не следует идти туда.

– Поздно останавливаться, Лебедь.

– Капитан, вы попадете в беду, какую даже не в силах вообразить.

Лебедь перевел князю мой ответ. Тот выдал очередную реплику. Он пришел в сильное возбуждение.

– Начальник говорит: ваша голова – это ваша голова, хотите – топором ее брейте, но ни один человек, если он в своем уме, не произнесет вслух этого названия. Иначе смерть может настичь, прежде чем успеешь выговорить его. – Он пожал плечами и глупо ухмыльнулся. – Впрочем, если будете упорствовать в погоне за этой химерой, вас куда скорее погубят силы вполне земные. Очень уж плохи территории, лежащие между здешними и тамошними. – Лебедь взглянул на князя и закатил глаза. – Нам рассказывали о чудовищах и колдовстве.

– Да ну? – Я оторвал кусочек от жареной пичуги, прожевал, проглотил. – Лебедь, я привел сюда Отряд от самого Курганья. Ты помнишь, где оно и что собой представляет. Значит, чудовища и магия? Мы прошли семь тысяч миль, и я не потерял ни одного человека. Река не вспоминается? Тот, кто встает на моем пути, не успевает даже пожалеть об этом. Слушай внимательно. Я в восьмистах милях от края карты. И не остановлюсь. Я не могу остановиться.

То была одна из самых длинных моих речей – если не считать тех случаев, когда я читал солдатам отрывки из Анналов.

– Капитан, твои трудности как раз и лежат на этих восьмистах милях. Те семь тысяч можешь считать увеселительной прогулкой.

Прабриндра произнес короткую фразу. Лебедь кивнул, но переводить не стал. Я взглянул на Жабомордого.

– Сверкающий камень, – сказал тот.

– Что?

– Он так сказал, начальник. Сверкающий камень. Не знаю, что это.

– Лебедь!

– Местное выражение. По-розеански примерно то же, что «ходячий мертвец». Как-то связано с далеким прошлым и Вольными Отрядами Хатовара, оставившими по себе очень уж плохие воспоминания.

Я поднял бровь:

– Лебедь, Черный Отряд – последний из Вольных Отрядов Хатовара.

Он недобро взглянул на меня и перевел.

Князь, не сводя глаз с жертвы Одноглазого, ответил.

– Капитан, он говорит, что на свете возможно всякое. Однако возвращение тех, кого не видели с тех пор, как дед его деда был еще сосунком… Хотя он склонен верить, что вы – Черный Отряд. Ваше прибытие было предсказано. – Лебедь искоса глянул на беса, словно упрекая в предательстве. – И Хозяева Теней предостерегали его от сделок с вами. Вполне логично, что он желал бы такой сделки, учитывая разорение и отчаяние, сеемые этими фанатиками прошлого.

Я взглянул на Жабомордого, тот кивнул. Лебедь старался быть предельно точным.

– Он ходит вокруг да около, Костоправ, – сказала Госпожа. – Ему что-то нужно. Скажи, пусть говорит о деле.

– Лебедь! Это и вправду было бы неплохо.

Тот продолжал переводить:

– Но вчерашний ужас сегодня ничего не значит. Вы не похожи на тех фанатиков, что и продемонстрировали на реке. И Трого Таглиос ни перед кем не склонится. Если эта чума с юга страшится банды разбойников, он готов забыть старые счеты и объединиться с теми, кто живет сейчас. При условии, что вы и сами забудете.

Я совершенно не понимал, о чем идет речь.

– Костоправ! – зарычала Госпожа, разгадав, что творится в моей голове, еще до того, как мысль успела оформиться. – У нас нет времени на удовлетворение твоего интереса к прошлому. Здесь что-то происходит. Разберись с этим, пока мы не влипли!

Она определенно становится одной из нас!

– Лебедь, ты ведь уже понял, с кем имеешь дело? И не считаешь, надеюсь, что мы верим в случайность встречи с тобой и той женщиной? Давай-ка поговорим начистоту.

Конечно, начистоту поговорили не сразу. Стало совсем темно, взошла луна. Все выше и выше карабкалась она в небо… Прислуга окончательно потеряла терпение, однако никто не просил владетельного князя убраться, – должно быть, не позволяла элементарная вежливость. Те же, кто пришел посмотреть на нас, понятное дело, не желали первыми покидать рощу.

– Здесь точно что-то происходит, – шепнул я Госпоже. – Но как вытянуть из него правду?

Прабриндра преуменьшал угрозу, о которой рассказывал, но присутствие отцов города прямо-таки вопило: Таглиос вплотную приблизился к опаснейшему распутью. Подтекст услышанного я истолковал так: князь хочет плюнуть в лицо беде.

– Давно, – попытался объяснить Лебедь, – никто не может точно сказать, когда именно, потому что никто не пытался выяснить, – в городе под названием Питиус, что в четырехстах милях к юго-востоку, появилось нечто такое, что можно, пожалуй, назвать Тьмой. Никого это не обеспокоило. Затем она распространилась на Траджевец и Кьяулун, весьма важные города, и на Секст с Фридом. Тут все всполошились, но было уже поздно. Громадным куском страны стали править четверо колдунов, которых беженцы называли Хозяевами Теней. Насчет теней у них был пунктик. Траджевец переименовали в Тенесвет, а Кьяулун – в Тенелов, и в наши дни почти все называют их империю Тенеземьем.

– Ты наконец объяснишь, каким образом все это касается нас?

– Примерно через год после захвата тех городов, ни разу не воевавших с самого Хатоварского террора, Хозяева Теней вооружили население и принялись за обычные имперские игры. За год они подчинили бóльшую часть земель, лежащих между южной границей Таглиоса и краем карты.

– Кажется, улавливаю, – сказала Госпожа, чье лицо мрачнело прямо на глазах.

– Я тоже. Продолжай, Лебедь.

– Так вот, прежде чем они взялись за нас… взялись за Таглиос, их земли пришли в упадок. По словам бежавших оттуда, вспыхнула междоусобица. Да еще какая! Интриги, предательства, подрывная деятельность, покушения, союзы – там все здорово переменилось. И если один из колдунов вырывался вперед, то остальные объединялись против него. Так продолжалось лет пятнадцать-восемнадцать, и на этот срок Таглиос был оставлен в покое.

– А теперь?..

– Теперь они поглядывают в нашу сторону. В прошлом году пробовали воевать, да не заладилось у них. – Он самодовольно улыбнулся. – У жителей Таглиоса мужества в достатке, но нет ни малейшего представления о том, как его применить. В прошлом году нас с Ножом и Корди вроде как поверстали на службу. Но я-то в военном деле мало смыслю, и они – не более моего. Как генералы мы все равно что сиськи на кабане.

– То есть князю нужны не телохранители и подручные для грязных дел. Прабриндра хочет нанять нас для войны. Неужели надеется, что это обойдется ему дешево? Разве ты не описал ему наше путешествие сюда?

– Он из тех, кто доверяет, но проверяет. Может, хотел узнать, не дешево ли вы себя цените. Я рассказал князю все, что когда-либо слыхал о Черном Отряде. Но он пожелал с вами встретиться. Нет, этот князь – молодчина. В первый раз я вижу правителя, который старается делать то, что от правителя требуется…

– Да, такой человек – редкость почище волосатой жабы. Но ты сам сказал, Лебедь: мы выполняем волю богов. Нам недосуг встревать в местные раздоры. Разве что на обратном пути.

Лебедь рассмеялся.

– Что тут смешного?

– На самом-то деле выбора у вас нет.

– Вот как? – Я вгляделся в его лицо, но ничего не смог там прочесть. Посмотрел на Госпожу – она только пожала плечами. – Отчего же?

– Чтобы попасть, куда вы хотите, надо пересечь Тенеземье. Семьсот или восемьсот миль… По-моему, с Хозяевами Теней даже вам, ребята, не справиться. А Прабриндра – тем более.

– Ты говорил, они в четырехстах милях отсюда.

– Это Питиус в четырехстах милях. Там, где все началось. Им принадлежат все земли до южной границы Таглиоса. Отсюда до Тенелова миль семьсот-восемьсот. И как я уже говорил, в прошлом году Хозяева взялись за нас. Хапнули все, что южнее Майна.

Я уже знал, что Майн – большая река к югу от Таглиоса, естественная пограничная, а также оборонительная линия.

– Их войска, – продолжал Лебедь, – кое-где стоят всего в восьмидесяти милях от Таглиоса. Мы знаем, что они нападут, едва в реках понизится уровень воды. И вряд ли станут с нами церемониться. Все четверо Хозяев заявили, что очень рассердятся, если Прабриндра будет иметь дело с Черным Отрядом.

Я взглянул на Госпожу:

– Ну просто уймища народу осведомлена, куда и с какой целью я направляюсь! Причем лучше осведомлена, чем я сам.

Не ответив мне, она спросила:

– Лебедь, почему он вообще обратил на нас внимание? Зачем послал тебя навстречу?

– Он не посылал. Он ничего не знал, пока мы не вернулись. Просто подумал: если Хозяева Теней вас боятся, значит с вами нужно дружить.

Хозяев Теней пугал явно не я, но говорить об этом не стоило. Лебедю с приятелями и князю незачем знать, кем была Госпожа.

– Смелости ему не занимать.

– Тут всем смелости не занимать. Жаль только, не представляют себе, как ее применить. И я ничего посоветовать не в состоянии. Он сказал: если Хозяева Теней рано или поздно явятся, зачем облегчать им жизнь? Зачем давать время на сборы?

– А что в этом господину Плетеному Лебедю? Ты не похож на того, кто работает задаром.

– Ладно, Корди не услышит, поэтому скажу как есть. Надоело бродяжничать. Я нашел себе дом и не желаю его потерять. Устраивает такое объяснение?

Может быть.

– Здесь и сейчас я не могу дать князю ответ. Ты меня поймешь, если хоть что-то знаешь о Черном Отряде. Вряд ли мы возьмемся, не наше это дело. Но обещаю все обдумать самым тщательным образом. Переведи, что мне нужна неделя и требуется содействие его подданных.

Я хотел задержаться в Таглиосе еще на одиннадцать дней, чтобы дать людям отдых и привести в порядок амуницию и оружие. Мое обещание не значило ровным счетом ничего. Кроме того, что и мне неплохо бы отдохнуть.

– И это все? – спросил Лебедь.

– Чего же тебе еще? Или думал, я соглашусь по той лишь причине, что ты славный парень? Лебедь, мы идем в Хатовар. Я сделаю все необходимое, чтобы попасть туда. А ты занимайся своим делом. Все, пора разойтись и дать клиенту подумать.

Он заговорил с князем. Чем дальше, тем больше мне хотелось отказать и покончить с этим. Костоправ стар и немощен, и ему неохота учить новые языки.

Прабриндра Дра кивком выразил согласие. Он поднялся, я тоже, мы раскланялись, и они с Лебедем удалились, останавливаясь возле ужинающих полуночников. Ничто не выдавало содержания их разговоров. Возможно, он произносил то, что другие желали слышать. Я видел, как улыбались его собеседники.

Я уселся поудобнее, чтобы наблюдать за представлением, разыгрываемым Одноглазым. Его червяки вовсю ползали по голове жертвы.

– Что ты об этом думаешь? – спросил я Госпожу.

– По-моему, здесь не место для раздумий.

– На чью сторону ты предпочла бы встать?

– Я солдат Черного Отряда. О чем ты склонен постоянно напоминать.

– Помнится, Ворон тоже был солдатом Черного Отряда. Пока это его устраивало. Давай поговорим серьезно. Ты знаешь, кто такие эти Хозяева Теней? Не Взятые ли, прибывшие строить для тебя новую империю?

– Нет! Я спасла Меняющего Облик и отправила его на юг – просто на всякий случай, когда войны и злобы Зовущей Бурю было достаточно, чтобы объяснить его исчезновение. И это все.

– Однако Ревун…

– …сам спланировал свое освобождение, видя мое положение и пестуя собственные амбиции. Это очевидно. Что же до Хозяев Теней, о них я ничего не знаю. Абсолютно. Тебе надо расспросить местных.

– Расспросим. Если они не из Взятых, то, по всему судя, не многим отличаются. Потому я желаю знать, на чью сторону встанешь ты.

– Я солдат Черного Отряда. Они уже объявили себя моими врагами.

– Ответ нечеткий.

– Другого не будет.

– Как я и ожидал. А что же с Меняющим Облик и его подружкой? – Я не видел их с самого Обмолота, но нутром чуял, что они прячутся за ближайшим углом.

– Если ситуация на самом деле так плоха, нам понадобятся все наличные ресурсы.

– Меняющий Облик сделает, что я прикажу.

Ответ опять-таки можно было толковать по-разному, однако я не стал требовать определенности. Лучшего и на этот раз не предвиделось.

– И вообще, отвяжись, Костоправ. Займись ужином.

Я заглянул в свои тарелки. Теплое давно остыло, а холодное – согрелось.

Жабомордый, плотоядно улыбаясь, помогал хозяину сломить волю неудачливого убийцы.

Одноглазый перестарался. Как обычно, когда кругом толпа зрителей. Пленник помер от ужаса, и мы ничего не добились, кроме дурной славы о нас.

Как будто нам мало того, что есть.

23. Лебедь, летучие мыши и прочие

Время было позднее. Плюхнувшись в кресло, Лебедь зевнул. Нож, Корди и Баба выжидающе смотрели на него, словно Прабриндра не в силах был говорить сам.

– Мы потолковали, – сказал Лебедь.

– И?.. – нетерпеливо спросила Радиша.

– А ты что, ждала, он запрыгает и заорет: «Боги мои, наконец-то!»?

– Что он сказал?

– Сказал, подумает. И это, пожалуй, лучшее из того, чего можно было ждать.

– Надо было пойти самой.

– Сестра, – вмешался Прабриндра, – другой вообще не стал бы слушать нас сразу после того, как его пытались убить.

Радиша пришла в крайнее изумление.

– Не дураки же они, – продолжал Лебедь. – Смекнули, что мы неспроста навязались в попутчики. И следили за нами так же, как и мы за ними.

Копченый, оправдывая свое имя, сидел в уголке, в облаках дыма. Совещание проходило в подвале дома одного из друзей Радиши, невдалеке от оливковой рощи. Пахло плесенью, хотя окна были растворены на ночь. Копченый сделал несколько шагов и очутился в круге света трех масляных ламп; сморщенное лицо было хмурым. Он подозрительно оглядел подвал.

– Что такое? – спросил Корди.

Он заметно дрожал. Лебедь тоже ощутил холодок в животе.

– Не уверен… Но на секунду показалось, что кто-то смотрит на меня.

Радиша переглянулась с братом и повернулась к Лебедю:

– Лебедь, эти два чудных старика… Одноглазый и Гоблин, жулики? Или колдуны?

– Середина на половину. Верно, Нож? Корди?

Корди кивнул.

– Мелкий, – сказал Нож, – вроде ребенка, Жабомордый, вот кто опасен.

– Что он собой представляет? – спросила Баба. – Более странного ребенка в жизни не видывала. Порой ведет себя словно столетний.

– Ему может быть и все десять тысяч, – сказал Копченый. – Это бес. Я не осмелился его прощупывать, после того как он понял, что я не просто выживший из ума старик. Не знаю, на что он способен. Но наверняка это сверхъестественное существо величайшей силы. Загадка в том, как колдун ученического уровня, Одноглазый, получил в свои руки власть над Жабомордым. Я ни вызвать такого, ни управлять им не могу, хоть и превосхожу Одноглазого по таланту, образованию и мастерству.

Внезапно в темном углу раздался писк и хлопанье крыльев. Вздрогнув от неожиданности, все обернулись. В круг света ворвались и заплясали в воздухе летучие мыши. Среди них мелькнул темным сгустком ночной тьмы гораздо больший силуэт – и одна из мышей оказалась разорванной пополам на лету. Затем другой крупный силуэт прикончил другую мышь. Уцелевшим удалось вылететь наружу сквозь решетку подвального окна.

– Что за черт?! – прохрипел Лебедь. – Что это?

– Вороны, – сказал Нож. – На мышей охотились.

Голос звучал совершенно спокойно, словно вороны каждую ночь гонялись по подвалам за летучими мышами – и над самой головой Ножа.

Птицы больше не показывались.

– Не нравится мне это, Лебедь, – сказал Корди. – Вороны по ночам не летают. Тут что-то не так.

Все посмотрели друг на друга, ожидая, кто нарушит паузу. Они не замечали леопарда, заглядывающего одним глазом в подвал. И уж тем более никто не углядел детскую фигурку, уютно развалившуюся на ящике за пределами светлого круга и довольно ухмыляющуюся. Копченый снова задрожал и принялся описывать плавные круги по подвалу. Его не оставляло чувство, что за ним наблюдают.

– Насколько я помню, – заговорил Прабриндра, – кто-то говорил, что встречаться поблизости от рощи – не самая удачная идея. Помню и предложение собраться для совета во дворце, в комнате, защищенной Копченым от чужих чар. Не знаю, что сейчас произошло, но мы явно имеем дело с чем-то сверхъестественным, а посему я не желаю разговаривать в этом подвале. Идемте. Такая задержка уж точно делу не повредит. Что думаешь, Копченый?

Старика била крупная дрожь.

– Возможно, так будет мудрее, мой князь. Гораздо мудрее. Здесь нечто большее, чем можно разглядеть глазами… Впредь следует считать, что за нами следят.

– Кто следит, старик? – раздраженно спросила Радиша.

– Не знаю. Но есть ли разница? Это дело может интересовать многих. Высших жрецов. Или солдат, которыми ты намерена воспользоваться. Или Хозяев Теней. Возможно, и некие вовсе не известные нам силы.

Все воззрились на него.

– Объясни! – приказала Баба.

– Не могу. Разреши лишь напомнить, что пришельцы одолели речных пиратов, долгое время державших реку. Никто из них не рассказывал о произошедшем, но случайные фразы, собранные вместе и сопоставленные, свидетельствуют, что обе стороны пустили в ход магию высшего порядка. Магия пришельцев оказалась более действенной. Однако, помимо беса, при них не было ничего указывающего на эту магию, когда мы присоединились к ним. Если они обладают такой силой, где же она? Можно ли ее так хорошо спрятать? Весьма сомневаюсь. Не исключено, что эта сила путешествует с ними, не будучи с ними, если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Нет, не понимаем. Ты взялся за старые фокусы. Наводишь тень на плетень.

– Я говорю туманно оттого, что не имею ответов, Радиша. Лишь вопросы… Я все чаще думаю: может быть, банда, которую мы видим, только иллюзия, специально для нас и созданная? Горстка людей – конечно, крепких, сильных, искушенных в науке убивать, – чем она могла напугать Хозяев Теней? Что так обеспокоило их? Либо они знают больше нашего, либо же больше нашего видят. Вспомните историю Вольных Отрядов. То были не просто банды головорезов! А эти люди твердо намерены дойти до Хатовара. Их Капитан перепробовал все способы, кроме насилия, стараясь выведать дорогу…

– Эй, Копченый! – перебил его Нож. – Ты предлагал перебраться для разговора в другое место. Может, пойдем наконец?

– Ага, – поддержал его Лебедь. – В этой дыре меня дрожь берет. Не понимаю я вас с князем, Радиша. Вроде как правите Таглиосом, а прячетесь по темным углам.

Радиша встала:

– Наш трон не так уж прочен. Мы правим в согласии со жрецами. И не следует им знать обо всем, что мы делаем.

– Так ведь все мало-мальски значимые владетели и жрецы были нынче в роще. Они знают…

– Лишь то, что им было сказано. Часть правды.

Корди наклонился к уху Лебедя:

– Слушай, кончай. Не видишь, что делается? Тут ставки покрупнее, чем победа над Хозяевами Теней.

– Угу.

Следом за ними беззвучно, как сама смерть, кралась от одного темного закоулка к другому тварь, похожая на леопарда. Вороны скользили от ветки к ветке. А по мостовой, совершенно не скрываясь, однако оставаясь незамеченной, двигалась детская фигурка. Но летучих мышей в воздухе не было.

Лебедь понял, на что намекал Корди. Баба с братцем полагают, что борьба с Хозяевами Теней захватит и жрецов с паствой. Пока те будут отвлечены, князья приберут к рукам все бразды правления.

Жалеть жрецов не стоит, от них и впрямь никакого толку. Возможно, Нож что-то затевает. Да не возможно, а наверняка. Всех их следует утопить, иначе Таглиос никогда не поднимется с колен.

Через каждую дюжину шагов Лебедь оборачивался. Улица позади всякий раз оказывалась пуста. И все же он был уверен, что за ним следят.

– Жуть, – пробормотал он, дивясь тому, что вообще влез в эти дела.

24. Таглиос. Княжеская настойчивость

Может, и был молодчиной Прабриндра Дра, но это с какой стороны поглядеть. Если с нашей, он выглядел скользким, как любой негодяй. Через два дня после разговора в роще я носа наружу высунуть не мог без того, чтобы оказаться под шквалом шумных приветствий. «Защитники», «спасители», «избавители» – как только нас не называли.

– Одноглазый, что за дьявольщина?

– Хочет, чтобы ты увяз. – Он метнул в Жабомордого свирепый взгляд. Бес накануне ночью осрамился – не смог подобраться ни к кому, кроме Лебедя с дружками в их пивнушке. А там они о делах не разговаривали. – Так ты уверен, что хочешь в эту библиотеку?

– Еще как!

Почему-то таглиосцы втемяшили себе в голову, что я великий целитель и полководец мессианского толка.

– Что с ними не так? Князь может пичкать их любым дерьмом, но почему они это дерьмо едят?

– Хотят, вот и едят.

Матери протягивали ко мне детей, дабы я осенял их своим знамением и одаривал благословением. Юноши с грохотом салютовали железом и орали строевые песни. Девицы усыпали цветами мой путь, а порой бросались под ноги и сами.

– А эта ничего, – заметил Одноглазый, отрывая меня от грез насчет шестнадцатилетней красотки. – Не хочешь – уступи мне.

– Охолони. Чем предаваться низменным инстинктам, лучше поразмысли над тем, что происходит.

Его свойство впадать в крайности порой ставило меня в тупик. Возможно, происходящее он считал иллюзией. Одноглазый у нас не семи пядей во лбу, но иногда бывает проницателен.

– Поддайся разок соблазну, – хихикнул он. – Госпожа не может за тобой следить постоянно.

– Я могу. Конечно могу. Нельзя же разочаровать людей, которые так стараются нас обдурить, правда же?

– Опять ты за свое.

Но сказано это было не всерьез. Неожиданно свалившаяся на нас благодать внушала ему беспокойство.

Мы вошли в библиотеку. В ней не обнаружилось ничего достойного. То есть хоть шаром покати – отчего мои подозрения порядком окрепли. От Жабомордого проку было тоже немного, однако кое-что он подслушал. И пересказанные им беседы усилили мою тревогу.

Для солдат, впрочем, наступили чудесные времена. Перед некоторыми из соблазнов не устояла даже железная дисциплина наров. Могаба чуть ослабил узду.

Меня никак не оставляло ощущение, что рядом, за моей спиной, что-то происходит.

Политическая обстановка была ясна. Она оказалась точно такой, как описывал Лебедь.

Можно было добраться до Хатовара, лишь пробив себе семисотмильный путь сквозь земли, управляемые Хозяевами Теней. Если эти Хозяева Теней – не выдумка.

Лично я слегка сомневался в их существовании. Все, с кем я беседовал при посредстве Жабомордого, в них верили, однако не видели никаких конкретных доказательств.

– Так ведь и богов никто никогда не видел, – сказал мне один жрец. – Но все мы в них верим, не так ли? Зрим воочию плоды их трудов…

Тут он заметил мою циничную ухмылку. Его глаза сузились, и он поспешил прочь. Впервые здесь кто-то не дрожал от счастья, общаясь со мной. И я сказал Одноглазому, что есть

смысл пошпионить за главными жрецами. Князь и Лебедь, в отличие от них, знали, когда нужно держать язык за зубами.

Мысль, что нами манипулируют, пытаясь натравить на каких-то волшебников-тяжеловесов, не особо пугала меня. Вот уже двадцать лет мы противостояли лучшим из лучших. Больше всего меня беспокоило мое собственное невежество.

Я не знал местного языка, не понимал таглиосцев. Их история представляла собой сплошную тайну, и Лебедь со товарищи не стремились пролить на нее свет. Конечно же, я ничего не знал о Хозяевах Теней, как и о народе, которым они правили. То есть ничего, кроме того, что мне было сказано, а это могло быть даже хуже, чем ничего. А самое досадное, я не имел ни малейшего представления о землях, где, возможно, придется воевать. И для поиска ответов на все эти вопросы не оставалось времени.

Вечер третьего дня. Мы переехали на новые квартиры в южном квартале города, предоставленные государством. Я собрал всех, кроме полудюжины часовых. Пока ребята ужинали – пища была приготовлена и подана людьми Прабриндра, – сидевшие за моим длинным столом сдвинули головы поближе. Прочие имели приказ не давать таглиосцам свободной минутки. Вряд ли, конечно, они могли бы понять нас, однако такое не исключалось.

Я расположился во главе стола. По левую руку от меня – Госпожа, по правую – Могаба с двумя своими помощниками, а за Госпожой устроились Гоблин с Одноглазым, причем в этот раз Гоблин сидел ближе ко мне. Каждый раз у колдунов разгорался спор из-за места за столом. Далее сидели Крутой и Масло, а Мургену, в качестве ученика летописца, был отведен дальний конец стола. Я сделал вид, будто рассказываю за едой некую историю, как отец семейства, развлекающий чад.

– Ночью выведу наружу имперских коней. Госпожа, Гоблин, Крутой и Масло выходят за мной по одному. Также помощник Могабы с одним солдатом. При условии, что они умеют держаться в седле.

Одноглазый испустил жалобный вздох, Мурген – тоже. Но Могаба заговорил первым:

– Тайком?

– Хочу съездить на юг, разведать. Эти люди пытаются продать нам кота в мешке.

На деле я так не думал, но зачем полагаться на чужие слова, когда можно взглянуть самому? Особенно если тобой хотят воспользоваться.

– Одноглазый, останешься здесь и проследишь, чтобы бес работал денно и нощно. Мурген, записывай все, что он узнает. Могаба, будешь нас прикрывать. Если местные рассказали правду, наш рейд продлится недолго.

– Ты обещал Прабриндра дать ответ через неделю. Осталось четыре дня.

– Уложимся. Выезжаем после следующей смены часовых, когда Одноглазый с Гоблином усыпят всех, кто мог бы нас увидеть.

Могаба кивнул. Я взглянул на Госпожу. Она ничего не желала добавить. Мол, хочешь быть главным – будь им, а она оставит свое мнение при себе.

– Ко мне обратились мои люди, – сказал Могаба, – с деликатным делом. Похоже, перед нами встал политический вопрос.

Это было по меньшей мере неожиданно.

– Политический? Касательно чего?

– Самообороны. Несколько человек подверглись нападениям, они хотят знать, до каких пределов им, в силу политических причин, необходимо проявлять сдержанность. Разрешается ли давать уроки вежливости недоброжелателям.

– Вот как! Когда это началось?

– Первое донесение я получил около полудня.

– Все случаи, значит, сегодня?

– Так точно, сударь.

– Давай посмотрим на подвергшихся нападениям.

Он привел их к столу. Все оказались нарами. Их было пятеро. Пожалуй, такое могло произойти не только с наром. Я послал Мургена к нашим, вскоре он вернулся.

– Три случая. Они сами справились. Говорят, не подумали, что из-за таких пустяков стоит беспокоить начальство.

Это кое-что говорит о состоянии дисциплины…

Примерно через полминуты было установлено, что нападавшие, судя по всему, не являлись таглиосцами.

– Сморщенные смуглые карлики? Мы видели таких на реке. Я спрашивал Лебедя; тот сказал, что не знает, откуда они. Однако при этом здорово струхнул. Если это не таглиосцы, не церемоньтесь с ними. И попробуйте захватить парочку живьем. Одноглазый! Как появятся пленные, разберись с ними.

Пока все это говорилось, таглиосские подавальщики сновали туда-сюда. Несколько человек подошли забрать пустые тарелки, в их присутствии Одноглазый не посмел жаловаться на непомерное количество работы для него одного. Впрочем, и после их ухода он не успел даже вякнуть.

Первым заговорил Мурген:

– Тут вот еще какая проблема, Костоправ…

Могаба слегка поморщился. Человек он не косный, но никак не мог привыкнуть, что я позволяю называть себя иначе, как Капитан.

– Что за проблема?

– Летучие мыши.

Гоблин хихикнул:

– Заткнись, коротышка. При чем тут?..

– Ребята постоянно натыкаются на дохлых летучих мышей.

Краем глаза я заметил, что Госпожа прислушивается к разговору.

– Не понял…

– Каждое утро находят несколько штук. Все разодраны, не просто околели от старости. И это только там, где находимся мы. Больше нигде в городе.

Я посмотрел на Одноглазого. Он вздохнул и сказал:

– Все понятно. Еще одна задачка для бедного старика. И как Отряд обойдется без меня, когда помру?

Уж не знаю, поверили ли этому нытью остальные. Нас с Одноглазым связывало нечто такое, о чем знали не все.

– Еще имеются проблемы?

Таковых не нашлось, однако у Мургена был вопрос:

– Ничего, если мы займемся Лебедем? Я заглянул в забегаловку, где он хозяин. Пожалуй, есть смысл послать туда наших ребят. Посидят, послушают, – может, узнаем что-нибудь интересное.

– На худой конец, заставим его понервничать. Хорошая идея. Возьмите кого-нибудь из наров, пусть приглядятся к Ножу.

– Темная личность, – заметил Масло.

– И голову кладу, самая опасная. Наподобие Ворона. Убьет – глазом не моргнет, а через пять минут и не вспомнит.

– Вы бы рассказали мне побольше об этом Вороне, – попросил Могаба. – С каждым разом, как упоминаете о нем, он все больше интригует меня.

В разговор, не донеся вилки до рта, вмешалась Госпожа.

– О нем подробно написано в Анналах, Лейтенант, – сказала она с предостерегающей мягкостью.

Хоть и предан был Могаба всему, что связано с нашим братством, ему еще только предстояло знакомство с Анналами, написанными после того, как Отряд покинул Гиэ-Ксле.

– Понятно. – Его голос звучал по-прежнему ровно, однако взгляд приобрел твердость стали.

Между ними и Госпожой явственно чувствовался холодок. Я и прежде замечал такое явление. Негативная химия, что ли? У этих двоих не было причин не любить друг друга. А может, и были: в те дни я проводил с Могабой куда больше времени, чем с Госпожой.

– Значит, решено, – сказал я. – Выходим после ближайшей смены караула. Готовьтесь.

Большинство, молчаливо кивнув, встали из-за стола. Гоблин некоторое время хмуро взирал на меня, затем тоже поднялся.

Он догадывался, почему взят в разведку, – чтобы не свалял дурака в мое отсутствие.

И был процентов на шестьдесят прав.

25. Таглиос. Разведка на юге

Если вы пробовали выбраться из населенного пункта незамеченным хотя бы на крестьянской кляче, то у вас есть слабый шанс представить себе, чего стоило нам тайно покинуть город на подаренных Госпожой чудищах. Бедняга Гоблин, обеспечивавший прикрытие, вымотался до предела. И когда наконец мы выбрались за околицу, я прикинул, что можно было бы и карету взять с собой без опаски.

Впрочем, незаметность нашего отъезда была относительной. Вороны не покидали своих постов. Казалось, эти проклятые птицы повсюду, где бы мы ни проезжали, следят с каждого дерева, с каждой крыши.

Продвигались мы быстро, и кругом было темно, но все же не составило труда заметить, что деревни к югу от Таглиоса зажиточны, земли отменно возделаны. А как иначе снабжать огромный город? Правда, в самом городе тоже имелись сады, особенно ими изобиловали богатые кварталы. Мяса таглиосцы ели немного, и это мне показалось странным – разве сложно пригонять скотину на рынок?

Как оказалось, два или три крупнейших рода запретили мясоедение из религиозных соображений.

Наши кони, вдобавок ко всем прочим достоинствам, видели в темноте и без труда бежали легким галопом, в то время как я даже собственных рук не мог разглядеть. Уставшие, изрядно намозолившие задницы, рассвет мы встретили в сорока милях к югу от Таглиоса.

Крестьяне разинув рот смотрели, как мы проносимся мимо.

Лебедь рассказывал мне о случившемся прошлым летом вторжении Хозяев Теней. Дважды мы пересекали пути той войны, проезжали через разоренные деревни. Уцелевшие жители, конечно, отстроились заново, уже на другом месте.

Возле второй деревни мы расположились на бивуак. Когда завтракали, местный староста набрался храбрости и подошел взглянуть на нас. Разговор не склеился. Убедившись, что его не намерены схватить и увезти, он с улыбкой пожал мне руку и пошел прочь.

– Староста знает, кто мы, – сказал Гоблин. – И думает о нас точно так же, как и городские.

– Дураками считает?

– Нет, Костоправ, никто нас не считает дураками, – сказала Госпожа. – Может, в этом-то и проблема. Может, они переоценивают наш ум.

– И что же из этого следует?

Я швырнул камнем в ворону и промазал. Госпожа насмешливо смотрела на меня.

– Наверное, ты был прав насчет заговора молчания. Но возможно, не так уж и много от нас скрывают эти люди. А вдруг они просто считают, что мы сами знаем больше, чем они?

Синдав, помощник Могабы и третий после него по значимости, поддержал ее:

– Капитан, похоже, это так и есть. Я много времени провел на улицах; я видел, как на меня смотрели люди. Они думали обо мне гораздо лучше, чем я того стою.

– Ну, на меня-то они не просто смотрели… Выйдешь на улицу – и сразу шум и гам, как будто шествует император. Так и норовят вогнать в краску.

– Вот только правду не говорят, – проворчал Гоблин, собираясь в дорогу. – И раскланяются, и разулыбаются, и задницу твою расцелуют, и отдадут тебе все, кроме девственных дочерей, но стоит спросить о чем-нибудь конкретном, ни слова не дождешься в ответ.

– Правда – смертельное оружие, – сказала Госпожа.

– Потому-то и боятся ее князья со жрецами, – подтвердил я. – Но если ты угадала верно, за кого же они нас принимают?

– За тот Отряд, что проходил здесь, направляясь на север, – сказала Госпожа.

– Ответ должен быть в пропавших томах Анналов, – кивнул Синдав.

– Это верно. Однако их у нас нет.

Будь при мне мои тома Анналов, я бы продлил привал и заново осмыслил то, о чем узнал в Храме отдохновения странствующих. Самые первые книги Отряда, должно быть, пропали где-то здесь.

Названия на моей карте ни о чем не говорили. И никакие отголоски не долетали из глубин памяти. Чо'нДелор – это, так сказать, конец нашей истории. И начало неведомой страны. Хотя Анналы хранят немало сведений о временах, предшествующих Пастельным войнам.

Неужели все названия были изменены?

– Ох, бедная моя задница! – застонал Гоблин, карабкаясь в седло.

Это уморительное зрелище, когда такой коротышка забирается на такого здоровенного коня. Масло всякий раз спрашивал, не подать ли лестницу.

– Костоправ, тут у меня идейка возникла…

– Уже страшно.

На шпильку Гоблин не отреагировал.

– Не уйти ли нам в отставку? Не так уж мы молоды для подобных дел.

– Те, кого мы встретили по пути из Весла, так и поступили, – сказал Крутой. – Только долго не протянули. Нам бы город какой захватить… или заключить постоянный договор…

– Уже раз пятьдесят пробовали. Ничего не вышло. Разве что в Гиэ-Ксле… И то потом пятки зачесались.

– Могу спорить, зачесались не у тех, кто туда прибыл.

– Все мы состарились и устали, Крутой.

– Ты, дедуля, за всех не говори, – посоветовала Госпожа.

Швырнув в ворон последний камень, я залез в седло. Пикироваться не хотелось. Я ведь и впрямь усталый старик. Пожав плечами, Госпожа тоже села на коня. Я погнал своего вперед, размышляя о том, что между нами было. Да ничего, пожалуй. Искорка, из которой мы так и не удосужились раздуть костер. Кажется, наша близость сослужила нам плохую службу…

Дальше к югу наблюдалось нечто необычное. До сих пор нам нигде не встречались столь многочисленные конные патрули. В каждой деревне нас узнавали, и поднималась такая же восторженная суматоха, как в Таглиосе. Молодые мужчины – в тех деревнях, где они были, – выходили на улицы с оружием.

На этику и мораль мне, в общем-то, плевать. Однако как-то совестно становилось, словно это из-за меня тихие, смирные люди превращались в милитаристов с горящими глазами.

Масло полагал, что оружие у них трофейное, захваченное при отражении прошлогоднего нападения. Но вряд ли он был прав на все сто. Почти все убойные снасти источены ржавчиной и временем – лучше бы они остались у врагов.

С каждым часом наша экспедиция выглядела все бессмысленнее. Нигде мы не находили свидетельств того, что таглиосцы замышляют недоброе. По пути нам встречались исключительно радушные, приятные в общении, хлопотливые люди, живущие на благословенной земле, которая избавила их от непрестанной борьбы за существование. Но и в этих деревнях, как и в городе, люди, похоже, бóльшую часть свободного времени посвящали легионам своих богов и божков.

– Если согласимся служить и выиграем первую битву, – сказал я Госпоже, когда мы удалились от города миль на восемьдесят, – эти люди войдут в такой раж, что любые пакости Хозяев Теней им будут за счастье.

– А если проиграем первую битву? Впрочем, мертвецам плевать на последствия.

– За что люблю мою девочку, так это за позитивное мышление.

– Ты в самом деле хочешь подрядиться?

– Нет, если только можно этого избежать. Для того-то мы и отправились на разведку, чтобы выяснить данный вопрос. Но если верить дурному предчувствию, придется делать не то, чего мне хочется, а то, что необходимо.

Гоблин крякнул и что-то проворчал насчет когтистых лап судьбы. И он был прав. Единственная возможность ни во что не встревать – отыскать иной путь на юг. Черт с ними, с этими Хозяевами Теней.

Мы не слишком торопились, а потому остановились на обед, еще не переварив завтрака. Наши тела не выдерживали испытания непрерывной скачкой. Стареем…

Масло с Крутым предложили развести костер и приготовить горячее. Я сказал: «Валяйте», а сам, усталый и разбитый, устроился поблизости, положил голову на камень и принялся разглядывать облака, плывущие по чужому небу, ничем в свете дня не отличавшемуся от родного.

События неслись вскачь, и были они настолько странными, что я никак не мог докопаться до их сути. Мной прочно завладел ужас, внушавший, что я влез не в свое дело, что для Отряда наступили далеко не лучшие времена и для предотвращения катастрофы, грозящей Таглиосу, моих способностей не хватит. Неужто и впрямь я собираюсь повести в битву целый народ? Пожалуй, нет. Даже если все мужчины, женщины и дети Таглиоса объявят меня своим спасителем.

Я пытался успокоиться, внушал себе, что не меня первого из Капитанов обуревают сомнения. Влезать в туземные дрязги, имея крайне слабое представление о масштабах конфликта и о том, что стоит на кону, – в этом нет ничего нового. Пожалуй, мне даже повезло больше, чем моим предшественникам, ведь со мной Госпожа, а для нее интриги – родная стихия. Здесь она все равно что рыба в воде. Лишь бы только удалось воспользоваться ее талантами. Также со мной Могаба, который, несмотря разделяющие нас культурный и языковой барьеры, становится прямо-таки идеальным солдатом. Со мной Гоблин, Одноглазый, Жабомордый и, не исключено, Меняющий Облик. А в моей сумке хранятся трюки, накопленные нашим Отрядом за четыреста лет.

Однако все это не прибавляло душевного покоя.

Собственно, как случилось, что мы отправились в прошлое, к началу боевой деятельности Отряда?

Не в том ли причина беды, что мы достигли неизведанных земель, о которых Анналы ничего не говорят? Не в отсутствии ли исторических документов?

У меня имелось множество вопросов насчет нашего братства и этой страны. Но сведения добывались по крохам и с превеликим трудом. Из разрозненных намеков явствовало, что наши предшественники были не такими уж славными ребятами. Складывалось впечатление, что тогдашняя диаспора, образованная Вольными Отрядами, подвинулась на религии. Доктрина, которую они исповедовали и следы которой сохранили нары, похоже, была свирепой. Недаром само имя Отряда и ныне пугает народ и будирует сильные чувства.

Усталость наконец одержала верх, и я провалился в сон. Разбудила меня воронья беседа.

Я вскочил. Остальные удивленно воззрились на меня – они ничего не слышали. Обед подходил к концу. Масло держал на огне мою порцию.

Приглядевшись к одинокому дереву близ нашей стоянки, я заметил нескольких ворон. Склонив безобразные головы, они смотрели на меня. Внезапно птицы разразились карканьем. Я понял, что они пытаются привлечь мое внимание.

Я направился к ним.

Когда до дерева оставалось полпути, две вороны взлетели, неуклюже набрали высоту и понеслись к рощице. Там, в миле от нас, над деревьями кружила добрая полусотня ворон.

Третья ворона, убедившись, что я все видел, также покинула одинокое дерево. Я вернулся к обедавшим в задумчивом настроении. Съев половину подгоревшего жаркого, я пришел к выводу, что получил предупреждение. Дорога проходит в считаных ярдах от той рощи.

Когда мы начали рассаживаться по седлам, я заговорил:

– Ребята! Оружие держать наготове. Гоблин! Видишь те деревья? Не спускай глаз.

– В чем дело, Костоправ?

– Не знаю. Предчувствие. Может, оно и не оправдается, однако осторожность не помешает.

– Ну, как скажешь.

Он смотрел на меня так, словно сомневался в здравости моего ума.

А Госпожа поглядела на меня еще подозрительнее, когда мы приблизились к роще и Гоблин проквакал:

– Ух ты! Да их тут полно! Засада!

Больше он ничего не успел сказать. Наши недруги хлынули из укрытия. Это были те самые смуглые карлики, около сотни. В военной сметке им не откажешь: пешим никак не справиться с конными без подавляющего численного превосходства.

– Ну, держитесь, олухи! – сказал Гоблин.

Затем он пробормотал что-то еще, и карликов окутало облако насекомых.

Им бы из луков по нас стрелять…

Масло с Крутым избрали, по-моему, наиглупейшую тактику. Они атаковали, и инерция внесла их в толпу карликов. Я действовал благоразумнее, и остальные последовали моему примеру. Мы просто развернулись и на рысях помчались прочь, оставив врагов на милость Гоблина.

Мой конь споткнулся. Как и положено такому мастеру верховой езды, я вылетел из седла и, прежде чем успел подняться на ноги, был окружен смуглыми… Однако Гоблин не зря ел свой хлеб. Уж не знаю, что он проделал, но толк из этого вышел. Оставив мне на память несколько приличных синяков, карлики решили нагнать тех, кому посчастливилось остаться в седле.

Мимо меня, чтобы атаковать с тыла, промчались Масло и Крутой. Я кое-как поднялся на ноги и огляделся в поисках жеребца. Тот стоял в сотне ярдов, насмешливо поглядывая на меня. Я заковылял к нему.

Карлики располагали лишь ерундовыми чарами, а действовали они на редкость глупо. Просто навалились толпой. Мерли словно мухи, но когда нападающих – дюжина к одному, поневоле начнешь тревожиться не только о том, как положить их побольше.

Будучи занят с конем, я почти не видел, что творилось впереди. Возвратив наконец в седло свое многострадальное тело, я обнаружил, что весь рататуй скрылся в узкой и мелкой балке.

А я непонятным образом заплутал. Уж не знаю, что за помрачение на меня нашло, но, пустившись следом за нашими, я никого не увидел. Впрочем, времени на поиски судьба отмерила не много. Явилась она в образе полудюжины смуглых карликов, причем конных, что было бы ужасно смешно, не размахивай они мечами и копьями и не несись на меня с намерениями, однозначно заслуживающими порицания.

В другое время я перестрелял бы их из лука, не подпустив даже на сорок ярдов. Однако сейчас, пребывая в неподходящем расположении духа, я хотел лишь спокойно отыскать своих.

Я пустил коня галопом и, обогнув несколько холмов, легко оторвался от погони. Но в процессе бегства заблудился окончательно. К тому времени небо затянули тучи, заморосил гнусный дождь. Не иначе, погода хотела напомнить о прелестях некогда избранного мной образа жизни.

Я пустился на поиски дороги, надеясь обнаружить на ней следы товарищей.

Поднявшись на холм, я снова увидел ту проклятую фигуру в окружении воронья, преследующую меня от Храма отдохновения странствующих. Она парила вдалеке, удаляясь. Тут я, позабыв о товарищах, бросил коня в галоп. Фигура остановилась и обернулась. Я буквально кожей почувствовал направленный на меня взгляд, но не замедлил хода. Уж теперь-то раскрою тайну!

Скатившись с невысокого холма, я влетел в ложбинку, где пузырилась жидкая грязь. Фигура на минуту скрылась из виду. Поднявшись же на вершину другого холма, я не увидел никого, кроме нескольких ворон, круживших без всякого смысла. То, что я тогда произнес, до крайности расстроило бы мою матушку.

Я продолжал скачку, пока не достиг того места, где фигура маячила в последний раз. Осадив коня, спешился и принялся искать следы. Следопыт я такой же знатный, как и наездник, однако на столь мокрой земле не могли не остаться отпечатки. Если, конечно, я не сошел с ума.

Следы я, конечно же, нашел. И ощущение того взгляда меня не оставляло. Но искомой твари не было нигде.

Я был напрочь сбит с толку. Даже если допустить участие волшебных сил, как удалось незнакомцу скрыться? Вокруг ни бугорка, ни кустика.

Тут я заметил ворон, кружащих в четверти мили.

– Ладно, сукин ты сын. Сейчас посмотрим, быстро ли бегаешь…

И снова напрасная скачка.

Так повторилось трижды. Я гнался – и не приближался. В последний раз остановился на низком гребне, откуда был виден лес этак в сотню акров. Спешившись, я стал рядом с жеребцом. Мы оба смотрели на лесок. Дыхание коня, как и мое, было рваным.

– Тоже устал? – спросил я.

Вот уж не думал, что такое чудище способно выдохнуться.

Посмотреть было на что. Столько воронья разом я видел разве что над полем недавней битвы.

За свою долгую, в странствиях и познании проведенную жизнь я слыхал с полсотни легенд о населенных призраками лесах. Чащобы всегда глухие, темные и древние, деревья там почти все мертвы, их ветви – словно руки скелетов, воздетые к небесам. Этот лес, пожалуй, был похож только по густоте, однако, судя по ощущениям, призраков в нем хватало.

Накинув поводья на луку, я вытащил из седельных ножен меч и направился к лесу. До него было около четверти мили. Жеребец побрел за мной, футах в восьми, едва не касаясь ноздрями земли, словно принюхивался к следу.

Больше всего ворон оказалось над середкой леса. Я уже не слишком доверял собственным глазам, однако там, среди деревьев, приметил темное приземистое строение. Приближаясь, я все убавлял шаг, – должно быть, какая-то доля здравого смысла у меня еще оставалась. Эта самая доля и подсказывала, что для подобных деяний я не гожусь. Не родился я воинственным рыцарем, которого хлебом не корми, а дай пробраться в логово зла.

Нездоровое любопытство – мое проклятие. Презрев доводы рассудка, оно тащило меня за бороду вперед.

Мне встретилось дерево, описанное во многих легендах: древнее, полузасохшее, в мой рост толщиной. Словно часовой, возвышалось оно над лесом по крайней мере футов на тридцать. Его подножие окружали кустарники и молодые деревца высотой мне по пояс. Я сделал остановку и прислонился к его стволу. Решал, то ли продолжать путь, то ли, наоборот, удержаться от неосмотрительных поступков. Жеребец шел, пока не уткнулся мордой мне в плечо. Я обернулся…

Последовало краткое змеиное шипение, а следом – глухой удар по дереву.

С отвисшей челюстью взирал я на стрелу, еще дрожавшую в трех дюймах от моих пальцев. И уж совсем собрался броситься наземь, но тут сообразил, что стрела эта предназначалась вовсе не для моей груди.

Наконечник, древко и оперение – все было чернее сердца жреца. Покрытое чем-то вроде эмали, в дюйме от наконечника древко было обернуто белым. Выдернув стрелу, я поднес ее к глазам и прочел адресованное мне послание:

«Еще не время, Костоправ».

Написано на диалекте Драгоценных городов.

Интересно.

Пожалуй, и впрямь еще не время.

Я содрал бумагу с древка, скатал в шарик и забросил в кусты, а затем огляделся в поисках стрелка. Разумеется, вокруг никого.

Вложив стрелу в свой колчан, я вскочил в седло, развернул коня и шагом двинулся вперед.

Мелькнувшая в воздухе воронья тень заставила меня поднять глаза – и увидеть семерых смуглых карликов, поджидавших на вершине холма.

– Все вам, ребята, неймется…

Я снова спешился, достал лук, надел тетиву, вынул из колчана черную стрелу и двинулся по склону, прикрываясь конем. Карлики развернули своих игрушечных лошадок и поехали ко мне.

Приблизившись на удобное расстояние, я высунулся из-за коня и выстрелил в ближайшего. Стрелу он увидел и попытался увернуться, чем только навредил себе. Я метил в шею пони, а стрела пронзила ногу всадника, достав и животное. Пони взбрыкнул и понесся, волоча за собой хозяина, чья нога застряла в стремени.

Вскочив в седло, я направил коня в образовавшуюся брешь. Карликовые лошадки бежали слишком медленно; где им меня нагнать.

Словом, мы поскакали вперед, и за час я перестрелял всех пони, причем мой жеребец шел легким галопом и, похоже, развлекался от души. Никогда еще я не видал лошади, которая оглядывалась на погоню и соразмеряла аллюр, чтобы держаться в дразнящей близости.

Я понятия не имел, откуда взялись эти карлики, однако их вокруг было немало, судя по тому, что появлялись все новые. Из осторожности я продолжал выбивать их по одному. Если понадобится, можно потом послать Отряд и набрать сколько угодно пленных.

Интересно, как там Госпожа, Гоблин и остальные? Вряд ли, учитывая превосходство наших зверюг, им причинен какой-либо вред, но все же…

Мы разминулись, поэтому не было смысла тратить остаток светового дня на их поиски. Лучше возвратиться на дорогу, повернуть к северу, найти жилье и обсушиться.

Мерзкая морось досаждала куда сильнее, чем преследователи.

А пуще дождя мучила тайна лесного стрелка. Пугала до мурашек.

Вороны реальны, как и тот ходячий пень. Сомневаться в этом уже глупо. И ко всему пень знает мое имя.

Пожалуй, стоит привести сюда весь Отряд и прочесать округу.

Дорога была из тех, волшебных, что превращаются в трясину глубиной по пояс от малейшего плевка. В этой части света ограды были не в чести, поэтому я свободно ехал по обочине. Очень скоро показалась деревня.

Можно назвать это милостью судьбы. Или же совпадением. Моя жизнь – сплошная череда совпадений. С севера в деревню въезжали всадники, покрытые грязью еще сильнее, чем я. То были не сморщенные смуглые карлики, однако я дал волю подозрениям и огляделся в поисках укрытия. Встречные везли с собой гораздо больше оружия, чем я, а моего хватило бы на целый взвод.

– Йо-о! Костоправ!

Ну надо же! Мурген!

Приблизившись, я узнал в остальных троих: Плетеного Лебедя, Корди Мэзера и Ножа. Какого лешего они здесь делают?

26. Вершина

Отними у человека все, но окажи моральную поддержку – и он моментально вспомнит о своем праве на жалобы и критику.

Хозяева Теней собрались на верхнем ярусе устремленной к небесам башни, в новой столице-крепости под названием Вершина, в двух милях к югу от Тенелова. То была необычайно мрачная цитадель, превосходящая размерами иные города. Ее массивные стены достигали ста футов в высоту. Всякая вертикальная поверхность была облицована плитами из шлифованной бронзы либо железа, на которых уродливыми серебряными литерами алфавита, известного лишь нескольким инкрустаторам, были запечатлены свирепые запреты и устрашающие проклятия.

Хозяева Теней встретились в зале, нисколько не отвечающем их любовью к сумраку. Сквозь прозрачные потолки и хрустальные стены лилось яркое солнце. Трое прибывших съежились в его лучах, даже укутанные в самые темнейшие из своих одеяний. Хозяин парил рядом с южной стеной, устремив взгляд вдаль и лишь изредка оглядывая зал. Он был намертво сосредоточен на своих мыслях.

Снаружи, за многие мили от башни, однако видимая с такой огромной высоты, лежала просторная, ровная долина, ярко блестевшая в лучах солнца – белая, как дно давно исчезнувшего моря.

Гости полагали, что страх и одержимость хозяина не сулят ничего, кроме опасности. Если только это не притворство, не маскировка, скрывающая смертоносный замысел… Однако сооружаемые им укрепления, надо отдать им должное, впечатляют, и сильно.

Крепость возводилась уже семнадцать лет, но пока еще была построена не более чем на две трети.

– Теперь снаружи спокойно? – Самый маленький из гостей – женщина говорила на том же языке, фразами из которого были испещрены крепостные стены.

– Днем всегда тихо. Но с приходом ночи… С приходом ночи…

Воздух словно почернел от страха и ненависти.

В своем бедственном положении хозяин винил гостей. Это они извлекли Тени из глубин и разбудили ужас, а затем бросили союзника перед лицом последствий.

Он повернулся к сидящим:

– Вы проиграли. И не в первый раз. Радиша продвигается на север. А Отряд, словно воплощенное возмездие, пересек болота и при этом не встретил мало-мальски серьезных препятствий. Эти воины идут куда хотят и делают что хотят. Они не то что не несут урона, но даже не замечают ваших жалких потуг. Они уже пересекли границу; они творят смуту на ваших землях. И поэтому вы пришли ко мне.

– Но кто же мог подозревать, что величайший – с нею? Его считали покойником…

– Глупцы! Будто он не мастер перемен и иллюзий? Вы обязаны были знать, что он дожидается их прихода! Как может такой чародей укрыться от всех глаз?

– Выходит, ты знал, что он там, но не предупредил нас? – насмешливо спросила женщина.

Хозяин отвернулся к окну. После долгой паузы он произнес вместо ответа:

– Сейчас они в пределах вашей досягаемости. На этот раз вы справитесь с ними?

– Всего лишь полсотни смертных…

– Вместе с ней. И с величайшим.

– Однако нас четверо. И каждый имеет армию. Вода в реках скоро спадет, и тогда десять тысяч воинов переправятся через Майн. Само имя Черного Отряда будет стерто в истории.

Паривший у окна исторг зловещее шипение, оно все нарастало, переходя в холодный, презрительный смех.

– Вот как? Не счесть, сколько раз пытались выполнить эту угрозу. Однако они выстояли. Уже четыре века держатся! Десять тысяч? Не смешите меня. Даже миллиона может не хватить. С ними сражалась северная империя – и не одолела.

Трое обменялись взглядами. Хозяин – само безумие. Безумие и одержимость. Когда угроза с севера будет уничтожена, он, пожалуй, разделит ее судьбу.

– Подойдите, – сказал он. – Взгляните вон туда, где призрак старой дороги змеится по долине к сияющим белым землям.

На тракте вращалось, свиваясь в спираль, нечто темное. Сгусток мглы, куда чернее их нарядов.

– Видите?

– Что это?

– Ловушка для Теней. Древние, великие и могучие, они идут через пробитые вами врата. Не чета игрушкам, подчиняющимся вашей воле. Я могу освободить эти Тени. Так и сделаю, если вы снова не справитесь.

Гости тревожно заерзали. Хозяин не давал пустых обещаний.

Словно прочтя их мысли, он расхохотался:

– Ключ к ловушке, братья, есть Имя мое. Если я буду повержен, ловушка рухнет и врата в мир останутся открытыми.

Он снова разразился хохотом.

Тот, кто больше помалкивал, злобно сплюнул и двинулся к выходу. Двое остальных, поколебавшись, последовали за ним. Говорить уже не о чем.

Безумный смех преследовал их, пока они спускались по бесконечной винтовой лестнице.

– Может быть, мы и не подчиним его, – подытожила женщина. – Но пока его внимание сосредоточено на юге, он нам не помеха. Впредь не стоит принимать его в расчет.

– Значит, трое против двоих, – проворчал ее спутник.

Шедший впереди согласно хмыкнул:

– Но есть еще тот, на болотах, и можно манипулировать его злобой, если сложится отчаянная ситуация. К тому же у нас имеется золото. Когда оно говорит свое веское слово, в рядах врагов непременно находятся нужные орудия. Правда же?

Ее смех звучал почти так же безумно, как тот, что доносился сверху.

27. Ночная гонка

Когда Мурген подъехал ко мне, я одарил его самым злобным взглядом из своего арсенала. Он все понял без слов. Слова будут позже.

Замявшись на секунду, Мурген сказал:

– Ты велел глаз с них не спускать…

Тут подъехал и Лебедь:

– Боги мои, ну и горазды вы ездить! Я уже в седле еле держусь. – Он показал небу непристойный жест. – Мы выехали через пять минут после вас, а вы пару привалов сделать успели – и все равно опережали! – Он покачал головой. – Железные ребята. Корди, я же говорил, что меня не для такой работенки сделали.

– А где все? – спросил Мурген.

– Не знаю. Мы попали в засаду и разделились.

Мэзер, Лебедь и Нож переглянулись.

– Маленькие такие, смуглые? – спросил Лебедь. – Сморщенные?

– Ты их знаешь?

– Да, встречались с ними на реке, по пути на север. Костоправ, есть одна идейка, надо бы обсудить. Только давай спрячемся от дождя, а то прострел меня доконает.

– Какой еще прострел? – спросил Мэзер. – Откуда у тебя прострел?

– Вышел из дому без шляпы да под дождик угодил. Нож, ты в прошлом году бывал в этих краях. Есть тут постоялый двор или что-нибудь в этом роде?

Нож, не отвечая, развернул коня и поехал вперед. Странный он тип, что ни говори. Однако Лебедь полагал, что с ним все в порядке, а сам Лебедь нравился мне – насколько может нравиться тот, кто работает на человека, играющего с тобой в непонятные игры.

Я хотел было тронуться вслед за всеми, но тут Мурген сказал:

– Постой-ка. Кто-то едет.

Я вгляделся в пелену дождя. С южной стороны к нам приближались трое верховых. Кони были так высоки, что не могли оказаться никем, кроме скакунов Госпожи. Лебедь выругался, раздосадованный, однако мы решили дождаться.

Во всадниках я узнал Крутого, Масло и роя Шадида. Этот последний был порядком потрепан, а Масло и Крутой – в крови.

– Чтоб вас обоих черт побрал! Никак без ранений не обойтись, да?!

Вот уже лет тридцать их знаю, они получают раны трижды в году и до сих пор живы. Поневоле заподозришь, что оба бессмертны, а за бессмертие платят своей кровью.

– Та засада, Костоправ, была прикрытием для другой, – объяснил Крутой. – Нас оттеснили в долинку – прямиком на второй отряд, конный.

Мой желудок сжался в тугой ком.

– И что?

Он криво улыбнулся:

– Пожалуй, им пришлось об этом пожалеть. Много мы там нарубили.

– Где остальные?

– Не могу знать. Мы разъехались. Госпожа велела нам с Шадидом двигать сюда и ждать. А сама взялась увести коротышек.

– Ладно. Нож, покажи наконец, где тут ближайшая крыша.

Мурген вопросительно посмотрел мне в глаза.

– Ага, – сказал ему я. – Пристроим этих, а сами отправимся.

Нож привел нас не на постоялый двор, а в большой дом, чей хозяин давал приют путникам. Наше появление не привело его в восторг, хотя он, как и все прочие в мире, знал, кто мы

такие. Однако блеск монет согнал с его лица мрачность и добавил улыбке любезности. И все-таки мне думалось, что принял он нас лишь из боязни применения силы в ответ на отказ.

Здесь я заштопал и перевязал Масло с Крутым и прописал им обычный режим, который они уже давно знали наизусть. Хозяин меж тем принес еду, за что Лебедь выразил ему нашу искреннюю признательность.

– Темнеет, Костоправ, – сказал Мурген.

– Вижу. Лебедь, мы едем искать остальных. Хочешь с нами – возьми запасную лошадь.

– Шутите? В такую мокреть да по собственной воле… Черт возьми… Ладно…

Он заворочался, поднимаясь с кресла.

– Сиди уж, Лебедь, – сказал Мэзер. – Я в лучшей форме, мне и ехать.

– Уговорил, красноречивый ты сукин сын, – немедля откликнулся Лебедь. – Не знаю уж, как ты этого добиваешься, дьявол сладкоголосый, но я тебе ни в чем не могу отказать. Будь осторожен.

– Вы готовы? – спросил Мэзер, слегка улыбнувшись.

– Ага.

Мы вышли наружу и оседлали подуставших коней. Я поехал вперед, однако скоро Шадид обогнал меня, сказав, что знает, куда ехать. День, стало быть, продолжался. Солнце почти скрылось. Погода стояла предельно мозглая. Чтобы отвлечься, я велел Мургену:

– Объясни-ка, что происходит.

– Корди расскажет лучше. Я-то просто увязался за ними.

Седалище рои, судя по заданному коню аллюру, не пострадало от езды. Я же изо всех сил боролся с нарастающим беспокойством. Старался убедить себя, что Госпожа уже большая девочка и была таковой еще при моем рождении; она способна за себя постоять. Однако мужчина во мне настойчиво твердил: раз это твоя женщина, именно ты должен заботиться о ней.

Что было полностью верно.

– Корди! Я знаю, ты с приятелями работаешь не на меня, у вас свои интересы, однако…

– Мне нечего скрывать, Капитан. До нас дошел слух, что несколько ваших собрались уезжать. Бабу это всполошило. Она решила, что вы намерены всей толпой переправиться через Майн и на собственном горьком опыте узнать, что собой представляют Хозяева Теней. А вы предприняли разведку. Она считала вас глупее.

– Это та старушенция, которую вы везли по реке? Радиша?

– Да. Мы называем ее Бабой. Нож навесил ей эту кличку, еще не зная, кто она такая.

– И ей было заранее известно о нашем отъезде. Интересно… Удивительные настали времена, господин Мэзер. В нынешнем году каждый узнаёт заранее, куда мы направляемся, тогда как мы сами еще ни сном ни духом. Тут и не захочешь, а занервничаешь.

Мы проезжали мимо деревьев. На одном я заметил ворону, до крайности грязную и растрепанную. Засмеявшись, я вслух выразил предположение, что сам выгляжу не лучше.

Спутники озадаченно уставились на меня. Я подумал: а может, создать себе новый образ? Безумцев боятся везде, и если хорошенько вжиться в роль…

– Эй, Корди, старый бродяга! Ты действительно ничего не знаешь об этих смуглых карликах?

– Знаю лишь одно: они пытались остановить нас по пути на север. Никто из нас раньше таких не видел. Они наверняка из Тенеземья.

– Но отчего Хозяева Теней так боятся нас? – Ответа я не ждал и не получил. – Корди, ты и твои друзья всерьез намерены одолеть их на благо Прабриндра?

– Я намерен всерьез. На благо Таглиоса. Здесь я нашел то, чего не мог найти нигде. И Лебедь тоже, но он в этом не признается, хоть ты его жарь на угольях. Насчет Ножа – не знаю. Во всем мире у него полтора дружка, и не было бы нас, не было бы и смысла ему жить. Куда мы, туда и он, все просто.

– Полтора?

– Лебедь – целый, а половинка – я. Кто-то бросил Ножа крокодилам, мы его выручили. Он обязан нам жизнью. Хотя с тех пор не считали, кто кого сколько раз спасал. Поэтому о Ноже я ничего не могу сказать наверняка. Он ни перед кем не раскрывается.

– А что творится вокруг нас? Или об этом тоже говорить нельзя?

– В смысле?

– Эти Баба с Прабриндра стараются заручиться нашей поддержкой против Хозяев Теней. Однако ведут себя очень странно. Хитрят, вместо того чтобы просто предложить сделку.

Пока он размышлял, мы успели проехать около мили. Наконец он сказал:

– Наверняка не знаю. Думаю, они поступают так потому, что Черный Отряд прежде воевал с Таглиосом.

– Я тоже так полагаю. Нам неизвестно, чем здесь занимались наши братья. И никто не выказывает желания просветить нас на этот счет. Похоже на всеобщий заговор молчания. Однако в таком большом городе должен найтись хоть один человек, которого можно подкупить…

– Да вы целый взвод таких подкупите, если поищете в верном месте. Все это будут жрецы, которые спокон веку режут друг другу глотки.

В его словах содержался намек, однако я не был уверен, что уловил.

– Хорошо, намотаю на ус. Но сомневаюсь, что со жрецами можно иметь дело.

– Они тоже люди. И тоже ведутся на блеф.

Я так вымок, что уже не замечал, как сгущаются сумерки. Наконец дорога сузилась в тропу, и теперь можно было ехать лишь колонной по одному. Корди с Мургеном пропустили меня вперед, причем Мурген шепнул:

– Кое-что узнал. Позже расскажу.

Я догнал рои Шадида и спросил, далеко ли еще. И всего-то день в пути, а вымотался я, как в недельном походе.

Тут кто-то выскочил на тропу, да столь неожиданно, что невозмутимая лошадь рои заржала и попятилась.

– Что за дьявольщина?! – заорал Шадид на своем родном языке.

Я понял его, поскольку еще в молодости запомнил несколько слов.

Сам я лишь мельком заметил зверя, похожего на громадного серого волка, со щенком-уродцем, примостившимся у него на загривке. Парочка тотчас скрылась, не дав нам шанса разглядеть ее получше.

Интересно, волки в самом деле таскают детенышей на спине?

Я рассмеялся почти истерически. Что за мысли, черт возьми? Не лучше ли подумать о том, бывают ли волки размером с доброго пони?

Подскакавшие Мурген с Корди спросили, что стряслось. Я ответил, что не знаю, поскольку больше не верю своим глазам.

Однако загадка отложилась в дальнем уголке сознания. Ей нужно было созреть.

Рои остановился в двух милях от того места, где нас ожидала первая засада. Вокруг уже ничего толком не было видно. Он спешился и принялся читать следы. Вскоре, что-то буркнув, двинулся налево, в сторону от дороги. По неким признакам то был путь, где они ехали с Крутым и Маслом.

Мы устремились за Шадидом.

Еще через полмили тропа спустилась в небольшую долину. Вдоль нее протекал узкий ручеек. Там и сям из земли выглядывали валуны. Деревья тоже росли поодиночке, без всякого порядка. Стемнело к тому времени настолько, что видимость была не более двадцати футов.

Вскоре мы наткнулись на тела.

Уж не знаю, что заставляло смуглых карликов идти на смерть, но полегло их великое множество.

Шадид снова остановился:

– Мы привели их с другой стороны. Вот здесь наш отряд разделился. Мы поехали сюда, а другие остались, давая нам оторваться.

Снова спешившись, он принялся обыскивать долину. К тому времени, как нашел след, уже совсем стемнело. Не успели мы покрыть и мили, мгла сделалась непроглядной.

– Может, вернуться и подождать? – предложил Мурген. – Что толку искать вслепую.

– Если хочешь, возвращайся, – зарычал я со злостью, удивившей меня самого. – А я останусь и обязательно найду…

Я не видел его в потемках, но подозревал, что он ухмыляется.

– Пожалуй, не стоит нам разделяться, – сказал он. – Иначе придется каждого искать поодиночке.

Та ночная езда по незнакомому пути – не самое умное из моих решений. Особенно если учесть, что поблизости болталась целая орда врагов. Но боги, должно быть, и впрямь берегут дураков.

Кони остановились, прядая ушами. Мой жеребец негромко заржал, а через секунду слева и спереди донеслось ответное ржание. Животные без понукания двинулись на звук.

Вскоре мы обнаружили Синдава и одного из его людей, они прятались под сделанным на скорую руку навесом из сучьев. Оба были ранены, причем Синдав – тяжело. Мы быстро переговорили, пока я накладывал швы и повязки. Оказалось, Госпожа велела им укрыться. В этом парням помогал Гоблин, пока погоня не унеслась на юго-восток. Раненые собирались утром двинуться на север.

Я объяснил, где следует нас ждать, и вернулся в седло.

Моя задница была совсем стерта, я еле держался верхом, однако что-то влекло меня вперед. Задумываться о природе этой тяги вовсе не хотелось, иначе пришлось бы жестоко высмеять себя за сентиментальность.

Никто не возражал, разве что Мэзер, похоже, малость усомнился в моем рассудке. Я слышал, как он шептался с Мургеном и тот велел ему заткнуться.

Я поехал впереди, бросив поводья и велев жеребцу искать коня Госпожи. Никогда не пытался определить степень разумности этих зверюг, однако попробовать стоило. Конь пошел шагом – чуть медленнее, чем мне хотелось.

Уж не знаю, сколь долго мы ехали. Не было возможности измерять время. Довольно скоро я задремал, потом резко проснулся и снова сомлел. Наверное, то же происходило и с остальными. Конечно, можно было всех, и себя в том числе, вздрючить, чтобы бодрствовали и бдели, но какой в том толк? Хотя, если подумать, толковые-то в деревне остались, в тепле, десятый сон видят…

Наконец сквозь полудрему я увидел, как впереди, в полумиле, озарился пламенем, словно взорвавшись, гребень холма. Секунда темноты, а после вспыхнуло еще несколько акров земли вместе с людьми и лошадьми. Магией разило так, что даже я почувствовал.

– Вперед, мой конь!

Было достаточно светло, чтобы отважиться на рысь.

Через минуту мы достигли участка земли, усеянного дымящимися, корчащимися телами. Смуглые карлики. Чертова уйма.

Пылающие деревья высветили во тьме мчащийся силуэт гигантского волка с волчонком, клыками и когтями вцепившимся в шкуру старшего.

– Что за дьявольщина?! – воскликнул Мэзер.

– Может, это Меняющий Облик? – предположил Мурген.

– Не исключено. Ведь он где-то рядом. Госпожа! – крикнул я в сторону полыхавших деревьев.

Пожар угасал под дождем.

Сквозь треск едва пробился звук, который мог быть ответом на зов.

– Где вы?

– Здесь!

Что-то зашевелилось среди россыпи мелких камней. Я спрыгнул с коня.

– Гоблин! Где ты, черт тебя подери?

То был не Гоблин. То была Госпожа. И я даже не видел, сильно ли ей досталось, – не хватало света. Но не было сомнений, что она ранена. И я повел себя не как врач, а как последний болван: присел, подхватил ее на руки и стал укачивать, словно младенца. Совсем из ума выжил.

Стоит человеку записаться в Отряд, и через минуту он начинает заниматься самыми бессмысленными вещами. Маршировка, боевые учения и прочая муштра приводят к тому, что в деле нужное действие выполняешь автоматически, без размышлений. Сознание отключается. А вот я не думал ни о чем и ничегошеньки, кроме утраты, не чувствовал. То есть и нужных действий не совершал.

Мое счастье, что хоть у товарищей мозги еще не сквасились.

Они набрали сухого хвороста, всучили мне лекарские снасти и, не стесняясь в выражениях, убедили не заниматься ерундой, а взяться за работу.

Впрочем, не так уж и безнадежна была Госпожа, как показалось мне в потемках. Несколько порезов, множество синяков и, судя по полубессознательному состоянию, нетяжелая контузия.

Выработанные многолетней практикой рефлексы одержали верх над чувствами, и я снова стал военным лекарем.

Вскоре и Мурген присоединился ко мне:

– Я нашел ее коня. Однако Гоблина – ни слуху ни духу. Как она?

– Лучше, чем выглядит. Травм хватает, конечно, но ничего критического. Скоро поправится.

В этот момент у Госпожи затрепетали ресницы, она взглянула на меня, узнала, обхватила руками и зарыдала.

Шадид что-то сказал, Мурген хмыкнул:

– Угу. Пойдем-ка Гоблина поищем.

Корди Мэзер соображал не так резво, но и он ушел с ними.

Успокоилась она, надо заметить, скоро. Все-таки не привыкла Госпожа, будучи Госпожой, вот так изливать чувства. Она отстранилась от меня:

– Прости, Костоправ.

– За что прощать? Ты была на волосок от гибели.

– Что произошло?

– Об этом я собирался спросить тебя.

– Они до меня добрались, Костоправ. Я думала, проскочим, но они точно знали, где мы. Карлики нас разделили, меня загнали сюда, а потом нападали десятками, пытались взять живьем. Это меня и спасло, наверное. А после – провал во времени. Как вы подошли, как их разогнали – ничего не помню…

– Мы их не разгоняли. Как я понял, тебя спас Меняющий Облик.

Я рассказал ей о внезапном пожаре и о волке.

– Может быть. Но я не знала, что он поблизости.

– Где Гоблин?

– Не могу сказать. Мы расстались примерно в миле отсюда. Он пытался сбить врагов с толку иллюзиями. Костоправ, мы сегодня убили человек сто. В жизни не видела таких бестол-

ковых. Но карлики все лезли и лезли… Куда бы мы ни бежали, везде натыкались на засады. Если вступали в бой, нас давили числом, и на место павших вставали двое новых… Как в кошмарном сне. Они словно чуяли нас, не выпускали из западни. – Она снова прижалась ко мне. – Здесь не обошлось без колдовства. Никогда еще мне не было так страшно.

– Ладно, все кончилось, больше нечего бояться.

Ничего умнее я придумать не смог. У меня успокоились нервы, и я снова вспомнил о том, что она – женщина.

В нескольких милях к востоку сверкнуло что-то вроде молнии. Но пока моросил этот дождь, никаких молний не наблюдалось. Я услышал перекличку Шадида, Мургена и Мэзера, а затем удаляющийся топот их коней.

– Наверное, там Гоблин, – сказал я, опираясь о землю, чтобы встать.

Она удержала меня, обняв крепче:

– Сами справятся.

Я взглянул на нее, но не рассмотрел лица – было слишком темно.

– Да, пожалуй.

И после секундного колебания я сделал то, чего она хотела.

Наконец, выбившись из сил, перекатился на бок.

– Слушай, в таком состоянии тебе…

– Заткнись, Костоправ.

И я, заткнувшись, вернулся к делу.

28. Снова разведка

О чем они только думают, эти безголовые боги?!

Я, понимаете ли, не из скорострелов, и Госпожа тоже, естественно, подустала… Словом, небо ни с того ни с сего разверзлось, точно кто-то вспорол ему брюхо ножом, и на нас обрушился мощный и холодный ливень. Да вдобавок ветер пару раз дохнул стужей – предупреждал, что дальше будет еще неприятней. Я, конечно, и так уже промок до нитки, однако…

Едва мы прекратили, стремясь найти какое-никакое укрытие, из тьмы ночной появился Мурген с остальными.

– Верно, – сказал он, – это был Гоблин, только, когда мы добрались, он уже смылся. – Подразумевалось, что я понимаю, о чем он говорит. – Костоправ, оно конечно, в Черном Отряде подобрались ребята железные, ни дождь, ни снег, ни черные шмакодявки не помешают выполнить то, что нам втемяшится в башку, но этот ливень меня допек. Сложности, вечно сложности – так ты выразился тогда в Курганье. Короче, с меня на сегодня хватит.

Меня тоже утомила непогода. Особенно сейчас, когда стихии разгулялись всерьез. И все же…

– Но как быть с Гоблином?

– А что с Гоблином? Давай, Костоправ, забьемся. Этот скверный поросенок сейчас в полном порядке. Ему куда лучше, чем нам. Споришь?

Вот вам образцовый случай, когда должность начальника особенно в тягость. И приходится делать выбор, который по всем ощущениям похож на поиск легкого пути. И кажется тебе, что ты ставишь удобство выше долга.

– Ладно, попробуем вернуться в деревню. Если дорогу найдем.

Я выпустил руку Госпожи. Мы принялись наскоро приводить себя в порядок. Ребята сделали вид, что ничего не замечают. Наверняка те, кто остался в Таглиосе, узнают обо всем еще до рассвета, уж не спрашивайте как. Слухи – штука такая.

Эх, черт возьми, жаль только, что слухи эти беспочвенны!..

С первыми серыми проблесками утра мы добрались до деревушки. Все страшно вымотались, даже наши сказочные скакуны. Мы с трудом запихнули их в конюшню, рассчитанную на полдюжины обычных лошадей, а сами отправились в дом. Я был уверен, что хозяин несказанно обрадуется постояльцам, судя по внешнему виду всю ночь валявшимся в грязи.

Однако старика мы не увидели. Вместо него из кухни выглянула пухленькая невысокая женщина. Она вытаращилась на нас, словно предположила набег варваров, но тут увидела Госпожу.

Облик Госпожи нисколько не уступал нашему, то есть был суров и грозен. Но принять ее за парня было невозможно. Старая клуша кинулась к ней, закудахтала по-таглиоссски, стала гладить по спине, и мне даже не понадобился толмач Корди, чтобы понять: «Ох ты, батюшки-светы, как же такое возможно…» и далее в том же духе. Мы проследовали за хозяйкой на кухню.

Там, развалившись в кресле, закинув ноги на полено, лежавшее у очага, и попивая что-то из громадной кружки, обуютился наш друг Гоблин.

– Попался, мерзавец! – воскликнул Мурген и ринулся к нему.

Гоблин аж подпрыгнул, но тут же пискнул:

– Костоправ!

– Ты где был, коротышка? Мы грязь месим, задницу его спасаем от разных бед, а он тут сидит, пунш потягивает!

Мурген загнал его в угол.

– Э-э! Не надо! Просто я сам сюда добрался! Так уж вышло!

– Где твоя лошадь? В конюшне ее не было, когда мы ставили туда своих.

– Да погода такая гнусная… Я с седла – и сразу в дом…

– А для лошади, значит, не гнусная? Мурген, вышвырни его на двор и не пускай обратно, пока не устроит ее как полагается.

Собственно, мы и сами проделали не все как полагается, однако под дождем коней не бросили.

– Корди! Когда старая курица устанет причитать над Госпожой, спроси, далеко ли до Майна.

– До Майна? Ты еще не…

– Я еще не. Только подхарчусь да сосну пару часиков. Надо доделать начатое. Твои приятели по каким-то загадочным резонам втягивают нас в свою игру, и мне это не нравится. И я, если только смогу, проведу Отряд, не встревая ни в чьи свары.

Он изобразил что-то вроде улыбки:

– Как пожелаешь. Хочешь разобраться – разбирайся. Только будь осторожен.

Вернулся Гоблин – сконфуженный, смирный и мокрый.

– Куда теперь пойдем, Костоправ?

– Куда шли. К реке.

– Пожалуй, я сберегу всем силы.

– Сомневаюсь, однако рассказывай. Ты что-то выяснил, пока искал приключений на свою задницу?

Его глаза сузились.

– Не бери в голову, – проворчал я. – Ночка далеко не лучшая в моей жизни.

– Да у тебя, Костоправ, вообще мало хороших ночек в последние годы, как и деньков. То ли несварение получил вместе с капитанской должностью, то ли еще что…

– Еще что?

Мы уставились друг на друга, и эти гляделки я выиграл.

– После того как мы с Госпожой разлучились, – начал он, – я проскакал полмили и смекнул, что смуглых провести не удалось. Если они не кинулись за мной всем скопом, значит у них где-то поблизости собственный колдун. Я и раньше это подозревал, вспомнить хотя бы, как они всюду поспевали за нами. Тогда решил: раз уж вернуться к Госпоже не могу, остается только выслеживать того, кто их направляет. Найти его оказалось чертовски легко, и карлики не помешали. Верно, решили оставить меня в покое, если я брошу Госпожу. Лишь немногие держались поблизости. Я развернулся и потратил на них одну заготовочку – берег для Одноглазого, хотел порадовать, когда он в следующий раз зарвется. Подождал, пока они перестанут дрыгаться, и прокрался на холм. Там наверху такая яма вроде чаши, и в этой чаше сидели вокруг костерка шестеро. Только было кое-что странное: никак не удавалось их разглядеть. Будто сквозь туман смотришь, черный такой. А еще была уйма… Теней, да, по-другому и не скажешь. Мелкие, иные не больше мыши. Так и роились вокруг, будто пчелы.

Говорил он так быстро, как только язык позволял, однако я чувствовал, что ему очень трудно описывать увиденное. Для этого не было подходящих слов, по крайней мере в языках, понятных нам, нечародеям.

– Наблюдая за ними, я сообразил, что они видели в пламени нас и посылали эти Тени сказать карликам, как до нас добраться и что с нами делать.

– Да ну?

– Пожалуй, тебе повезло, что днем не пришлось столкнуться с ними всерьез.

– Это верно. – Мне хватило и гонки за ходячим пнем. – А ворон ты там, часом, не видел?

– Ворон? – Его взгляд сделался странным. – Вообще-то, видел! Лежу это я, значит, в грязи, прикидываю, что из моих запасов сгодилось бы для этой шестерки, и тут откуда ни возьмись вороны, штук двадцать. А потом как полыхнет! Будто вместо воды тучи плеснули земля-

ным маслом. Отменно прожарились карлики! Только вороны эти, пожалуй, были не вороны. Понимаешь?

– Нет. Попробуй объяснить.

– Я и видел-то их всего секунду, но вроде они просвечивались насквозь.

– Да ты и так все насквозь видишь, – проворчал я.

Он снова как-то странно на меня поглядел:

– По-твоему, недобитые карлики теперь бродят по округе без всякого смысла? Точно щенки без хозяев?

– Я бы не сказал. Они не глупее нас с тобой. Уж всяко не глупее тебя. Просто лишились своего преимущества.

Хозяйка все еще хлопотала вокруг Госпожи. Устроила ей где-то помывку, позаботилась о ссадинах. Как будто Госпожа нуждалась в целебных мазях!

– И почему же теперь можно не ехать к Майну?

– Экий же ты нетерпеливый! Соизволь дослушать. Один из тех, кого я считал покойниками, остался жив и потащился по моему следу. Вижу, бредет и за башку держится, словно та норовит отвалиться. Я его и повязал. И еще изловил парочку бесхозных Теней. Отшлепал одну и послал к Одноглазому, сказать, что хочу позаимствовать у него бесеныша. А другую Тень научил, как разговорить карлика. Когда появилось маленькое чудовище, мы обстоятельно расспросили мою добычу.

– Так Жабомордый здесь?

– Нет, отправился назад. Они там трудятся в поте лица, у Могабы не забалуешь.

– Молодец Могаба! Значит, ты допросил карлика. И что узнал?

– Ну, смысла в его ответах не много. Эти смуглые – из города Тенелов. Точнее, из какой-то невообразимой сверхкрепости под названием Вершина. Командует ими один из Хозяев Теней, его кличут Длиннотенью. Этот самый Длиннотень снабдил шестерку, что сидела в яме на холме, Тенями, но мелкими и немощными, пригодными разве что на роль гонцов. Как я понял, есть у него в запасе и другие, покрупнее и позлее.

– Да-а… Чем дальше, тем забавнее. Тебе удалось выяснить, что вообще происходит?

– У Длиннотени есть какой-то план. Он и несколько ему подобных стараются не допустить Отряд до своих земель. Карликам неизвестно, чего так боится их начальство. Однако самый главный начальник ведет и собственную игру. Сдается, он поручил карликам поймать тебя и Госпожу и притащить в Вершину, где он, вероятно, предложил бы вам сделку. Такие вот дела.

Пока я слушал, у меня возникали вопросы, и накопилось их этак штук пятьсот. Я принялся их озвучивать, но Гоблин не знал ответов. Вернее, не знал допрошенный: большинство моих вопросов Гоблин успел ему задать.

– Ну так что? Пойдем к Майну?

– Да. Ты меня не разубедил. И эти коротышки тоже. Без своих кукловодов они нам не помеха. Или это не так?

– Наверное, так, – простонал Гоблин.

– Что же тебя смущает?

– Думаешь, я позволю вам туда ехать без прикрытия? А задница, чай, не железная.

Он растянул рот в лягушачьей ухмылке. Я улыбнулся в ответ.

По словам наших хозяев, до Годжийского брода, ближайшей и самой удобной переправы через Майн, было часа четыре езды верхом. Лебедь говорил, что на восьмидесятимильном отрезке Майна есть четыре брода: Терийский, Нумский, Годжийский и Ведна-Ботский. Терийский располагается выше всех по реке. За ним Майн течет по суровым крутобоким ущельям, слишком неудобным для военных операций. Хотя, по словам Гоблина, маленькие посланцы

Длиннотени прошли именно там, не желая привлечь к себе внимание остальных Хозяев Теней. И по дороге потеряли треть личного состава.

Ведна-Ботский брод, ближайший к морю, существует лишь в самые сухие месяцы.

Восемьдесят миль от Ведна-Боты до моря были совершенно непроходимы. Кстати, названия Ведна-Бота и Тери носили деревни, брошенные жителями во время прошлогоднего вторжения Хозяев Теней. Они так и остались пустыми.

Нума же с Годжей располагались за Майном, на таглиосской земле, ныне оккупированной врагом. Годжийский брод был основной переправой. Побывавшие там Лебедь, Мэзер рассказали мне все, что им было известно. Расспрашивая их о других переправах, я сделал забавное открытие: каждый из троих не знал самое меньшее одного брода. Ха-ха!

– Мы с Гоблином проверим Годжийский. Мурген, вы с Корди отправляйтесь к Ведна-Ботскому. Шадид с Лебедем – к Нумскому. Синдав с Ножом – к Терийскому.

Каждого из троих приятелей я послал в незнакомую ему сторону.

Корди рассмеялся. Лебедь нахмурился. А Нож… Интересно: если сунуть его ногами в огонь, отреагирует?

Мы разъехались. Госпожа, Масло, Крутой и солдат Синдава остались на постоялом дворе залечивать раны. Гоблин ехал рядом, но почти не разговаривал со мной – только высказал надежду, что уж сегодня погода не испортится. И, судя по тону, надежда была слабовата.

Лебедь сказал, что слышал, будто Хозяева Теней укрепляют южный берег Годжийского брода. Еще один признак того, что противник двинет основные силы туда. Мне очень хотелось, чтобы так оно и вышло. На картах местность выглядела – лучше не придумаешь.

Через два часа снова заморосило. Отличная погода для мрачных мыслей.

Если забыть про вчерашнее приключение, то можно радоваться жизни – меня в первый раз оставили в покое, позволив всласть предаваться унынию. Гоблин был нем как надгробие. Казалось бы, самое время завариться мрачным раздумьям по поводу взаимоотношений с Госпожой, однако она, противу ожиданий, никак не шла на ум. Вместо этого я принялся размышлять, во что же такое я втравил Отряд и влез сам.

Я стоял во главе, однако не командовал. С момента посещения монастыря вокруг происходили вещи, не поддававшиеся ни управлению, ни осмыслению. Пребывание в Гиэ-Ксле и плавание по реке только усугубили эту ситуацию. Теперь я чувствовал себя бревном, несомым бурным потоком. Очень слабо представлял, кто с кем что и для чего делает, однако сам барахтался в этой круговерти. Вся надежда на последнее отчаянное усилие, на неистовый рывок. Наверняка я знал одно: если позволю Прабриндра втянуть меня в свои дела, то примкну заведомо не к той стороне. Теперь я понял, что чувствовал Капитан, когда Душелов заманила нас на службу. Прежде чем начали подозревать, что совершили ошибку, мы уже дрались в Форсбергской кампании.

Наемнику нет надобности понимать, что происходит. Достаточно с него золота, которым платят за службу. Именно это вдалбливали мне в голову с того момента, как я записался в Отряд. Нет правых и неправых, нет добрых и злых, а есть только наши и не наши. Воинская честь – понятие для внутреннего потребления, она существует только во взаимоотношениях между братьями. Вне Отряда честь может состоять лишь в том, чтобы не обманывать нанимателя.

Впервые за века существования Отряда – и в основном благодаря моим стараниям – мы сражаемся главным образом за себя. Этот же контракт, если примем его, совпадет с нашими желаниями. Станет нашим орудием. Если я не потеряю голову и не собьюсь с пути, Таглиос со всеми своими таглиосцами поможет нам достичь цели.

Хотя на этот счет одолевали сомнения. Мне были симпатичны таглиосцы, особенно нравился их боевой дух. После великих потерь, понесенных в борьбе за независимость, они все

еще готовы сражаться с Хозяевами Теней. Которые, узнай я их поближе, вряд ли пришлись бы мне по сердцу.

Итак, еще не приступив к делу, я нарушил первое правило наемника и дал волю чувствам. Такой вот я глупец.

Проклятый дождь, казалось, затаил против нас личную злобу. Он не усиливался, однако от этого было не легче. К востоку же и к западу от нас виднелись просветы, явно означавшие чистое, солнечное небо. Боги, если только таковые существуют, видимо, организовали пакостную морось специально для меня.

Последние обитаемые места, встреченные нами по пути, лежали в шести милях от Годжийского брода. Далее попадались лишь заброшенные деревни, пустовавшие уже много месяцев. Хотя земли были неплохи. Значит, местные порядком напуганы, если бросили такие владения. Обычно для крестьян смена хозяина не слишком ощутима.

Видимо, те пять тысяч, что убежали на север и не вернулись, знали, от чего бегут.

Земля здесь была ровная как столешница, и дорога, хотя она и в хорошем состоянии, не предназначалась для передвижений войск. Никаких укреплений – ни рукотворных, ни естественных – на глаза не попадалось. Я и отдаленного их подобия нигде в таглиосских пределах не наблюдал. То есть бежать некуда и прятаться в случае катастрофы почти негде. И я проникся большим уважением к Лебедю со товарищи, решившимся совершить то, что совершили.

Глинистая земля, размокнув, превращалась в топкое месиво – сущее испытание для сил и терпения даже моего неутомимого скакуна. К сведению полководца: для битв надо выбирать ясные, сухие дни. И противников заказывать только слепых.

Однако в нашем деле приходится брать что дают…

– Ты чертовски мрачен сегодня, Костоправ, – заметил Гоблин после продолжительного молчания.

– Я? Да ты и сам не болтливей булыжника.

– Не нравится мне все это…

Признание не в стиле Гоблина. Оно означает, что колдун охвачен тревогой до кончиков ногтей на ногах.

– Думаешь, не справимся, если возьмемся?

Он покачал головой:

– Не знаю. Может, и справимся. У тебя всегда что-нибудь находится в загашнике. Только устали мы, Костоправ. Утратили вкус к таким делам. А что, если все сделаем как надо, пробьемся, дойдем до Хатовара – и в самом конце получим шиш?

– Ну, это с самого начала не исключалось. Я никогда не говорил, что непременно выйдет прок. Просто считаю, надо сделать дело, потому что я поклялся. А когда передам Анналы Мургену, то и с него возьму такую же клятву.

– Наверное, нам больше нечем заняться.

– Пройти до конца мира и обратно. Чем не занятие?

– Только насчет первой цели я как-то сомневаюсь…

– Я тоже, дружище. Анналы обрываются где-то между событиями в Гиэ-Ксле и Таглиосе. И сдается мне, таглиосцы что-то знают об этом. Но молчат. Надо бы испробовать на них старый отрядный трюк – двойную перетасовку…

В дожде, надо сказать, было и нечто положительное. Он снижал видимость. Я и не заметил, как позади остался гребень последнего холма и мы двинулись вниз, к Майну и Годжийскому броду. Часовые с южного берега сразу бы нас засекли, будь погода получше. Гоблин сориентировался первым:

– Приехали, Костоправ. Река – прямо здесь, внизу.

Мы осадили коней.

– Что на той стороне, чуешь?

– Люди. Не сказать, что очень бдительные. Только пара бедолаг на часах.

– Как думаешь, что это за войска?

– Увальни третьесортные. Будь у меня время, сказал бы больше.

– Время у тебя есть. Я пока поброжу вокруг и осмотрюсь.

Место оказалось именно таким, как мне рассказывали. Дорога отлого спускалась к броду, расположенному чуть выше излучины реки. За излучиной с нашей стороны в реку впадал ручей, хотя к нему пришлось подойти вплотную, чтобы убедиться – его загораживал взгорок. Берега ручья, как водится, заросли деревьями и кустами. По ту сторону дороги также был подъем, то есть она шла по дну неглубокой ложбинки. Выше брода река расширялась и плавно сворачивала к югу. С нашей стороны ее берег был высотой от двух до восьми футов и везде, кроме самого брода, закрыт растительностью.

Все это я облазил и осмотрел тщательнейшим образом, оставив коня на попечение Гоблина за холмами. Подобрался даже к самому броду и полчаса просидел в мокрых кустах, разглядывая укрепления на том берегу.

Нас явно не желали пропускать через брод. По крайней мере, без боя.

Неужели ожидали нашего появления? Почему?

При помощи старого триангуляционного приема я определил, что сторожевая башня крепости имела высоту примерно семьдесят футов, а затем попытался прикинуть, что можно увидеть с ее вершины. Закончил только к закату.

– Ну как, выяснил? – спросил Гоблин, когда я вернулся.

– Пожалуй. Однако результат не радует. Может, ты меня чем-нибудь обнадежишь? Как считаешь, сможем мы пробиться через брод?

– Ну разве что когда вода спадет. Если атакуем на рассвете и застанем их спящими…

– Когда вода спадет, они еще десять тысяч сюда пригонят.

– Значит, плохо дело?

– Угу. Пойдем поищем, где бы спрятаться от дождя.

– Если ты выдержишь обратный путь, то и я…

– Давай попробуем. Доедем, так хоть выспимся в тепле и сухости. Что ты думаешь о здешнем гарнизоне? Профессионалы?

– Да какое там. Просто крестьяне, переодетые солдатами. Ну, может, самую малость обученные.

– Верно, расхлябанность бросается в глаза. Но возможно, отборные войска тут и не нужны.

Прячась у брода, я высмотрел четверых. И они меня совсем не впечатлили. Как и фортификационные сооружения. У Хозяев Теней явно недоставало профессионалов для обучения солдат.

– А может, мы увидели то, что нам хотели показать?

– Не исключено.

Интересная мысль, стоившая, пожалуй, рассмотрения, тем более что как раз в тот момент я заметил пару здорово изгвазданных ворон на ветке ближайшего вяза. Оглянулся было в поисках пня – да черт с ним. Придет время, разберемся.

– Гоблин! Помнишь женщину Меняющего Облик?

– Ну да. А что?

– В Гиэ-Ксле ты говорил, что знакомо выглядит. Сейчас мне что-то такое в голову пришло… Пожалуй, ты был прав. Мы точно встречались с ней раньше. Но хоть убей, не могу вспомнить когда и где.

– А какая разница?

– Наверное, никакой. Просто мысль привязалась почему-то… Давай-ка здесь налево свернем.

– За каким чертом?

– Если верить карте, тут должен быть город Веджагедхья. Хочу взглянуть.

– Я думал, мы возвращаемся.

– Это всего на несколько минут.

– Ладно уж, – буркнул он.

– По всему выходит, без драки не обойтись. Надо изучить территорию.

Ответом было новое ворчание.

На ходу мы наскоро перекусили. Не часто со мной такое бывает, но в подобные минуты я завидую людям, которые обзавелись домом и женой.

За все нужно платить.

Мы ехали по земле призраков. Обихоженность была заметна повсюду, даже в наступивших сумерках. Некоторые из осмотренных нами домов выглядели так, словно их оставили только вчера. Но мы не встретили ни одного человека.

– Удивительно, что воры не протоптали сюда дорожку.

– Одноглазому этого не говори.

Я выдавил смешок.

– Жителям, наверное, хватило ума забрать с собой все ценное.

– Сдается, местные готовы платить любую цену… – В голосе моего спутника звучало уважение.

Я неохотно развил тему:

– А мне сдается, что Отряд – их последний козырь в игре с судьбой.

– Если ты им этот козырь сдашь.

Впереди показалась Веджагедхья. Некогда она могла вместить и тысячу жителей, а теперь была еще призрачнее окрестных деревень. В деревнях-то живность хоть и дикая, но встречалась. В городе мы заметили лишь несколько ворон, перелетавших с крыши на крышу.

Жители оставили двери незапертыми. Мы проверили пару десятков домов.

– Вот этот подойдет для штаба, – сказал я.

Гоблин крякнул и через некоторое время спросил:

– Стало быть, решился?

– Да, едва оценил обстановку – решение она приняла за меня. Однако подождем, что скажут остальные.

Мы поехали на север. Гоблин опять молчал, словно заперся на замок. У меня появилось время поглубже осмыслить мою нынешнюю роль Капитана и, возможно, будущую – полководца.

Если ничего другого не остается, как вести на битву целый народ, надо выставить условия. Я не позволю таглиосцам оценивать и обсуждать мои распоряжения. Хватит и того, что подобное безумство допускали мои предшественники. Если уж удалось подцепить меня на крючок, я еще потаскаю рыбаков за леску.

Я стану военным диктатором. Можно это назвать как-нибудь помягче, но ведь суть не изменится.

Да, именно так. Я, Костоправ, бродячий лекарь и историк-любитель, вполне способен на все те мерзости, за которые с младых ногтей презирал сильных мира сего…

Отрезвляющая мысль.

Если мы заключим сделку с городом и я получу то, что затребую, первый же приказ будет адресован Хрипатому: ни на шаг от меня не отходить и постоянно напоминать, что я всего лишь простой смертный. Хоть какой-то выйдет прок от него.

Едва мы приехали в деревню, дождь кончился.

Нет, боги явно питают ко мне особую любовь!

29. Убежище Копченого

Копченый восседал на высоком табурете, склонившись над огромным древним фолиантом.

Комната была полна книг. Казалось, некая книжная волна затапливала ее, оставив после себя приливные водоемы. Книги не только стояли на полках – они грудами лежали на полу, на столах и креслах и даже на подоконнике узкого высокого окна.

Копченый читал при свете единственной свечи. Воздух был так густо насыщен дымом, что глаза слезились, а из носу текло.

Порой Копченый бурчал что-то под нос и левой рукой – так как был левша – делал заметки на клочке бумаги.

Во всем дворце не было комнаты, лучше защищенной от слуха и взора посторонних. Копченый сплел множество колдовских паутин и возвел целые стены из заклинаний, дабы обеспечить покой. Предполагалось, что об этой комнате не узнает никто. Ее не было ни на одном из чертежей дворца.

Копченый почувствовал, как что-то очень легкое, не тяжелее комара, дотронулось до внешних защитных чар. Прежде чем он успел уделить этому больше внимания, прикосновение пропало, так что он даже не смог проверить, не почудилось ли. После того случая с летучими мышами и воронами у него здорово усилилась мания преследования.

Интуиция подсказывала, что осторожность отнюдь не повредит. В дело включились силы, превосходящие его возможности. Лучшим оружием самозащиты был простой факт: о его, Копченого, существовании никто не ведает.

Он от души надеялся на это.

В последние дни он натерпелся страху. Смертельные опасности таились кругом, в каждой тени.

Дверь отворилась. Он взвизгнул, подскочив на табурете.

– Копченый!

– Ты напугала меня, Радиша.

– Копченый, где они? От Лебедя никаких вестей. Неужели ушли насовсем?

– Оставив здесь бóльшую часть своих? Имей терпение, Радиша.

– Мое терпение иссякло. Даже брат уже беспокоится. Через считаные недели спадет вода.

– Я знаю, княгиня. Сосредоточься на возможном, а не на желаемом. К этим людям были применены все имеющиеся средства, но нам так и не удалось склонить их к сотрудничеству.

Радиша пихнула ногой груду книг.

– Впервые в жизни чувствую себя совершенно беспомощной. И мне не нравится это чувство.

Копченый пожал плечами:

– Добро пожаловать в мир, где все мы, прочие, обитаем.

Крошечное – не шире булавочного острия – отверстие в верхнем углу комнаты вдруг принялось источать черный дым. Вскоре он принял форму маленькой вороны.

– Чем заняты остальные?

– Военными приготовлениями. На всякий случай.

– Интересно… Тот черный офицер, Могаба… Он способен стать настоящим Капитаном?

– Нет. Зачем?

– Могаба делает то, чего хочется мне. Как будто он не прочь служить нам.

– Его действия разумны, Радиша. Капитан вернется, убедившись, что Черный Отряд не сможет тайком улизнуть, а здесь уже многое будет готово.

– К чему он готовится? К бегству обратно на север?

– Ну конечно!

Радиша заметно встревожилась.

– Как насчет того, чтобы быть с ними откровенной? – улыбнулся Копченый. – Ты не думала об этом?

От ее взгляда колдуна пробрал холод.

– Конечно не думала. Князья так не поступают. Логичность, честность, прямота – все это слишком просто.

– Наглеешь, Копченый.

– Возможно. Но помнится, я получил от твоего брата полномочия; тебе тоже следует иногда об этом вспоминать…

– Довольно!

– Эти солдаты не притворяются, Радиша. Они в самом деле ничего не знают о прошлом своего Отряда.

– Мне это известно. Но какая разница? Они могут стать такими же, какими были те, – могут, если мы позволим. Но лучше опуститься на колени перед Хозяевами Теней, чем еще раз такое вытерпеть.

– Как тебе будет угодно. – Копченый пожал плечами и лукаво улыбнулся. – И возможно, как будет угодно Хозяевам Теней.

– Ты что-то узнал?

– Необходимость оставаться незамеченным связала меня по рукам и ногам. Но мне удается следить урывками за приключениями наших северных друзей. На них насели наши маленькие друзья с реки. Вблизи Майна творятся ужасные вещи.

– Колдовство?

– Да еще какое! Помнишь слухи о столкновении Черного Отряда с речными пиратами по дороге в Обмолот? Сейчас я просто не посмел продолжать слежку.

– Проклятье! Тысяча проклятий!!! Так что же, они выкарабкались? Или мы их потеряли?

– Говорю же, я не рискнул наблюдать дальше. Время покажет.

Радиша в бешенстве пнула еще одну груду книг. Невозмутимое дотоле лицо Копченого исказилось в гримасе раздражения.

– Извини, – сказала Радиша. – Я просто устала.

– Как и все мы. Возможно, тебе будет легче, если умеришь свои амбиции.

– О чем ты?

– Советую действовать, как твой брат, то есть покорять одну вершину зараз…

– Что? Неужели только у меня, женщины, здесь есть яйца?

– С женщины не спросят за неудачу. Расплачиваться придется твоему брату.

– Будь ты проклят, Копченый! Почему всегда оказываешься прав?

– По условиям контракта. Отправляйся к брату. Поговори с ним. Пересмотри планы. Сосредоточься на враге сегодняшнем. Хозяева Теней могут уйти, жрецы никуда не денутся. Конечно, если ты не захочешь разделаться с ними любой ценой – даже ценой капитуляции перед Хозяевами Теней.

– Вот бы обвинить хоть одного из верховных жрецов в измене… Ладно, я понимаю. Хозяева Теней показали, что знают, как надо поступать со священниками. Но, кроме меня, этого никто не заметил. Когда наберешься смелости, выясни, что произошло. Если люди из Черного Отряда погибли, нам придется действовать быстро. Этот треклятый Лебедь поехал за ними следом?

– Ты сама его послала.

– И что, всякий мой приказ будет беспрекословно выполняться? Иногда я говорю такие глупости… Прекрати ухмыляться!

Копченому это не удалось.

– Пни еще раз книги.

Разгневанная, Радиша вышла из комнаты.

Копченый со вздохом вернулся к чтению. Автор книги с любовью, пространно описывал сажание на кол, сдирание кожи и прочие пытки, с которыми довелось познакомиться несчастному поколению, что жило во времена Вольных Отрядов Хатовара, пришедших из таинственной страны, которая их породила.

В этой комнате хранились книги, конфискованные у горожан, чтобы не попали в руки Черного Отряда. Однако Копченый сомневался, что сможет долго держать их в секрете. Надеялся лишь выиграть время и предотвратить повторение давних кровопролитий.

Но больше всего он надеялся на то, что Отряд изменился. Что не просто нацепил безобидную маску. Что на самом деле забыл свое мрачное прошлое, а поиски корней – скорее неосознанное инстинктивное побуждение, нежели осмысленное движение к цели, как было с другими, уже вернувшимися раньше в Хатовар Отрядами.

Где-то в дальнем уголке разума постоянно шевелилось, не давая покоя, искушение последовать собственному совету, привести Капитана в эту комнату – и пусть он роется в книгах. Просто хотелось посмотреть, как он воспримет истину.

30. Таглиос пробуждается

Мы достигли Таглиоса через день, на рассвете. Все до предела вымотались, причем Лебедь с приятелями чувствовали себя еще хуже остальных. Их простые, не чета нашим, лошадки были совсем загнаны. Я спросил Лебедя:

– Думаешь, Прабриндра бесит моя непунктуальность?

В Лебеде еще осталось немного перцу.

– А что он может? Клопов тебе за шиворот насыпать? Проглотит и не поморщится. Ты не его, ты Бабы бойся. Эта может устроить неприятности. И мозги у нее не всегда в порядке.

– Жрецы, – сказал Нож.

– Ага. И жрецов берегитесь. С того самого дня, как вы прибыли, вся эта каша заваривается для них. Они пока ничего не могут противопоставить, но думать об этом – думают, хоть на собственную задницу закладывайся. Как найдут возможность, так и начнут путаться под ногами.

– А почему Нож их так не любит?

– Не знаю. И знать не желаю. Однако я тут довольно долго, и так полагаю, он прав. Утопить бы хоть половину этой сволочи – мир стал бы лучше.

Что делало наше положение просто невообразимым с военной точки зрения, так это полное отсутствие оборонительных сооружений. Таглиос раскинулся по своим землям слишком уж вольготно, а фортификаций не было и в помине.

Народ с вековой историей пацифизма… И враг с обученными армиями, поддерживаемыми мощной магией. А у меня месяц на раздумья, как помочь первому одолеть второго.

Нет, невозможно. Немыслимо. Когда вода в реке спадет настолько, что неприятелю удастся переправа, выйдет просто-напросто бойня.

– Так ты уже решил, как поступить? – спросил Лебедь.

– Ага. Хотя Прабриндра мое решение не понравится.

Ответ его удивил, но я не стал ничего объяснять. Пусть понервничает.

Отведя своих в казармы, я велел Лебедю пойти и объявить о нашем возвращении. Не успели мы слезть с седел, как вокруг собралась половина Отряда. Все ждали, что мы скажем.

– Кажется, Гоблин что-то задумал, – произнес Мурген.

Нашего маленького колдуна что-то угнетало, всю дорогу домой он был мрачнее тучи. Теперь же Гоблин ухмылялся, копаясь в своих сумах.

Ко мне подошел Могаба:

– Мы немало сделали в ваше отсутствие, Капитан. Я доложу подробно, когда вы будете готовы выслушать.

Своего вопроса он так и не задал. Но я не счел нужным тянуть с ответом.

– Пробраться тайком не сможем, нас обложили. Надо либо принимать бой, либо поворачивать назад.

– То есть выбора нет?

– Пожалуй, с самого начала не было. Но следовало в этом убедиться.

Он понимающе кивнул.

Прежде чем заняться делами, я осмотрел раненых. Госпожа оправилась быстро, хотя синяки ее не украшали. Странно я себя чувствовал, осматривая ее. Она почти не разговаривала со мной с той ночи, когда мы мокли под дождем. Снова ушла в затяжные раздумья.

Могаба многое поведал мне о спорах с религиозными лидерами Таглиоса и поделился соображениями насчет того, как привести армию хотя бы в минимальный порядок. Ничего заслуживающего неодобрения я в его докладе не нашел.

– И еще одно, – сказал он. – Жрец по имени Джахамарадж Джа – второе лицо в культе Шадара. У него есть дочь, и она, похоже, умирает. Это шанс обзавестись другом.

– Или нажить злейшего врага.

Нельзя недооценивать человеческую неблагодарность.

– Одноглазый осмотрел ее.

Я взглянул на нашего ведуна-недомерка.

– По-моему, аппендикс шалит, – пояснил он. – Далеко пока что не зашло, но ведь здешние шуты ни бельмеса не смыслят. Пытались демонов из нее изгонять.

– Я уже много лет никого не вскрывал. Когда должно быть прободение?

– Самое раннее – завтра, если только ничего не случится. Боль я как мог унял.

– Буду возвращаться из дворца, погляжу. Сделай мне карту… Нет, лучше езжай со мной. Можешь пригодиться.

Мы с Могабой оделись для визита во дворец. Госпожа должна была сделать так же.

Лебедь, еще даже не умывшийся с дороги, пришел, чтобы сопроводить нас к князю. Мне же не хотелось ничего на свете – упасть бы да заснуть мертвым сном. Я вовсе не был расположен к политическим игрищам. Однако поехал.

Народ Трого Таглиоса как-то прознал, что близок момент принятия решения. Едва ли не все вышли на улицы, чтобы поглядеть на нас. И они хранили неестественное молчание, отчего мне сделалось не по себе.

В глазах, устремленных на нас, ясно читался ужас, но была и надежда. Все понимали, сколь велик риск. Может, даже сознавали, как малы шансы. Жаль только, им было невдомек, что поле боя – не борцовский ринг.

Во всеобщей тишине заплакал ребенок. Я вздрогнул и попытался себя убедить, что это не знамение. А когда мы подъезжали к Трого, из толпы выступил старик, вложил что-то мне в руку и с поклоном отошел назад.

То была наша прежняя отрядная эмблема. Офицерская кокарда; возможно, трофей какой-то забытой битвы. Я укрепил ее рядом с той, которую уже имел, – огнедышащим черепом Душелова, еще сохранившимся у нас, хотя мы более не служили ни Взятым, ни империи.

Мы с Госпожой облачились в самое лучшее: на мне все регалии имперского посланника, а Госпожа в своем царственном наряде. Толпа была впечатлена. Могаба рядом с нами выглядел тускло. А уж Одноглазый вовсе казался огрызком, извлеченным со дна самой грязной свалки. Да еще его шляпа, будь она проклята. Но он был вполне доволен собой.

– Зрелищность, – повторила Госпожа мою же старую максиму, хотя и придав ей несколько иной смысл, – это мощнейшее оружие как в бою, так и в политике.

Она понемногу оживала. Я уж думал, смуглые карлики совсем лишили ее воли к жизни.

Госпожа права, зрелищность и ремесло – вот наши инструменты, и не только в традиционном смысле. Если мы намерены выступить против бывалых армий Хозяев Теней, то прежде нужно одержать победу над воображением каждого неприятельского солдата. Не один век требуется на создание войска, настолько уверенного в себе, чтобы идти в бой, когда нет даже малейшего шанса на победу.

Несмотря на наше опоздание, Прабриндра Дра встретил нас весьма гостеприимно. Сначала был роскошный обед, какой вряд ли повторится в моей жизни, а потом представление. Танцовщицы, глотатели мечей, иллюзионисты, музыканты, чье искусство я не берусь оценить по достоинству, слишком уж чуждое оно для моего слуха… Князь не торопил нас с ответом, поскольку был уверен в нем. Пока длился пир, Лебедь представил мне кое-кого из таглиосской знати, включая и Джахамараджа Джа. Последнему я пообещал осмотреть его дочь, как только освобожусь, и меня смутила отразившаяся на его лице благодарность.

Больше я не уделил этим людям внимания, ибо не имел охоты обстряпывать какие-либо сделки.

И вот время пришло. Нас пригласили в тихий кабинет, подальше от глаз и ушей придворных. Поскольку со мной прибыли два помощника, Прабриндра тоже захватил с собой двоих. Одним оказался тот самый чудак Копченый, его князь представил по титулу. В переводе: шеф стражей общественной безопасности. Как выяснилось, это означает «начальник городской пожарной команды».

Только Одноглазый не сумел удержать на лице серьезное выражение.

Вторым помощником Прабриндра была его загадочная сестрица. Когда они предстали передо мной вместе, бросилось в глаза, что женщина постарше и явно покруче. Даже принарядившаяся, она выглядела как заезженная ломовая лошадь.

Когда Прабриндра спросил о моих спутниках, я представил Могабу как командующего пехотой, а Госпожу – как начальника штаба. Князь был потрясен, узнав, что женщина может быть солдатом. Небось упал бы в обморок, узнав ее подлинную историю.

Госпожа и бровью не повела, услышав о своей новой должности. Скорее для нее, чем для Прабриндра, я сказал:

– В Отряде никто лучше ее не подходит для такой службы. На каждую должность назначается наиболее достойный человек – и это не относится разве что к Капитану.

Переводивший Лебедь скомкал конец ответной фразы Прабриндра, содержавший, вероятно, неохотное согласие. Ему самому, похоже, штаб заменяла сестра.

– Давай к делу, – сказал я Лебедю. – Если мы намерены отразить нападение, времени у нас в обрез.

Тот улыбнулся:

– Значит, собираешься принять заказ?

Ты же, шакал, в этом ни минуты не сомневался.

– Придержи свои надежды, парень. Я хочу сделать встречное предложение, и обсуждаться оно не будет.

С его лица сошла улыбка.

– Не понял.

– Я провел рекогносцировку. Поговорил со своими людьми. Несмотря на ситуацию, многие хотят продолжать путь. Мы знаем, как достичь Хатовара. И потому решили взяться за работу, предложенную вашим князем. Но только на наших условиях. Объясни ему это, а затем я перейду к плохим новостям.

Лебедь перевел. Прабриндра услышанное не обрадовало. Его сестра выглядела так, словно вот-вот кинется в драку. Лебедь обратился ко мне:

– Выкладывай.

– Раз уж я вынужден набирать армию из всякого мусора и командовать ею, мне нужна соответствующая власть. Главным должен быть я, чье-либо вмешательство недопустимо. Никаких политических свар. Никакой межкультовой розни. И даже никакой княжьей воли, пока длится война. Не знаю, имеется ли подходящее таглиосское слово, да и в розеанском такого не помню. В Драгоценных городах нужные мне полномочия называют диктаторскими. Диктатора там выбирают при необходимости, обычно на год. Переведи.

Осчастливил ли я своим предложением Прабриндра? Еще бы! Любой правитель в такой ситуации был бы на седьмом небе. Князь ловчил, крючкотворствовал, морочил мне голову всевозможными «если», «также» и «но». Я лишь улыбался в ответ.

– Лебедь, я уже сказал, что торга не будет. И я не шутил. Единственный шанс победить – сделать все необходимое в надлежащие сроки. Да улягутся все страсти, да учтутся все интересы, да раздадутся все подачки.

Впервые на физиономии Могабы я видел такую улыбку – без преувеличения от уха до уха. Наверное, он сам мечтал в подобном ключе разговаривать с властями Гиэ-Ксле.

– Мне известно, – продолжал я, – что через пять недель вода в Майне спадет и Хозяева Теней смогут переправить войска на другой берег. Внутренних проблем, способных помешать вторжению, у них нет. У противника все преимущества – за исключением Черного Отряда. Итак, если Прабриндра намеревается или хотя бы надеется одержать верх в этой борьбе, он должен предоставить мне необходимые средства. Если нет – остается только распрощаться и поискать другой путь в Хатовар. Самоубийство не входит в наши планы.

Лебедь перевел. Мы сидели молча, напустив на себя упрямый, неподатливый вид, как и полагается крепким профессионалам. Госпожа с Могабой были на высоте. Я боялся сорваться, но нервы выдержали. Прабриндра не рискнул проверить мой блеф на прочность. Да, он спорил, но не перегнул палку, не заставил меня орать и топать ногами. Я не отступил ни на дюйм. Поскольку искренне верил, что единственный, да и то призрачный шанс даст только абсолютная военная диктатура. И благодаря Жабомордому был мало-мальски осведомлен о настроениях таглиосской знати.

– Слышь, Лебедь, похоже, эти ребята влипли куда сильнее, чем хотят показать.

– Что? – Он нервно покосился на беса.

– Твой хозяин не пытается меня уговорить. Он хитрит, ерзает и тратит время на политическую демагогию. Такое впечатление, что перепуган до смерти. Вроде и согласен со мной, но не хочет выбирать из двух зол. Ему ведь потом жить с выбранным.

– Пожалуй, ты прав. Хозяева Теней не забыли, что́ мы им устроили прошлым летом. Они придут с самыми серьезными намерениями. Накажут нас так, чтобы другим было неповадно.

– Мне нужны все участники того дела, пусть командуют взводами. Конечно, если главнокомандующим буду я.

– В таглиосском языке есть архаичное слово, по смыслу что-то вроде воеводы. Твои условия будут обсуждаться на совете, так что стой на своем. Высшим жрецам это не понравится, однако выбирать им не из чего. Хозяева Теней в случае победы первым делом сотрут в порошок жрецов. Поэтому князь может продавить любую сделку. Знать тебе тоже не помеха: она трясется за свою шкуру. А вот после того, как победишь, тебе придется туго.

Итак, все, что от меня требуется, – это сидеть и не поддаваться. О чем Жабомордый предупредил меня еще перед выездом на совещание.

Треклятый бес ухмыльнулся и подмигнул.

Время шло к ночи, и пора уже было подкрепиться, однако мы были заняты составлением плана.

В первый раз после Можжевельника Отряд получил настоящий заказ.

Либо я принимаю желаемое за действительное.

Прабриндра поинтересовался, как я намерен действовать. Он вовсе не был дураком. Знал, что Могаба работает по двадцать часов в сутки.

– Надо устроить большое красочное представление для банды, что переправится через Майн. Ну и на будущее, которое может оказаться нелегким, навербовать и обучить побольше рекрутов. Когда займемся этим вплотную, посмотрим, какими ресурсами мы располагаем и как их лучше использовать. Очистим Таглиос от вражеской агентуры и постараемся заслать к противнику свою. Изучим вероятные места боевых действий. Лебедь, тут все твердят о том, что до спада воды в реках осталось мало времени. А сколько вообще длится этот спад? Когда следующий разлив?

Он перевел мои слова, затем сказал:

– Шесть-семь месяцев не будет дождей, и даже когда зарядят, броды просуществуют еще два-три месяца.

– Чудесно. Мы прибыли в разгар безопасного сезона.

– Верно. Может, у нас и больше пяти недель. Пять – это самый минимум.

– Значит, можно на них твердо рассчитывать. Скажи князю: нам понадобится большая помощь государства. Оружие, доспехи, лошади, продовольствие, подводы и прочее. Необходима перепись всех мужчин от шестнадцати до сорока пяти, с указанием профессий и состояния здоровья. Я должен знать, кого призвать на службу, если не хватит добровольцев. Неплохо бы переписать и коней, а также все наличное оружие и снаряжение. Кроме того, мне нужен перечень фортификационных сооружений и построек, которые можно использовать в качестве таковых. Обо всем этом ты должен знать с прошлого лета. На местном языке писать умеешь?

Лебедь перевел и ответил:

– Нет, азбуку так и не постиг. Вообще-то, я и по-розеански никогда не учился. – Он ухмыльнулся. – И Корди тоже.

– А Нож?

– Шутишь?

– Чудесно. Так найди того, кто умеет. Если он окажется соглядатаем Радиши – ничего, двух зайцев убьем. Оба будете при мне постоянно, пока я не выучу язык. Ладно… Что мне от князя нужно сию минуту: оповестить жителей, что сбор добровольцев состоится на площади Чандри завтра, через час после рассвета. – (Площадь, одна из самых больших в Таглиосе, находилась поблизости от наших казарм.) – Пусть захватят любое оружие и амуницию, у кого есть. Двадцать пять тысяч начнем учить сейчас же, остальных наберем позже.

– Не слишком ли ты оптимистичен?

– А что? Мне казалось, местные прямо-таки рвутся на войну…

– Это так. Но завтра у гуннитов священный праздник. Культ Гунни исповедуют четыре десятых всей бедноты. Сами работать не будут и другим не дадут.

– Что еще за праздники в военное время? Надо сейчас же про них забыть. Кто не явится сразу, тем придется тяжелее. Отстанут от прочих. Пусть князь оповестит об этом население. Но все рекруты начнут с самого низа. Даже он сам, если запишется добровольцем. Здешней классовой структуры я не знаю и знать не хочу. Самого князя поставлю рядовым копейщиком, а пацана с фермы – командовать легионом, если справится лучше.

– Такой подход может создать трудности, Капитан. Если даже тебя выберут богом, с жрецами надо поосторожнее.

– С ними я разберусь, коли потребуется. И с политиками управлюсь. Когда нужно, я могу и руки выкручивать, и по шерстке гладить, хотя обычно этим не занимаюсь. Скажи князю: пусть поошивается в моем штабе. Все пойдет глаже, если наши будут думать, что он участвует в деле.

Лебедь заговорил с князем. Радиша испытующе воззрилась на меня и улыбнулась, что означало: она понимает, что у меня на уме. Бесенок в моем характере заставил меня подмигнуть.

Ее улыбка сделалась шире.

Я решил, что о ней стоит разузнать поподробнее. Нет, не оттого, что она меня привлекала, просто ее образ мыслей мне, пожалуй, нравился. Люблю людей со здоровой долей цинизма.

Ну а старина Копченый, так сказать, местный брандмейстер, весь вечер только и знал, что кивать да не засыпать. Я, будучи циником, отвел ему должность уполномоченного по связям с общественностью. Вообще, лучшие начальники – те, кто держится в стороне и не лезет с советами. Конечно, к моей собственной персоне это не относится.

– На сегодня осталось только одно, – сказал я Лебедю, – финансовая часть. Черный Отряд обходится недешево. Как и набор, вооружение, обучение и содержание армии.

– Все будет оплачено, Капитан, – ухмыльнулся Лебедь. – Они сразу, как только ваше появление было предсказано, принялись копить деньги. Тут проблем не возникнет.

– Тут они всегда возникают.

Он разулыбался:

– Ты потратить этого всего не сможешь. Считай, бочка с деньгами – бездонная. В Таглиосе казной распоряжается Баба, которая всем известна своей бережливостью.

– Хорошо. Спроси князя, что он еще желает узнать прямо сейчас. У меня много дел.

Последовала говорильня еще примерно на час. Ничего важного: просто Прабриндра с Радишей пытались вызнать мои намерения, составить представление о моем характере и компетенции. Передавать чужестранцу власть над жизнью и смертью в масштабах государства – для них было словно рискованная затяжная игра. Пожалуй, организую я кое-что в помощь их тайным планам.

Я дошел до крайней точки нетерпения, однако был горд собою. Наконец-то я управляю положением!

По дороге домой, без всяких толп вокруг, в ночной темноте я спросил Госпожу:

– Мы можем рассчитывать на помощь Меняющего Облик?

– Он сделает то, о чем я попрошу.

– Точно?

– Голову на отсечение не даю… но, пожалуй, сделает.

– Может он провести разведку в землях Хозяев Теней? Оборотившись во что-нибудь летающее?

– Может, – улыбнулась она. – Только ему не хватит сил везти на спине тебя. Я же знаю твою натуру – ничьим донесениям, кроме собственных, не веришь.

– Н-ну…

– Здесь придется рисковать, дабы не упустить никаких шансов. Доверься ему, насколько сможешь. Если я буду командовать им, он будет служить мне. Однако он мне не раб. Теперь у него есть собственные цели. И они могут не совпадать с твоими.

Я решил, что представляется удобный случай проникнуть в то, вокруг чего я брожу с тех пор, как застал ее играющей с огнем в чашке, в виду Гиэ-Ксле.

– Ну а твой возобновившийся дар?

Застать ее врасплох не удалось.

– Шутишь? Я, может быть, справлюсь с Гоблином, если подползу поближе и тресну его молотком. В остальном от меня – никакой пользы. Конечно, даже крохотный талант может быть полезен, коли его развить. Но у меня нет времени упражняться.

– Я думаю, каждый просто сделает все, на что годен.

В разговор вступил Могаба:

– У меня есть идея насчет решения проблемы религиозных трений. По крайней мере, временного решения.

– Кстати, о религии. Надо резать дочурку того жреца. Одноглазый, мне понадобится твоя помощь. Могаба, излагай.

Его идеи его были ясны и прямолинейны. Мы можем создать собственную армию, наплевав на все религии, и с нею встретить противника на главном направлении. Можем также вдохновить религиозных лидеров на формирование собственных армий, дабы противостоять возможным атакам со второстепенных переправ. Однако ни за что нельзя отдавать в чужие руки полномочия верховного главнокомандующего.

Я рассмеялся:

– Такое ощущение, что ты хочешь добиться повторения прошлогоднего краха, когда…

– Ничто не разоружит их так надежно, как провал и демонстрация полной некомпетентности. Я считаю, мы должны предоставить им такую возможность.

– Что ж, это может сработать. Составь опросник для новобранцев, чтобы выяснять их культовые обеты, веротерпимость и прочее в этом роде. А пока скажи, как найти дом Джахамараджа Джа.

31. Таглиос. Учебный лагерь

Ох, как давно не отваживался я на полостную хирургию! Еще до начала операции начали дрожать руки, а в голове возник целый рой сомнений. Однако привычка взяла свое. Одноглазый же, сдерживая природный энтузиазм, рационально применил собственные таланты, останавливая кровотечение и успокаивая боль.

За мытьем рук я сказал:

– До сих пор не верится, что все сошло гладко. Я же, в сущности, с юных лет такого не делал.

– Думаешь, выздоровеет? – спросил Одноглазый.

– Должна. Если не будет осложнений. Изволь каждый день проверять, идет ли она на поправку.

– Слушай, у меня такая мысль… Может, ты мне метлу купишь?

– Зачем?

– Будет совсем нечего делать – смогу чистоту наводить…

– Пожалуй, я и себе метлу куплю.

Я наскоро, через Жабомордого, переговорил с родителями девочки, объяснил, что от них требуется. Их благодарность малость приугасла. Я и с самого начала сомневался в ее долговечности. Таков уж человек. И все же, уходя, сказал отцу, что рассчитываю на нее.

– Все, что угодно!

– Это будет не пустяк. Когда придет срок.

Он понял меня. И лишь мрачно кивнул.

Мы вышли на улицу, и Одноглазый сказал:

– Костоправ, глянь-ка!

Я опустил глаза и увидел на земле три мертвые летучие мыши, разложенные аккуратным равносторонним треугольником.

– Может, ребятам и не чудилось…

Сами трупы выглядели отнюдь не аккуратно.

Где-то неподалеку каркнула ворона.

– Принимаю помощь везде, где ее нахожу, – пробормотал я. И громче: – Одноглазый! Ты заставишь летучую мышь следить за людьми?

– Я – нет, – отвечал он, поразмыслив. – Однако в принципе это возможно. Хотя – мозгов у зверушки маловато…

– Это все, что мне нужно знать.

Ну, еще интересно, кто управляет мышами. Следует полагать, это Хозяева Теней.

Теперь и мне пришлось работать по двадцать часов в сутки. В свободное время я осваивал местный язык. Дело это несложное, надо только заложить основу. Чем она больше, тем легче учеба.

Организуя оборону, мы старались найти самые простые решения. Все свидетельствовало о том, что Хозяева Теней воспользуются Годжийским бродом для переправы большей части войск. От защиты прочих бродов я отказался в пользу культовых лидеров, а сам сосредоточился на том, что считал необходимым для препятствования перемещению основных сил врага. Если они форсируют реку и двинут на север, нам, боюсь, придется повторять кампанию Лебедя. То есть платить за победу по высочайшей ставке.

Начал я с формирования двух кадровых легионов, основываясь на модели Драгоценных городов – из тех еще времен, когда армии состояли из простых граждан с минимумом воинского опыта. Структура вооруженных сил была самой примитивной из возможных, с преобладанием пехоты. Могаба получил в подчинение всю пехоту и, помимо того, занял должность

командира первого легиона. Его лейтенант Очиба получил второй. Каждый набрал в сержанты десяток наров, а каждый из этих десяти принял сотню кандидатов из таглиосских добровольцев. Таким образом, легион получил ядро в тысячу человек, позволяющее увеличивать его численность по мере обучения рекрутов хотя бы строевой ходьбе.

Могаба взял для штабной работы Хрипатого, Когтя и Сердце. Я не знал, куда еще можно пристроить этих троих. Они, конечно, горели энтузиазмом, однако практической ценности не представляли.

Синдав с остальными нарами формировал третий легион – учебно-резервный, который я собирался использовать лишь в самой отчаянной ситуации.

Маслу, Крутому, гвардейцам и рои я поставил задачу привести в порядок конницу.

Ваше Сиятельство, Свечка, Клетус и остальные опальцы с берилльцами возглавили саперов, снабженцев и прочие вспомогательные части. Племянник Крутого, еще один никчема, в конце концов прибился к дяде.

В основном мы следовали рекомендациям, разработанным Могабой во время моего разведрейда. Ни одна из них меня не устраивала, однако я посчитал за грех охлаждать его творческое рвение. Все равно надо было что-то делать. И незамедлительно.

Он все просчитал. Легион Синдава будет готовить солдат для двух основных организационных единиц, но сам – развиваться медленнее. В то, что мы сможем сформировать более трех легионов, пока не разовьем достаточно местных талантов, Могаба не верил.

Ну а Госпоже, Гоблину с Одноглазым и мне осталось все самое важное и интересное, вроде переговоров с Прабриндра и его сестрицей, поисков дееспособных туземных колдунов, стратегического планирования и придумывания всяких уловок. Могаба, сама доброта, был рад спихнуть мне штабную работу.

Впрочем, это было правильное решение. Я не переставал удивляться его компетентности.

– Гоблин! – сказал я. – Пожалуй, тебе следует возглавить контрразведку.

– Хе-хе! – встрял Одноглазый. – Там ему самое место.

– Бери Жабомордого, когда понадобится.

Бес застонал. Работать он не любил.

Гоблин ухмыльнулся:

– Я, Костоправ, в этом зверьке не нуждаюсь.

Мне очень не понравились его слова. Коротышка явно что-то затевал. С тех пор как мы вернулись в город, он даже во сне излучал самодовольство. Значит, беда близко. Они с Одноглазым так поглощены своей распрей, что склонны забывать обо всем на свете.

Ладно, время покажет, что Гоблин припрятал за пазухой.

– Действуй, как сочтешь нужным, – сказал я, – но задача должна быть выполнена. Необходимо обезвредить наиболее опасную агентуру Хозяев Теней. Мелочь возьми в оборот, будем через нее поставлять противнику ложные сведения. Еще надо присматривать за высшими жрецами. Эти непременно доставят нам неприятности, как только придумают способ. Такова уж человеческая натура.

Госпоже я поручил внешнюю, показную деятельность, а также планирование. Я уже знал, где встречусь с противником, пусть и не имел всех необходимых для этой встречи средств. Госпожа позаботится о деталях – в тактике она на голову выше меня. Имперскими армиями, помнится, командовала весьма и весьма успешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.